

охота

и охотничье хозяйство

8

1994

На первой странице обложки: Ай, да молодцы! Эти очаровательные медалисты показали себя и великолепными работниками

Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки: В леса, в горы, к верховьям заветных речек, навстречу долгому празднику осенней охоты

Фото А. Рожкова,
П. Яровицкого, В. Ускова

С ОТКРЫТИЕМ ОХОТЫ

Вот и пришло долгожданное время. Разноликий и щедрый август одаривает нас своими богатствами: тревожными зорями, посвистом утиных крыльев, грибами и ягодами на севере, туманами, пахнущими березой в центральной полосе, обилием яблок, арбузов и дынь на юге... Случится попасть и под проливной дождь, и окунуться за птицей в холодную воду, пахнущую водорослями. Кто-то будет бродить с легавой по лесным опушкам, по верховым болотам, разыскивая тетеревов. Кому-то удастся поднять выводок белых куропаток. Разнообразия охот, ситуаций, случаев не перечесть! Более трех тысяч охотничьих хозяйств в системе одного только Росохотрыболовсоюза ожидают охотников по всей России.

Конечно, кризисная ситуация в отечестве не радует, да и нам, охотникам, осложняет жизнь. Нынешняя слишком большая экономическая самостоятельность регионов привела кое-где к неуправляемому росту стоимости членских взносов и путевок (подчас даже без обслуживания). Невероятно выросли цены на охотничьи оружие и снаряжение, о стоимости поездок в природу не подумашь без тяжелого вздоха. Руководители разных областей пытаются изымать охотничьи угодья у обществ охотников. Так уже было в Нижегородской и Калужской областях, но арбитражные суды восстановили там права Росохотрыболовсоюза. Надолго ли? До окончания срока арендных договоров? А что потом? Некоторые главы областей новые договоры пытаются заключать сроком до трех лет. Какие работы в угодьях могут провести охотничьи общества всего за три года?

В отношениях с бывшими республиками СССР, а ныне с самостоятельными государствами в охотничьих делах отмечаются еще большие сложности. Казахстан, например, забрал в свое полное ведение две охотничьи базы в дельте Волги, куда

ездили на охоту сотни москвичей. А результат? Базы разграблены... Задежать в них охотникам из Казахстана сложнее, чем охотникам из Москвы. Расчеты казахских хозяйственников на то, что принимать в дельте Волги они будут иностранцев, лопнули.

Несколько отвлекаясь от радостной темы по случаю открытия охоты, думается, стоит немного поговорить о современных мечтах многих руководителей легко пожить за счет иностранного туризма. Богатства Таити и Канарских островов, «Мерседесы» шейхов арабских эмиратов, видимо, многих лишают не только сна, но и рассудка. Одни рассчитывали жить за счет пляжей и апельсинов, другим мерещились дорогие утиные охоты, третьи хотели бы для дорогих охот развести стада медведей и бесчисленных глухарей... Но рано или поздно оказывается, что мечты эти построены на песке, а мечтатели просто некомпетентны в подобных делах. Им и во сне не снилось, какой сервис должен соответствовать запросам иностранных толстосумов. Они не рассчитали пустяка,— богатый иностранный охотник может полететь, поехать в любую часть света, на любую охоту с полным обеспечением сервисом, с гарантиями успешной охоты. Зачем, например, испанцу с огромным трудом забираться в казахскую часть дельты Волги для охоты на уток, если к такой же охоте он может подъехать на собственном автомобиле, в собственной стране, где-нибудь в районе Валенсии, на известном озере Альбуфера? Только редкие чудаки в поисках экзотики едут к нам за медведями на Камчатку или за сайгаками в Калмыкию. И все это относится не только к охотникам, но и самым обычным туристам. Хлебнув однажды нашей экзотики, во второй раз приезжать к нам они уже не стремятся.

Другая сторона дела заключается в том, что изымать и разрушать всегда проще, чем создавать. Охотники-пользователи арендовали территории охотничьих хозяйств многие годы, знают угодья, обустроили их. Худо ли, бедно ли, но во всех охотничьих хозяйствах под руководством специалистов-охотоведов проводились работы по улучшению охотничьих угодий, систематически проводились учеты дичи, подкормки... Значит, прежде чем изымать угодья у охотников- пользователей, нужно очень твердо знать, что будет на этом месте. Что же относится к обслуживанию на охотах

иностранцев, то необходимо помнить, что ресурсы-то охотничьи истощимы... Вот и практика показывает, что в зиму 1994/95 г. во многих хозяйствах охота на лосей будет закрыта просто потому, что лосей в них не стало.

Стремительно меняется экономическое бытие нашего отечества. В этих условиях совершенно необходим рассчитанный на перспективу новый общероссийский закон об охоте. Специалисты уже работают над таким законом, и можно надеяться, что он многое расставит по своим местам. Пока же порадуемся тому, что и в происходящих переменах есть положительные стороны.

Раньше, например, было довольно трудно получить путевку на охоту не в «свое» приписанное хозяйство. Теперь охотничим хозяйствам стало выгодно продавать путевки, а значит, и допускать в свои угодья заезжих охотников. Ликвидация охотничьего хозяйства Московского общества охотников в дельте Волги вполне компенсируется возможностью купить путевку в Астраханском областном обществе охотников и поехать в ту же дельту Волги или на острова между Волгой и Ахтубой. Важно лишь заранее списаться или созвониться с интересующим областным или краевым обществом охотников. А выбор поистине неистощим: от Белого моря и Онежского озера до Кубанских плавней и дельты Волги, от лесов Смоленщины до Приморского края. Огромна и, в общем, малоиспользована территория всей Сибири. Западная Сибирь — гигантский резерват водоплающей и боровой дичи. Горно-таежные районы Центральной и Восточной Сибири все еще богаты и зверем, и птицей.

Для нас, охотников, охота — спасение от неприятностей и стрессов современной жизни. Над отраженным в воде небом в лодке, в скрадке среди тростников или зарослей ситника и телореза, на росистой опушке, в сосновом бору или в лиственничнике, на горном склоне среди кедровчай или в альпийских лугах — везде мы сливаемся с природой, внимание наше становится настолько обостренным, что места для переживаний иной, суетной, городской жизни не остается.

Есть у охотников особая привилегия: в короткие дни или даже часы общения с природой дышать единым с нею дыханием. Порадуемся тому, что август пришел. С открытием охоты вас, друзь!

охота
и охотничье хозяйство 8 1994

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз обществ охотников и рыболовов РФ.

• Основан в октябре 1955 г.

ПИСЬМА О ПЕРЕРЕГИСТРАЦИИ ОРУЖИЯ

Уважаемая редакция!

С вашего позволения начну со знаменства. Мне 65 лет. Охотой занимаюсь без малого полвека. Наш журнал выписывал с середины 50-х годов. В курсе всей охотниче-хозяйственной жизни в стране, освещаемой журналом, и особенно осведомлен о метаморфозах, происходящих в отношении приобретения, регистрации и перерегистрации охотничьего оружия.

Известно, что в нашем Отечестве издревле царил золотой век для его граждан, когда в любой точке страны можно было свободно, как пачку папирос или булку хлеба, купить охотничье огнестрельное оружие.

Но общество «совершенствуется», и в связи с Постановлением Совмина СССР — № 646 от 1975 г. был введен единый порядок приобретения, учета и хранения охотничьих ружей. Во исполнение этого Постановления МВД СССР была принята Инструкция № 246 — 1987 г., которая, наряду с некоторыми положительными моментами, имела ряд надуманных усложненностей и бюрократических элементов. Это признал в своей статье начальник отдела Главного управления охраны общественного порядка МВД СССР В. Ващенко (см. наш журнал № 2, 1990 г.).

В связи с этим МВД СССР своим приказом № 102 от 1989 г. внесло в Инструкцию № 246 — 1987 г. изменения в части отмены требования о представлении медицинских заключений при обращении в органы внутренних дел для регистрации или перерегистрации охотничьего огнестрельного оружия. Снято положение о том, что право приобретения такого оружия представляется гражданам «при отсутствии медицинских и других противопоказаний, препятствующих безопасному владению и обращению с ним». Отменено требование о представлении при перерегистрации в органы внутренних дел имеющегося оружия для технического осмотра. Количество ружей, находящихся в пользовании охотника, действующим законодательством не ограничивается. И еще ряд пунктов, освобождающих «нашего брата» от излишней волокиты и бездарной траты времени.

Таким образом, при перерегистрации оружия владелец обязан представить в орган внутренних дел только охотничий билет с отметкой государственной пошлины за текущий год и квитанцию об уплате сбора за перерегистрацию оружия.

Говоря языком сегодняшних политиков, между правоохранительной служ-

бой страны и охотничьей общественностью был достигнут консенсус.

Но, как констатировал один герой А. Райкина, кому-то одному очень не хорошо, когда всем остальным вроде как бы нормально.

И вот 30.12.1993 г. главнокомандующий правоохранительными органами России господин Ерин издает «новый» приказ № 609, предусматривающий при перерегистрации охотничьего оружия представление в ОВД следующих документов:

1. Справка из психбольницы.
2. Справка из наркологического центра.
3. Характеристика участкового милиционера.
4. Медицинская справка по форме № 286, для чего необходимо: сдать на анализ мочу, кровь, снять кардиограмму, пройти флюорографию и обследование у пяти врачей: лор, окулист, невропатолог, хирург и зав. проф. отделом. Стоимость только одной медицинской справки. Форма № 286 — 20—22 тысячи рублей. Это полторы минимальной пенсии! А сколько необходимо потратить времени для того, чтобы собрать эти справки! Но это еще не все. В милиции опять требуют представление оружия для технического осмотра, и приказом предусмотрена перерегистрация за 3 месяца до истечения предыдущего срока.

То есть все, что предусматривалось в Инструкции МВД СССР № 246 — 87 г. и от чего в последующие годы отказались, вернули на круги своя.

Попытка показать капитану милиции, проводящему перерегистрацию охотничьего оружия, наши журналы, где

описана вся история с наработкой требований и правил, предъявляемых к владельцам оружия, вызвала у него гримасу не меньшую, чем если бы ему на день свадьбы подарили гроб.

В беседе с Главврачом Ессентукской горнополиклиники последняя заявила, что прохождение медкомиссии охотниками проводится в соответствии с приказом Минздрава СССР № 555 от 29.09.89 г. Но на возражение, что уже 5 лет после этого приказа медосмотр охотников включает лишь проверку зрения и слуха, она отреагировала откровением: «...что ж, раньше мы жили при коммунизме, было другое и сознание, и понимание, а теперь все по-другому, и приказы нарушать мы не можем».

Хороша логика незадачливого главврача. Нарушать приказ № 555 от 29.09.89 г. ныне несуществующих Минздрава и самого государства, то есть уменьшить численность проходящих врачей и анализов, она не может. А вот увеличить стоимость медицинской справки более чем в десять тысяч раз — это пожалуйста.

Эту «заботу» о здоровье охотников понять нетрудно. Простая арифметика показывает, что 3 млн. охотников по 22 тысячи рублей за их мочу и флюорографию дают 66 миллиардов рублей. Это сейчас и немедленно, поскольку перерегистрация оружия просрочки не допускает. Мы уже не говорим, что сегодня в стране каждый второй страдает приобрести огнестрельное оружие для самозащиты, и сколько это им будет стоить времени, нервов, здоровья и т. д. Это, как говорится, их заботы. И сколько от этого полу-

чит здравоохранение — тоже не наше дело. Нас интересует, кому это в нашей стране показалось, что охотничья общественность — это настолько состоятельная часть общества, что способна взять на иждивение здравоохранение? А если многие из нас уже давно находятся в ситуации, когда не знаешь что делать с пенсией: отнести ее на оплату за жилье или оставить на пропитание, а здесь добавляют и еще одну необходимость — отдать ее за перерегистрацию оружия.

Кто нам ответит — как быть?

Интересно и другое. Что, эти господа, издавшие последний приказ от 30.12.93 г., которым уже вовсю руководствуются в соответствующих службах, действительно считают, что цвета, запаха или вкуса мои может быть снижена в стране преступность? Или те, кто его обновил, машинально достали с архивных полок 1987 г. первоначальный оригинал, не удосужив себя трудом заглянуть в последующие дополнения к нему, убравшие всю первоначальную глупость? Нам, честно и материально небезбедно прожившим свою трудовую жизнь, проработавшим по 40—50 лет и столько же прожившим, начинает казаться, что против нас идет непрекращающаяся целенаправленная работа по уничтожению. Своими приказами, от которых нам никуда не деться (ибо настоящий охотник перестает им быть с наступлением физиологической смерти), заставляют по полторы минимальной пенсии платить лишь за одну медицинскую справку, которая нам нужна не больше, чем попу гармонь, о чем красноречиво свидетельствует тридцатилетний, сорокалетний и полувековой трудовой и охотничий стаж.

Поэтому мы считаем необходимым войти с ходатайством в руководящие правоохранительные органы с предложением внести изменения в новый приказ № 609 от 30.12.93 г. в соответствии с «Приказом МВД СССР № 02 — 89 г. в части приобретения регистрации и перерегистрации охотничьего оружия», жизненность которого убедительно доказана пятью последними годами.

По поручению первичного коллектива охотников
Л. И. БОНДАРЕНКО, г. Ессентуки

Уважаемая редакция!

Пишет вам охотник с 40-летним стажем охоты, а дело вот в чем. В 1991 году у меня окончился срок действия разрешения на право хранения ружья. Еще за месяц до окончания этого срока я несколько раз наведывался к инспектору разрешительной системы В. А. Козлову, чтобы продлить разрешение, но либо упирался в замкнутую дверь кабинета (хотя дни были приемные), либо скапливалось столько охотников, что принять всех инспектор

не успевал. Я живу в 50 км от районного центра, где находится инспектор, и часто посещать и ждать удачного момента не имею возможности, да к тому же в семье произошло несчастье — бетонной плитой жене раздробило ноги, и она долгое время находилась в больнице района, а позже на повторной операции в г. Ставрополе за 200 км. У нас двое малолетних детей, и оставить их дома не с кем, так что мне пришлось временно на 6 месяцев оставить работу. Положение не из легких, и, тем не менее, я изредка наиведывался к инспектору в надежде продлить разрешение. И вот, наконец, я у инспектора, но к этому времени разрешение уже было просрочено на два месяца. Инспектор за эту просрочку на меня накричал (что я совершил преступление и незаконно хранил оружие) — отобрал у меня разрешение и сказал, чтобы я привез и сдал ружье. Я молча вышел из кабинета и уехал домой, ружье сдавать не повез. Два года по поводу разрешения меня никто не беспокоил, охотничьи членские взносы я плачу исправно до настоящего времени, хотя и не охочусь по состоянию собственного здоровья и в силу вышеупомянутых причин. И вот в 1994 г. органы МВД провели рейд с целью проверки условий хранения охотничьего оружия. 11 марта 1994 г. в 20 часов меня вызвали из дома. На улице меня ждал человек в штатском, который назывался работником милиции. Документы у него я требовать не стал, потому что в темноте все равно ничего не рассмотрел бы, но спросил, что ему нужно? Он сказал, что проводится рейд, есть ли у меня оружие и как оно хранится, на что я ответил — ружье есть и хранится надлежащим образом (под замком), но разрешение на право хранения просрочено, на что он заявил, что ружье будем изымать. Я пытался объяснить причину просрочки, но он объяснений моих не понял и стоял на своем. Потом он ушел к машине, стоявшей в отдалении, а ко мне подошел наш участковый Бычков Сергей Анатольевич, который подтвердил, что ружье будут изымать. Когда я сказал: «а если я не отдам», ведь ружье, хотя и предмет повышенной опасности, все-таки мое личное имущество, за которое я заплатил деньги, на что Бычков ответил, что в таком случае заберем тебя вместе с ружьем и пойдешь по статье за неповинование работникам милиции, с чем они и уехали. Это было 11 марта, в пятницу, а в понедельник на меня завели уголовное дело. К делу были приобщены три рапорта работников милиции, в которых была изложена вопиющая клевета, якобы я вел себя вызывающе, оскорбляя их и т. д. О содержании рапортов я узнал позже в суде. Бычков пригласил меня в райотдел милиции якобы для беседы с начальником милиции о моем оружии — это был обман. Никакой беседы не было. Когда я с Бычковым вошел в дежур-

ную часть, то оттуда я уже выйти не мог. Я оказался под арестом, там я и узнал о существовании «дела». Вместе с двадцатью другими людьми, содержащимися в КПЗ, меня под конвоем дюжих молодцов проводили в суд. По существу моего дела судья вынес мне официальное предупреждение и отпустил. После суда я побывал у инспектора разрешительной системы Козлова с целью продлить разрешение, но тот стоял на своем, заявив, что ружье у меня он все равно отберет. А ведь закон гласит: только наступление тяжких последствий дает основание для возбуждения уголовного дела и последующего разбирательства с владельцем ружья. Без них нет ответственности. В моем случае налицо нарушение административного характера и должно решаться административным путем. Никакого преступления с применением или хотя бы с угрозой применения ружья я не совершил, но и замначальника милиции Климентов М. И. и зам. районного прокурора Киселев Г. М., к которым я обращался, в один голос заявляют, что я совершил преступление (незаконное хранение оружия), и оружие должно быть изъято. Налицо грубое нарушение конституции РФ, которая гарантирует неприкосновенность личного имущества граждан. И еще: чтобы продлить разрешение на право хранения ружья, заставляют пройти медкомиссию. Необходимо представить заключение чуть ли не всех врачей, а если учесть, что прохождение комиссии платное, то это выливается в приличную сумму — около 10 тыс. рублей. Разве это правильно? Согласно разъяснениям юристов, помещенных в охотничьих журналах, для получения подобного разрешения достаточно предъявить заполненную карточку-заявление и охотничий билет с отметкой об уплате членских взносов за текущий год. Каких-либо других документов не требуется.

Ставропольский край, Георгиевский р-н,
пос. Ново-Ульяновский, ул. Лесная, 35
ТАРАКАННИКОВ Дмитрий Иванович

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Написать вам с просьбой о помощи меня вынудили трудности, которые связаны с продлением действия моего разрешения на право хранения и ношения гладкоствольного охотничьего оружия. В последнее время в нашем городе, чтобы продлить срок действия разрешения, нужно по меньшей мере 2—3 месяца, а то и больше. Лично у меня этот процесс длится с ноября 1993 г. Я, как председатель первичного общества ОиР Воркутинского механического завода, провел опрос среди своих охотников по этому вопросу, и выяснилось, что все, кто прошел или проходит перерегистрацию, жалуются на необъяснимую длительность этого дела. Получается так, что меня по-просту лишили права выходить на охо-

ту, хотя членские взносы уплачены, путевка есть, сезон открыт,— а выйти на охоту не имевши права — разрешение на ношение оружия находится на продлении. Сотрудник милиции, занимающийся вопросами регистрации и перерегистрации оружия, стал вдруг требовать от охотников какой-то акт от участкового милиционера. В нем должны быть запротоколированы опросы жены, проживающих родственников, соседей. Результат проверки правильности хранения оружия и боеприпасов — заключение: продлить разрешение или нет.

Считаю, что эти требования не имеют законного основания, тем более, что я не хулиган, не пьяница, не дебошир, и оружие храню как положено: в разобранном виде, со спущенными курками, отдельно от боеприпасов, в кладовой комнате с запирающейся на замок дверью. Всю эту информацию вполне можно получить по телефону, либо у жены, или у тестя, который живет с нами, или у меня самого. И для этого вовсе не нужен визит участкового. Время сейчас смутное, и посторонним я двери не открываю, поскольку оружие сейчас стало очень дорогое. Ссылку же милиции на растущую криминогенность считаю несостоятельной, так как «крутые» ребята «работают» не охотничим, а боевым оружием. И хотелось бы предложить следующее:

1. Либо проводить перерегистрацию оружия в период, когда охота закрыта и со сроком действия разрешения на 5—6 лет.

2. Либо выдавать временные разрешения на период перерегистрации (по примеру органов ГАИ, когда инспектор изъял права за какое-либо нарушение, но ездить можно или по талону предупреждения, или по справке, выданной ГАИ).

Пример с автолюбителем характерен тем, что в отличие от охотника его права не ущемляются. И наконец, а нужна ли эта перерегистрация вообще?! С точки зрения охотников — нет. В виде дополнительного налога с граждан в пользу МВД — да. Сама же регистрация оружия нужна именно в том виде, в каком была раньше. Охотниче оружие регистрируют общества охотников, а если будет продаваться (вдруг!) нарезное оружие (не охотниче) — то это уже епархия милиции. По-моему, это логично.

Удачи вам и всего хорошего, надеюсь на вашу помочь в получении мною разрешения на хранение и ношение оружия.

Валерий Андреевич УШАНОВ,
председатель первичного ООиР
механического завода.

Уважаемая редакция!

15 марта текущего года участковый инспектор милиции проверял у меня и других охотников, проживающих на

обслуживаемой им территории, условия хранения охотничьего оружия и боеприпасов, а также наличие положенных документов.

Я предъявил ему охотничий билет с отметкой об уплате членского взноса за 1994 г., разрешение отдела внутренних дел на хранение оружия с неистекшим сроком действия и само оружие (два гладкоствольных ружья — 16-го и 12-го калибров), которое на момент прибытия инспектора хранилось, как он наглядно убедился, в разобранном и зачехленном виде внутри запертого на ключ деревянного шкафа, указал также, где отдельно от оружия, под замком хранятся боеприпасы.

Подобные проверки проводились периодически и ранее, но ни этим офицером, а его предшественником на данном посту, и по результатам проверки никаких замечаний я не имел.

На этот раз неожиданно для меня результат оказался иным: как только я открыл ключом шкаф, достал свое оружие и стал его расчехлять, инспектор сразу заявил, что условия, в каких я храню оружие, не соответствуют действующим правилам, что хранить его следует только в запираемом металлическом ящике, а хранить в деревянном шкафу совершенно недопустимо.

На это я ответил, что условия хранения моего оружия соответствуют правилам (и разъяснениям к ним МВД СССР), действовавшим до издания в 1993 г. Закона Российской Федерации «Об оружии», и отвечают требованиям ст. 23 этого закона, где говорится, что: «оружие должно храниться в условиях, обеспечивающих его сохранность, безопасность хранения и исключающих доступ к нему посторонних лиц».

Такие требования, я считаю, полностью соблюdenы. О металлическом ящике в законе упоминания нет. Каких-либо указаний, дополняющих закон, в периодической печати не встречал. Инспектор сказал, что кроме закона «Об оружии» в милиции есть специальная инструкция, и он действует в соответствии с ней, о результатах проверки он будет докладывать своему начальнику. Перед уходом предупредил, что, если при очередной проверке мое оружие будет храниться не в металлическом ящике, мне будет отказано в разрешении хранить оружие.

Адрес: 460018, Оренбург, 18,
ул. Спартаковская, 90, кв. 27.
БОРИСОВ Н. Д.

Уважаемая редакция!

Вот и подошел «долгожданный» срок открытия «Охоты» на охотников, согласно 3-годичному «сезону» с 1976 г. Я имею в виду перерегистрацию охотничьего оружия. В очередной (не первый) раз сталкиваюсь с

требованиями известных органов. Короче — я вновь был отправлен к психологу и наркологу за справками, подтверждающими, что ... «я не верблюд». Интересно заметить, что для водителей автомобилей справка от нарколога стоит в 2 раза дешевле, чем для охотников (500 рублей — для охотников и 250 рублей — водителям).

В 11-м номере за 1988 г. и в 1-м номере за 1989 г. сообщалось, в каких случаях требуются вышеописанные справки. Я имею в виду и сноска на стр. 27 в № 11 за 1988 г. Может быть, я что-то пропустил в журналах, и вышли новые законы и ведомственные инструкции сверх закона? Сообщите, пожалуйста, почему мне нужно бегать по врачам и платить 500 рублей наркологу и 300 рублей психологии, в общей сумме с членскими взносами суммы немалые. (15 тыс. рублей членские взносы за охотбилет, для пенсионеров 7 тыс. рублей, да еще за каждое ружье по 100 рублей, да еще за отработку и т. д.).

Посоветуйте, пожалуйста, уважаемая редакция, какими должны быть дальнейшие мои действия и действия очередных «жертв» этой «безумной» охоты? Идет война на уничтожение законопослушных граждан. В это же время для преступников даже готовится амнистия. Все это происходит во второй столице России (как теперь часто говорится) или в северной столице Санкт-Петербурге, в 73 отделении милиции (Фрунзенский район).

До 28 февраля 1994 г. я считаюсь нормальным человеком, как указано в удостоверении, а если я не принес справки к 1 марта 1994 г., то буду наркоманом или психом, а точнее, и тем и другим одновременно.

Адрес: 192284 С. Петербург,
Будапештская 72, к. 3, кв. 128.
Охотник-пensionер Е. Н. САВИНОВ

Уважаемая редакция.

Стыдно заниматься жалобами, но что поделаешь, замучили бюрократы. Я охочусь с 1956 г. и не пропустил ни одной весенней охоты, а в этом году, видимо, придется сидеть дома. Причина простая: при перерегистрации охотничьего ружья приходится ждать 2—3 месяца. Разрешение закончилось в марте. Помимо нововведений — две справки от нарколога и из психодиспансера. Нам, членам 22 коллектива Солнечногорского районного общества, предложили в Химкинском отделе Милиции (разрешительная система) оформить еще три справки из специальных бланках: из ГАИ, вытрезвителя и участкового или милиционера.

Учитывая, что 2 предыдущие справки стоили по 600 рублей каждая, не знаю, сколько готовить денег для остальных трех. Объясните, правомочны ли действия разрешительных органов системы Химкинского горотдела милиции.

П. ВЕТКИН.

КОНСУЛЬТАЦИИ ОРУЖИЕВЕДА М.БЛЮМА

Охотник Павел Степанович Пересветов из Ярославской области просит рассказать о вкладных стволиках для охотничьего оружия.

Поскольку в настоящее время отечественная промышленность не изготавливает вкладных стволиков (по крайней мере, ни один из заводов об этом открыто не заявил, и рекламные сведения подобного характера отсутствуют), обратимся сразу к зарубежным производителям подобного оружия, которые изготавливают и продают различного типа вкладные стволики для охотничьего оружия.

Возьмем, к примеру, каталог фирмы Франкония. Рекламируемые в нем вкладные стволики можно разделить на три типа. Это вкладные патронники, вкладные стволики не на полную длину ствola и лейнера, представляющие собой вкладные стволики на полную длину ствola и закрепляющиеся у дула специальной гайкой.

Рассмотрим ассортимент вкладных патронников для гладкоствольных и нарезных ружей. Стоимость их относительно небольшая, от 29 до 2136 ДМ, но для тренировки это незаменимое подспорье охотнику в межсезонье, так как они могут позволить тренироваться в стрельбе не только на садовом участке, но и у себя дома. В этом каталоге предлагаются следующие типы вкладышей в патронники для патронов меньших калибров, чем имеющиеся ружьи.

Вкладыш в патронник для магазинных карабинов и комбинированных ружей под патроны, начиная с 7×57 и кончая 458 Винчестер (калибр 11,63 мм). Длина вкладыша равна длине патрона, и его конфигурация соответствует наружным размерам патрона, а поэтому в магазинный карабин можно вложить сразу несколько таких вкладышей и таким образом получить возможность произвести несколько выстрелов подряд патроном калибра 5,6 мм кольцевого воспламенения с использованием переходника, позволяющего разбивать капсюль бокового огня в оружии, приспособлённом для патронов центрального боя. Дальность уверенной стрельбы 10—15 м, что позволяет вести тренировочные стрельбы, а также добить некрупного зверька. Такие же вкладыши изготавливаются под патрончики центрального боя калибра

Вкладные стволики разной длины

Вкладные патронники

4 мм, стреляющего дробинкой для тренировочной стрельбы в помещении на дальность 5—7 м. Под 4-миллиметровый патрон делаются вкладыши в патронники гладкоствольного оружия 12, 16 и 20-го калибров. Для гладкоствольных ружей имеется вкладыш со смещенным каналом для стрельбы на 5—10 м мелкой дробью патронами кольцевого воспламенения калибров 5,6 мм и 9 мм. Для гладкоствольного оружия есть вкладыш с переходником под патроны калибра 5,6 мм Винчестер Магнум и длинный винтовочный кольцевого воспламенения, а также вкладыши в патронник для ружей 12-го калибра под патроны 16, 20 и 410-го калибров; для ружей 16-го калибра — под патроны 20-го и 410-го

калибров, а для ружей 20-го калибра — под патроны 410-го калибра.

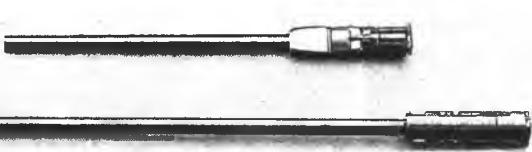
Рассмотрим теперь вкладные стволики, имеющие длину меньше длины ствола оружия, для которого он предназначен. В каталоге Франконии предлагаются вкладные стволики длиной 220 мм для ружей 12, 16 и 20-го калибров под патроны 22 Винчестер Магнум (калибр 5,6 мм) и винтовочные патроны калибра 5,6 мм кольцевого воспламенения. Кроме того, под патрон 22 Винчестер Магнум изготавливается ствол длиной 440 мм. Для ружей этих же калибров изготавляются лайнера под патроны калибра 5,6 мм кольцевого воспламенения и центрального боя различной мощности (22 Винчестер Магнум, 22 Хорнет, 222 Ремингтон, $5,6 \times 50RM$, $5,6 \times 52R$).

Вопрос. Какие существуют модификации поноха «Сунар»?

Ответ. Нашим охотникам давно уже известен порох «Сунар», изготовленный в Казани, в Государственном научно-исследовательском институте химических продуктов, однако в последнее время появились различные его модификации.

Охотничий порох «Сунар» без буквенных добавок предназначается для снаряжения охотничьих дробовых патронов 12, 16 и 20-го калибров и представляет собой цилиндрические зерна с каналом. В 12-й калибр пороха кладется от 1,7 до 2,0 г под дробь весом 35 г. При таком снаряжении скорость дроби в десяти метрах от дула должна быть не менее 325 м/с при максимальном давлении 680 кгс/см² с войлочным пыжом. Для снаряжения этих же патронов с теми же навесками применяется порох «Сунар-СФ» (сферический порох), а также «Сунар-Н» (сфероидно-эллипсоидный), который при тех же навесках с войлочным пыжом дает несколько большее максимальное давление пороховых газов, 700 кгс/см².

Порох марки «Сунар-С» предназначается для снаряжения стендовых патронов, применяемых на спортивных соревнованиях. Форма зерна этого пороха цилиндрическая с каналом, навеска пороха от 1,55 до 1,75 г под дробь весом 24 г для патронов 12-го калибра. Давление при таком способе снаряжения с полизиленовым пыжком-контейнером достигает до 800 кгс/см². Таким образом, следует обратить особое внимание охотников на то, что с этим порохом следует обращаться очень осторожно, тщательно его взвешивая. При этом следует взвешивать и каждый снаряд дроби, а не насыпать его меркой. Все сказанное о порохе «Сунар-С» относится и к «Сунар-СВ», который разработан для международных стендовых соревнований. Навеска этого пороха для 12-го калибра должна быть в пределах 1,35—1,55 г, вес дроби 24 г, максимальное давление 800 кгс/см², пыж полизиленовый с контейнером, скорость в десяти метрах от дула 340 м/с.

Г. РУСАНОВ

Фото автора

МАЛЫЙ ЖЕМЧУЖНЫЙ

Серебристая чайка

Остров Малый Жемчужный — крупнейший на Северном Каспии и в нашей стране очаг гнездования чайковых птиц: черноголового хохотуна, серебристой чайки, чегрavy, речной, пестроносой и малой крачек. С 1983 г. колониальное гнездовье получило статус государственного памятника природы.

Остров образовался на месте подводной отмели, подвергается постоянному воздействию прибоя, и на нем всегда есть значительные участки, покрытые песком и раковинами моллюсков, полностью или частично лишенные наземной

растительности. Они и служат местом гнездования чаек и крачек.

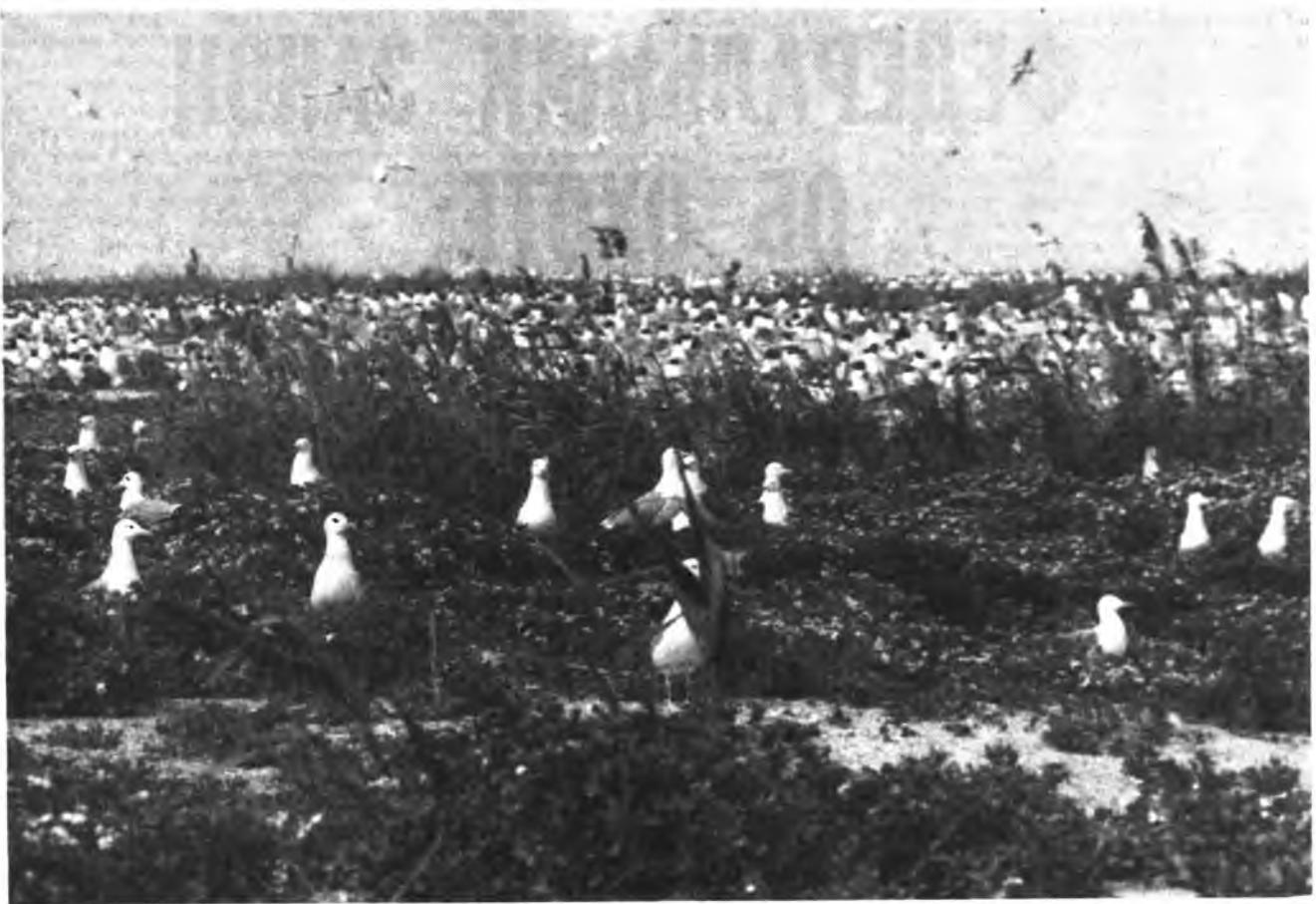
Численность гнездящихся на острове черноголовых хохотунов с 1975 по 1991 г. изменялась от 2,5 до 42 тыс. пар. Самая низкая численность птиц была в 1976—1979 гг., когда на острове временно жили люди. Наиболее высокая численность наблюдалась в 1987 г. Черноголовые хохотуны образуют на острове до 10 очагов гнездования (колоний), которые годы высокой численности птиц почти соединяются друг с другом. Между этими очагами или на их окраинах гнездятся

Гнездовая колония черноголовых хохотунов

Гнездовая колония чеграв

Серебристые чайки гнездятся на острове рассредоточенно

«Детский сад»

чегравы — самые крупные, красивые и агрессивные крачки. Их численность составляла 0,5—6,2 тыс. пар; серебристых чаек — 0,15—2,1 тыс. пар (в 80-х гг. их было около 1 тыс. пар). Серебристые чайки гнездятся рассредоточенно на старых прибрежных валах, среди зарослей аргузии и разреженного тростника. Сидящие на гнездах крупные белые птицы издалека четко видны на зеленом фоне растительности.

С 1984 г. на острове стали гнездиться речная и пестроносая крачки. Численность первых не превышала 2 тыс. пар, а вторых — 6,2 тыс. пар. Малые крачки встречаются единично. Увеличение численности и видового состава гнездящихся птиц явилось следствием улучшения охраны гнездовья в связи с объявлением его памятником природы и концентрацией на острове птиц из других районов Каспия, где условия их гнездования ухудшились из-за подъема уровня моря. Однако

и остров Малый Жемчужный постоянно сокращается, что делает перспективу дальнейшего успешного гнездования птиц на нем проблематичной.

На протяжении многих лет жизнь птиц в этой колонии изучают орнитологи, вирусологи, гельминтологи и другие специалисты. Гнездовая колония чаек служит хорошим объектом для исследований территориальных связей птиц, их экологии, поведения и распространения птицами вирусных и других заболеваний. Ежегодно ученые Астраханского заповедника метят здесь кольцами до 15 тыс. молодых чаек и крачек. Сообщения о встречах окольцованных на острове птиц поступают с различных водоемов юга России и из-за рубежа.

Посещение гнездовой колонии в период размножения птиц обязательно должно согласовываться с природоохранными организациями Астраханской области.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН ОБ ОХОТЕ: КАКИМ ЕМУ БЫТЬ?

Публикую статью Н. Астафьева и Ю. Мамаева о проекте закона «Об охоте и охотниччьем хозяйстве», редакция приглашает читателей принять участие в ее обсуждении. Свои предложения и замечания просят направлять в адрес редакции. Они будут учтены при работе над законопроектом.

В конце 1994 г. в Государственной Думе Федерального собрания России впервые с 1917 г. должен быть принят Федеральный закон об охоте и охотничьем хозяйстве. Проект готов.

Вряд ли нужно говорить об огромном значении закона для развития отечественного охотничьего хозяйства в современных условиях становления рыночных отношений. Сейчас возникают совершенно иные правовые и эко-

номические отношения охотничьего хозяйства с государственной властью, с землевладельцами и землепользователями (сельским, лесным и водным хозяйством), а также с появившимися в последние годы частными собственниками земельных участков.

По этой причине закон призван регулировать общественные отношения, укрепление законности и правопорядка в сфере охотничьего хозяйства, приведение этих отношений в полное соответствие с современными политическими и социально-экономическими условиями и законодательством в области природопользования, охраны природы и экономики. Федеральный закон об охоте и охотничьем хозяйстве призван обеспечить сохранение, рациональное использование и восстановление ресур-

сов охотничьих животных, соблюдение прав и интересов всех народов Российской Федерации в области пользования охотниччьими ресурсами в научных, эстетических, культурных и образовательных целях, а также для получения товарной продукции.

Федеральный закон об охоте и охотничьем хозяйстве — закон прямого действия. Согласно статье 72 Конституции Российской Федерации вопросы владения, пользования и распоряжения природными ресурсами и общественные отношения в сфере природопользования находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Федерации и, следовательно, регулируются федеральным законодательством, единым для всей территории России.

На переходный период Указом Президента России «О федеральных природных ресурсах» от 12.12.1993 г. № 2144 определены ресурсы, остающиеся в федеральной государственной собственности. На основании этого Указа в федеральную собственность вошли виды диких животных и растений, внесенных в Красную книгу Российской Федерации, виды животных, ценные в хозяйственном отношении и отнесенные к особо охраняемым, естественная миграция которых проходит по территории двух и более субъектов Российской Федерации, а также виды животных, подпадающие под действие международных договоров.

Все остальные виды растений и животных, в том числе и охотничьих, находятся в совместной собственности Российской Федерации и ее субъектов.

В концепции проекта закона нашли отражение достижения отечественного охотоведения, особенно в разделах, касающихся биологических основ охраны, использования и восстановления ресурсов охотничьих животных, а также в части осуществления контроля за деятельностью охотпользователей. Для решения поставленных законом задач использованы принципиально новые подходы. Тем не менее ряд ключевых вопросов носит традиционно ведомственный характер. Ограниченные объемом публикации, мы остановимся лишь на новых для нашего законодательства положениях и наиболее дискуссионных аспектах концепции проекта охотничьего закона.

Закон в определенной степени ослабляет возможность ведомственного давления на охотпользователей. Государственное управление охотничьим хозяйством строится на принципе строгого разграничения функций государственного управления и контроля в области использования, охраны и восстановления охотничьих ресурсов с функцией хозяйственного использования этих ресурсов.

Таким образом, закон запрещает любым государственным органам, причастным к управлению охотничьими ресурсами и контролю за их использованием и охране, иметь собственные охотничьи хозяйства и эксплуатировать ресурсы охотничьих животных, что позволяет сделать отношения между охотпользователями и такими государственными органами менее напряженными. Особенно в плане перераспределения лучших охотничьих угодий.

Принципиальное значение для развития охотничьего хозяйства, а также правовых и экономических отношений между охотпользователями и землевладельцами (землепользователями) имеет положение об отделении права на охотпользование от права на землевладение (землепользование). Это (в сочетании с порядком закрепления угодий) — один из ключевых вопросов в проекте закона, так

как он, по сути дела, определяет, будет ли у охотничьих угодий, то есть у среды обитания охотничьих (и неохотничьих) животных, настоящий хозяин.

Все без исключения заинтересованные стороны (органы охраны природы, управления охотничим и лесным хозяйством) признают, что без подходящих местообитаний животные существовать не в состоянии, без восстановления местообитаний никакими вложениями средств и труда восстановить популяции диких животных невозможно. В этом можно убедиться, проанализировав причины сокращения численности одних и исчезновения других видов животных, которые наглядно изложены в Красных книгах МСОП, России и бывших республик СССР. Именно поэтому в законодательстве об охране природы и животного мира декларируются основные требования к земле- и водопользователям по недопущению сокращения местообитаний диких животных.

Таким образом, охрана охотничьих угодий как местообитаний животных представляется не менее важной для охотничьего хозяйства, чем охрана самих животных.

До настоящего времени охотничьи угодья закрепляли бесплатно по соответствующему договору с Госохотинспекциями и практически без согласования с основными землепользователями.

В подавляющем большинстве случаев охотпользователи не располагали правом на землю и не могли ни планировать, ни осуществлять широкомасштабных мероприятий по улучшению качества угодий, необходимого их обустройства, требующего земельных площадей под строительство кордонов, баз или дорог. С другой стороны, ни охотпользователи, ни государственные органы по управлению охотничим хозяйством не уделяли должного внимания состоянию угодий, особенно состоянию естественных кормовых ресурсов их. Повышение ёмкости угодий для охотничьих животных подменяли организацией в них зимней подкормки. Стремление же охотпользователей к достижению «коптимальной» численности диких животных и «обогащению» угодий путем вселения в них новых видов животных часто приводили к созданию сверхплотных популяций (например, копытных), разрушению естественных местообитаний и значительному ущербу для основных землепользователей. В то же время основные землепользователи, связанные собственными производственными планами, не имели от охотпользователей ничего, кроме ущерба, и в большинстве случаев в ходе своей деятельности не учитывали интересов и требований охотничьего хозяйства.

В результате у охотничьих угодий — основного и неотъемлемого компонента государственного охотничьего

фонда — так и не появилось рачительного хозяина, который бы оберегал их от истощения и разрушения, с какой бы стороны ни появлялась такая угроза.

Проект федерального закона допускает несколько вариантов решения этой проблемы.

Первый вариант — административное решение. Используя компетенции государственных органов власти Российской Федерации и ее субъектов, выдавать лицензии на право охотпользования юридическим и физическим лицам по согласованию с региональными государственными органами по охране природы. Для того чтобы не нарушать прав землевладельцев и землепользователей, гарантированных им действующим законодательством (Кодексом Российской Федерации о земле, Основами лесного законодательства), можно добиться и согласия основных землепользователей и землевладельцев. Допустим, что можно решить вопрос и с землями, находящимися в частной собственности.

Гарантирует ли этот добровольно-принудительный вариант, закрепленный в законе, адекватное отношение охотпользователей, землевладельцев и землепользователей к состоянию и качеству охотничьих угодий?

При этом варианте юридические и физические лица, получившие лицензию на охотпользование, будут платить арендную плату за закрепленные за ними охотничьи угодья, по крайней мере за земли лесного фонда (см. Основы лесного законодательства). Очевидно, такие же платежи будут предусмотрены в Водном и Земельном кодексах Российской Федерации. Размеры арендных платежей и условия пользования угодьями, оговоренные в лицензии и договоре на аренду угодий, могут быть малоприемлемыми для охотпользователя, что уже имеет место.

Что касается арендодателей, то от сдачи угодий в аренду для нужд охотничьего хозяйства они никаких экономических и прочих преимуществ не приобретут (кроме, может быть, возмещения ущерба) и, следовательно, не станут проводить никаких специальных мероприятий по охране и улучшению качества угодий, выходящих за пределы обязанностей, возложенных на них природоохранным законодательством. А арендаторы, как и в ситуации, изложенной выше, все так же лишенные прав на землю, будут крайне ограничены в своих возможностях влиять на ёмкость охотничьих угодий. В этом случае охотпользование может быть нерентабельным из-за низкой численности основных объектов охоты или, в случае высокой численности животных, из-за значительных затрат на возмещение наносимого этими животными ущерба.

Во втором варианте решения государственные органы управления и контроля за использованием охот-

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН ОБ ОХОТЕ: КАКИМ ЕМУ БЫТЬ?

Публикую статью Н. Астафьева и Ю. Мамаева о проекте закона «Об охоте и охотниччьем хозяйстве», редакция приглашает читателей принять участие в ее обсуждении. Свои предложения и замечания просьба направлять в адрес редакции. Они будут учтены при работе над законопроектом.

В конце 1994 г. в Государственной Думе Федерального собрания России впервые с 1917 г. должен быть принят Федеральный закон об охоте и охотниччьем хозяйстве. Проект готов.

Вряд ли нужно говорить об огромном значении закона для развития отечественного охотниччьего хозяйства в современных условиях становления рыночных отношений. Сейчас возникают совершенно иные правовые и эко-

номические отношения охотничьего хозяйства с государственной властью, с землевладельцами и землепользователями (сельским, лесным и водным хозяйством), а также с появившимися в последние годы частными собственниками земельных участков.

По этой причине закон призван регулировать общественные отношения, укрепление законности и правопорядка в сфере охотничьего хозяйства, приведение этих отношений в полное соответствие с современными политическими и социально-экономическими условиями и законодательством в области природопользования, охраны природы и экономики. Федеральный закон об охоте и охотниччьем хозяйстве призван обеспечить сохранение, рациональное использование и восстановление ресур-

сов охотничьих животных, соблюдение прав и интересов всех народов Российской Федерации в области пользования охотничьими ресурсами в научных, эстетических, культурных и образовательных целях, а также для получения товарной продукции.

Федеральный закон об охоте и охотничье хозяйство — закон прямого действия. Согласно статье 72 Конституции Российской Федерации вопросы владения, пользования и распоряжения природными ресурсами и общественные отношения в сфере природопользования находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Федерации и, следовательно, регулируются федеральным законодательством, единым для всей территории России.

На переходный период Указом Президента России «О федеральных природных ресурсах» от 12.12.1993 г. № 2144 определены ресурсы, остающиеся в федеральной государственной собственности. На основании этого Указа в Федеральную собственность вошли виды диких животных и растений, внесенных в Красную книгу Российской Федерации, виды животных, ценные в хозяйственном отношении и относенные к особо охраняемым, естественная миграция которых проходит по территории двух и более субъектов Российской Федерации, а также виды животных, подпадающие под действие международных договоров.

Все остальные виды растений и животных, в том числе и охотничьих, находятся в совместной собственности Российской Федерации и ее субъектов.

В концепции проекта закона нашли отражение достижения отечественного охотоведения, особенно в разделах, касающихся биологических основ охраны, использования и восстановления ресурсов охотничьих животных, а также в части осуществления контроля за деятельностью охотпользователей. Для решения поставленных законом задач использованы принципиально новые подходы. Тем не менее ряд ключевых вопросов носит традиционно ведомственный характер. Ограниченные объемом публикации, мы остановимся лишь на новых для нашего законодательства положениях и наиболее дискуссионных аспектах концепции проекта охотничьего закона.

Закон в определенной степени ослабляет возможность ведомственного давления на охотпользователей. Государственное управление охотничьим хозяйством строится на принципе строгого разграничения функций государственного управления и контроля в области использования, охраны и восстановления охотничьих ресурсов с функцией хозяйственного использования этих ресурсов.

Таким образом, закон запрещает любым государственным органам, причастным к управлению охотничьими ресурсами и контролю за их использованием и охраной, иметь собственные охотничьи хозяйства и эксплуатировать ресурсы охотничьих животных, что позволяет сделать отношения между охотпользователями и такими государственными органами менее напряженными. Особенно в плане перераспределения лучших охотничьих угодий.

Принципиальное значение для развития охотничьего хозяйства, а также правовых и экономических отношений между охотпользователями и землевладельцами (землепользователями) имеет положение об отделении права на охотпользование от права на землевладение (землепользование). Это (в сочетании с порядком закрепления угодий) — один из ключевых вопросов в проекте закона, так

как он, по сути дела, определяет, будет ли у охотничьих угодий, то есть у среды обитания охотничьих (и неохотничьих) животных, настоящий хозяин.

Все без исключения заинтересованные стороны (органы охраны природы, управления охотничим и лесным хозяйством) признают, что без подходящих местообитаний животные существовать не в состоянии, без восстановления местообитаний никакими вложениями средств и труда восстановить популяции диких животных невозможно. В этом можно убедиться, проанализировав причины сокращения численности одних и исчезновения других видов животных, которые наглядно изложены в Красных книгах МСОП, России и бывших республик СССР. Именно поэтому в законодательстве об охране природы и животного мира декларируются основные требования к земле- и водопользователям по недопущению сокращения местообитаний диких животных.

Таким образом, охрана охотничьих угодий как местообитаний животных представляется не менее важной для охотничьего хозяйства, чем охрана самих животных.

До настоящего времени охотничьи угодья закрепляли бесплатно по соответствующему договору с Госохотинспекциями и практически без согласования с основными землепользователями.

В подавляющем большинстве случаев охотпользователи не располагали правом на землю и не могли ни планировать, ни осуществлять широкомасштабных мероприятий по улучшению качества угодий, необходимого их устройства, требующего земельных площадей под строительство кордонов, баз или дорог. С другой стороны, ни охотпользователи, ни государственные органы по управлению охотничим хозяйством не уделяли должного внимания состоянию угодий, особенно состоянию естественных кормовых ресурсов их. Повышение емкости угодий для охотничьих животных подменяли организацией в них зимней подкормки. Стремление же охотпользователей к достижению «оптимальной» численности диких животных и «обогащением» угодий путем вселения в них новых видов животных часто приводили к созданию сверхплотных популяций (например, копытных), разрушению естественных местообитаний и значительному ущербу для основных землепользователей. В то же время основные землепользователи, связанные собственными производственными планами, не имели от охотпользователей ничего, кроме ущерба, и в большинстве случаев в ходе своей деятельности не учитывали интересов и требований охотничьего хозяйства.

В результате у охотничьих угодий — основного и неотъемлемого компонента государственного охотничьего

фонда — так и не появилось рабочего хозяина, который бы оберегал их от истощения и разрушения, с какой бы стороны ни появлялась такая угроза.

Проект федерального закона допускает несколько вариантов решения этой проблемы.

Первый вариант — административное решение. Используя компетенции государственных органов власти Российской Федерации и ее субъектов, выдавать лицензии на право охотпользования юридическим и физическим лицам по согласованию с региональными государственными органами по охране природы. Для того чтобы не нарушать права землевладельцев и землепользователей, гарантированных им действующим законодательством (Кодексом Российской Федерации о земле, Основами лесного законодательства), можно добиться и согласия основных землепользователей и землевладельцев. Допустим, что можно решить вопрос и с землями, находящимися в частной собственности.

Гарантирует ли этот добровольно-принудительный вариант, закрепленный в законе, адекватное отношение охотпользователей, землевладельцев и землепользователей к состоянию и качеству охотничьих угодий?

При этом варианте юридические и физические лица, получившие лицензию на охотпользование, будут платить арендную плату за закрепленные за ними охотничьи угодья, по крайней мере за земли лесного фонда (см. Основы лесного законодательства). Очевидно, такие же платежи будут предусмотрены в Водном и Земельном кодексах Российской Федерации. Размеры арендных платежей и условия пользования угодьями, оговоренные в лицензии и договоре на аренду угодий, могут быть малоприемлемыми для охотпользователя, что уже имеет место.

Что касается арендодателей, то от сдачи угодий в аренду для нужд охотничьего хозяйства они никаких экономических и прочих преимуществ не приобретут (кроме, может быть, возмещения ущерба) и, следовательно, не станут проводить никаких специальных мероприятий по охране и улучшению качества угодий, выходящих за пределы обязанностей, возложенных на них природоохранным законодательством. А арендаторы, как и в ситуации, изложенной выше, все так же лишенные прав на землю, будут крайне ограничены в своих возможностях влиять на емкость охотничьих угодий. В этом случае охотпользование может быть нерентабельным из-за низкой численности основных объектов охоты или, в случае высокой численности животных, из-за значительных затрат на возмещение наносимого этими животными ущерба.

В втором варианте решения государственные органы управления и контроля за использованием охотоведения

ничных ресурсов могут продавать лицензии на охотпользование, используя конкурсы и аукционы. При проведении таких продаж приоритет может быть отдан организованным охотничим хозяйствам, землевладельцам и землепользователям.

Второй вариант решения проблемы существенно усложняет регулирование правовых и экономических отношений между государственными органами управления охотничим хозяйством, землевладельцами (землепользователями) и охотпользователями. Чем богаче угодья будут выставлять на конкурс, тем выше будет их цена. Такой вариант распределения лицензий на охотпользование потребует жесткого сотрудничества государственных органов управления охотничим хозяйством и землевладельцев (землепользователей) в части определения границ и площадей охотничих угодий, предлагаемых для нужд охотничьего хозяйства.

Этот вариант не освобождает охотпользователей, получивших лицензию, но не владеющих землей, от платы за аренду угодий. Но если лицензию приобретает землевладелец (землепользователь), вопрос арендных платежей отпадает, что ставит охотпользователей в неравные условия. Тем не менее этот вариант имеет и ряд преимуществ. В частности, землевладелец (землепользователь), получивший лицензию на охотпользование, в большинстве случаев не располагает ни кадрами, ни опытом для ведения охотничьего хозяйства, но, приняв на себя обязанности по использованию охотничих ресурсов и всю полноту ответственности, вынужден будет либо начинать все сначала, либо идти на сотрудничество с юридическими лицами, располагающими такими кадрами и таким опытом. В этом случае у сторон появляется реальная заинтересованность в интенсификации хозяйства, то есть в научно обоснованном использовании популяций охотничих животных, и в преобразовании охотничих угодий с целью увеличения их естественной продуктивности, и в комплексном освоении всех биологических ресурсов данной территории.

И, наконец, в третьем варианте можно возложить на землевладельцев (землепользователей) права и обязанность охранять, восстанавливать и использовать в рамках требований закона охотничьи ресурсы на принадлежащих этим лицам землях. Такой подход, несмотря на его административный характер, должен учитывать желание землевладельца (землепользователя) принять на себя ответственность за использование охотничих ресурсов. Но в конечном итоге государство может получить хозяина охотничих ресурсов, имеющего право их использовать, к которому оно может предъявить и административные, и экономические претензии в случае нарушения им основных по-

ложений законодательства. Такой охотпользователь будет вынужден искать пути наиболее эффективного ведения комплексного хозяйства, в том числе и во взаимовыгодном сотрудничестве с охотниками и их объединениями.

В двух последних вариантах решение проблемы заботы хозяина угодий о благополучии среды обитания для диких животных будет обеспечено законодательно и экономически. С одной стороны, охрана и использование охотничих животных и их местообитаний будут обеспечены юридически контролем со стороны государственных органов со всеми вытекающими из него санкциями за нарушение законодательства, с другой — охрана угодий от загрязнения, ухудшения качества и разрушения, а также мероприятия по увеличению их естественной емкости приведут к получению дополнительной продукции. В современных условиях экономическая выгода в рамках закона может стать мощным стимулом развития охотничьего хозяйства на научной основе «без перетягивания каната» различными ведомствами в борьбе за командные высоты.

В условиях рынка, новых для отечественного охотничьего хозяйства, и прежде, пока еще существующего административного диктата выживание охотпользователей в высшей степени проблематично. В этих новых условиях охотпользователи должны выработать стратегию и тактику хозяйствования, которые позволяли бы, с одной стороны, вести рентабельное хозяйство, с другой — обеспечивать население охотой, стоимость которой на наиболее распространенные виды зверей и птиц была бы сопоставима с финансовыми возможностями большинства простых охотников. В условиях рынка и низкой покупательной способности населения увеличение размеров членских взносов и стоимости путевок, чаще не обеспеченных ни охотой, ни обслуживанием, — путь к разорению.

По этим причинам охотпользователи должны быть наделены более широкими правами хозяйственной деятельности без вмешательства государственных органов управления охотничим хозяйством. Эта деятельность должна быть регламентирована: 1) научно обоснованными требованиями к сохранению популяций эксплуатируемых видов (по уровню послепромыслового плотности населения видов в угодьях конкретного качества и с учетом особенностей размещения животных в охотничий сезон и в период зимовки); 2) правилами и сроками охоты в данном регионе; 3) условиями договора с основным землевладельцем (землепользователем); 4) действующим законодательством в сфере производства, экономики, природопользования. Нарушения указанных регламентаций, выявленных в ходе регионального государственного конт-

роля за деятельность охотпользователя, должны повлечь за собою экономические (административные) или уголовные санкции, предусмотренные действующим законодательством.

Охотпользователь должен быть на-делен правами:

1. Учреждать в соответствии с действующим законодательством предприятия, товарищества, акционерные общества, в том числе и с привлечением иностранных инвестиций. Подобное право позволит охотпользователям в рамках действующего законодательства найти наиболее выгодный тип отношений с основными пользователями земельных, водных угодий и биологических природных ресурсов.

2. На переработку сырья, получаемого от охот, на производство продукции и изделий из этого сырья и на реализацию этой продукции в порядке, установленном действующим законодательством.

3. На льготное налогообложение и арендные платежи в течение не менее 3 лет со дня получения лицензии на охотпользование.

4. На самостоятельное определение квот изъятия охотничих животных (по количеству, полу и возрасту), если охотпользователь располагает достоверными ежегодными данными о предпромысловой численности видов животных на территории хозяйства, о половой и возрастной структуре и размерах прироста популяций, а также о состоянии местообитания этих животных и масштабах ущерба, наносимого этими животными естественной растительности и землепользователям.

5. Изменять сроки охоты в пределах 10 дней по сравнению с типовыми правилами охоты субъекта Федерации, если этого требуют погодные и прочие условия конкретного года.

6. Распоряжаться лицензиями на отстрел (отлов) ценных видов животных, выкупленными у государственного органа по управлению охотничим хозяйством, продавая часть из них (но не более 20 %) по коммерческим ценам.

7. Закупать продукцию охоты, добывшую охотниками на закрепленной за охотпользователем территории, для переработки и реализации. Условия таких закупок (по доле продукции и закупочным ценам) не должны ущемлять право охотников и на охоту, и право собственности на добывшую ими продукцию.

8. Предъявлять иски за ухудшение и уничтожение охотничих угодий (если подобные действия не связаны с проведением плановых работ землевладельцами, предусмотренных проектами развития хозяйства), за загрязнение угодий, за уничтожение охотничих животных, их нор, логовищ или гнезд, а также за изъятие угодий, связанное с переводом их в другой вид землепользования, а также

для организации природоохранных территорий, включая охотничьи заказники, и требовать возмещения в полном размере убытков, включая упущенную выгоду.

Охотпользователи и их объединения, наделенные такими правами, особенно в сочетании с правом на использование земли и водных объектов, смогут вести интенсивное охотничье хозяйство на научной основе, предоставляя охотничьи и рекреационные услуги населению, а также перерабатывать охотничью продукцию, выпуская ассортимент продовольственных товаров, изделий из пушного мехового сырья, сувениров и т. п.

В этом плане выполнение обычно перечисляемых обязанностей охотпользователей (соблюдение законодательства, охрана угодий и животных, учет и их рациональное использование) становится необходимым и экономически выгодным.

В число основных обязанностей охотпользователя должны быть включены:

— обеспечение прав местного населения на охоту на принципах социальной и экономической справедливости;

— смягчение или исключение предотвращаемого ущерба, наносимого охотничьими животными землевладельцам (землепользователям), а также возмещение в полном размере понесенных ими убытков, включая упущенную выгоду, в установленном законом порядке.

Федеральный закон об охоте и охотничьем хозяйстве должен обеспечить необходимые права и охотникам, защитить их от возможного произвола охотпользователей и государственных органов по управлению охотничьим хозяйством. В этом отношении в проекте закона охотники наделены широкими правами, включая право собственности на добывую продукцию и право на ее реализацию в рамках действующего законодательства. Тем не менее декларация прав в законе без указания ответственности должностных лиц за нарушение этих прав еще не гарантирует их соблюдения. По этой причине в законе об охоте и охотничьем хозяйстве такая ответственность должна быть предусмотрена, а охотник должен иметь право обжаловать нарушение законодательства в этой части в установленном порядке.

Крайне важно в проекте закона предусмотреть освоение ресурсов промысловых животных в районах севера, Сибири и Дальнего Востока. Поэтому в нем должны быть отражены и порядок закрепления охотничьих угодий, и права промысловых охотников, кадры которых сокращаются из года в год из-за неадекватной государственной политики в вопросах промыслового хозяйства. В законе должно быть защищено преимущественное право коренных и местных охотников на закрепление за ними

традиционных охотничьих участков пожизненно, может быть даже с правом наследования вне зависимости от того, кто получил лицензию на охотпользование. Не исключено, что в таких случаях надо выдавать именные лицензии для того, чтобы предотвратить истощение ресурсов промысловых животных. Немаловажной представляется нам и социальная защита промысловых охотников.

Одним из наиболее важных и дискуссионных вопросов в проекте закона становятся принципы экономического регулирования, рационального использования и охраны охотничьих ресурсов.

Экономическое регулирование в этой сфере направлено на обеспечение рационального использования, охраны и восстановления ресурсов охотничьих животных, нормального функционирования охотничьего хозяйства, на удовлетворение потребностей общества в охоте, в продукции охоты и создание условий для охотника.

В задачи экономического регулирования проектом закона включены:

— установление экономических отношений в охотничьем хозяйстве;

— создание стабильной финансовой основы рационального использования, охраны и восстановления охотничьих ресурсов;

— формирование системы платежей за охотничьи ресурсы;

— создание системы экономической защиты государственного охотничьего фонда;

— экономическая защита природопользователей и биологических природных ресурсов.

В целом изложенная в проекте закона концепция экономического регулирования возражений не вызывает. Однако принципы и механизмы установления экономических отношений спорны, особенно в части взимания с охотпользователей платы за охотничьи угодья и эксплуатацию ресурсов охотничьих животных. Здесь необходимо учесть, что, несмотря на приведенное в проекте закона определение государственного охотничьего фонда (совокупность охотничьих животных и угодий) и собственности Российской Федерации и ее субъектов на все природные ресурсы, существуют еще и государственные органы, которые в силу возложенных на них задач владеют, распоряжаются и управляют каждым из наиболее важных ресурсов. В частности, это касается государственных органов, управляющих использованием водных объектов, лесного фонда, земель сельскохозяйственного назначения, то есть теми угодьями, в которых обитают охотничьи животные. Любая хозяйственная деятельность в таких угодьях должна быть платной. По крайней мере, такое положение есть в ныне действующих Основах лесного законодательства и проекте Водного кодекса России.

Таким образом, за один и тот же ресурс (охотничьи угодья) с охотпользователя будут получать и государственный орган по управлению охотничьим хозяйством, и государственные органы по управлению лесным, водным и, надо полагать, сельским хозяйством. Очевидно, что подобное положение противозаконно и при оформлении лицензии на охотпользование платежи за использование охотничьих угодий и охотничьих животных должны вноситься раздельно: первые — в виде арендной платы землевладельцам, вторые — в виде платы за пользование ресурсами охотничьих животных. Для государства как такого порядок взимания этих платежей особой роли не играет — все они поступают в бюджет Российской Федерации или ее субъекта. Но для охотпользователя этот порядок имеет большое значение.

Следует подчеркнуть, что реализация положения о платежах при введении закона в силу может быть осложнена отсутствием единых методик исчисления арендной платы за угодья и за использование ресурсов охотничьих животных. Необходимость в разработке таких методик возникла давно, но те проекты, которые широко обсуждались заинтересованными организациями, свидетельствовали о разорительности величины арендных платежей для охотпользователей, особенно для обществ охотников.

В системе экономического регулирования и для охотпользователей, и для государственных органов управления охотничьим хозяйством необходимо определить также финансовые источники, позволяющие создавать специальные фонды, средства в которых служили бы основой экономической стабильности охотпользователей и использовались на усиление охраны охотничьих ресурсов, развитие охотничьего хозяйства и другие цели, связанные с восстановлением этих ресурсов и улучшением их качества. Такими источниками могли бы стать поступления от штрафов и исков за ущерб, причиненный охотничьим ресурсам, отчисления от прибыли хозяйств, добровольные пожертвования, организация коммерческих и валютных охот.

В целом федеральный закон об охоте и охотничьем хозяйстве должен обеспечить развитие отечественного хозяйства как важного компонента в общей системе природопользования России.

Н. АСТАФЬЕВ,
председатель Комитета
по природным ресурсам
и природопользованию
Государственной Думы
Федерального Собрания
Ю. МАМАЕВ,
специалист-эксперт Комитета

По страницам старых журналов

«Охотничий вестник», 1909, № 3

ДАРВИН КАК ОХОТНИК

Г. КОЖЕВНИКОВ, профессор

30 января (12 февраля нового стиля) этого года исполнилось сто лет с того дня, как родился Чарлз Дарвин, учение которого оказалось столь мощное влияние на ход науки. Лишь под влиянием «Происхождения видов» идея эволюции заняла господствующее положение в науке, идея, в силу которой весь видимый нами мир живой природы развился последовательно и постепенно путем малозаметных изменений. Дарвин умел, что изменения эти подвержены действию естественного отбора, дающего наиболее приспособленному организму победу в борьбе за существование. Менее приспособленное гибнет, более приспособленное остается и дает потомство.

Учение это в течение полустолетия («Происхождение видов» вышло в свет осенью 1859 года) оказывало непрерывное влияние на развитие биологии и должно быть знакомо каждому, интересующемуся естествознанием.

Кто не читал сочинений Дарвина или, по крайней мере, хорошего пересказа основ его учения, пусть прочтет. Здесь, на страницах охотничьего журнала, мы должны отметить прежде всего те стороны жизни и деятельности великого биолога, которые имеют прямое и непосредственное значение для интересующего нас дела. Тесная связь охоты и зоологии постоянно подчеркивается на страницах нашего журнала, и несомненно интересно и поучительно проследить черты охотника в облике великого натуралиста и постараться выяснить, что дала ему охота.

Девяти лет от роду Дарвина отдали в школу доктора Бутлера в Шрюсбери (место, где родился Дарвин), и семь лет пробыл он в этом учеб-

ном заведении. Посмотрим, что он сам пишет про школу:

«Ничто не могло быть среднее для развития моего ума, как эта школа доктора Бутлера. Преподавание в ней было строго классическое, и кроме древних языков преподавалось только немного древней географии и истории. Школа, как воспитательное средство, была в моей жизни пустым местом».

Далее великий учитель ученых скромно вспоминает о своих школьных неуспехах, об упреках учителей и говорит: «Я полагаю, и учитель, и мой отец считали меня довольно злурядным мальчиком, пожалуй даже,

ниже общего среднего уровня. Помню, как меня однажды уязвили слова отца: «Ты только думаешь об охоте, собаках и ловле крыс и осрамишь себя и всю нашу семью».

Не чувствуется ли в этих строках отголоска целой борьбы, борьбы заскорузлой рутины с жизнью, борьбы нелепых идей официального воспитания с неудержимым проблемским свободного духа? Естествоиспытатель в душе уж с детских лет, юноша Дарвин находил в проявлении охотничьего инстинкта выход лучшим своим стремлениям, находил спасение от мертвящей схоластики официальных педагогов.

Как знаменательны те строки автобиографии Дарвина, в которых он, после того как отметил недостатки своего первоначального образования, говорит о том, что играло отрадную роль в его юной жизни. Этими отрадными элементами были поэзия, наслаждение красотами природы и охота.

Приведем эти строки без пропуска: «В связи с удовольствием, получаемым от поэзии, я могу прибавить, что первый раз наслаждение картинами природы я испытал во время прогулки верхом в местностях, пограничных с Уэльсом, и способность воспринимать эти наслаждения сохранилась во мне более, чем другие эстетические чувства. Довольно рано, в эти школьные годы прочел я оказавшийся у одного из товарищей том «Чудес природы» и нередко вступал с другими мальчиками в споры относительно верности сообщаемых в этой книге сведений. Я полагаю, что это чтение в первый раз посеяло во мне желание побывать в дальних странах, осуществлявшееся наконец в моем путешествии на

«Бигле». В последние годы моей школьной жизни я пристрастился к ружейной охоте; я полагаю, мало кто пытал такою ревностью и к более святому делу, чем я к этому искусству убивать птиц. Как живо я помню первого убитого вальдшнепа; я пришел в такое возбужденное состояние, что не мог зарядить вновь ружья,— до того дрожали у меня руки. Эта страсть длилась довольно долго, и я сделался хорошим стрелком.

Позднее, в Кембридже¹ я упражнялся в том, что целился перед зеркалом, для того чтобы убедиться в верности прицела. Другой прием заключался в том, чтобы стрелять холостым зарядом² в свечу, которой размахивал товарищ; если прицел был верен, то струя воздуха гасила свечу. Трек пистонов обращал на себя внимание тьютора³, который несколько раз замечал: «Странное дело, мистер Дарвин по целым часам забавляется щелканьем бича».

Как интересны для нас, охотников, эти строки, в которых так ярко сказывается проявление охотничьей страсти в будущем великого натуралиста! И замечательно, как в дальнейшем изложении автобиографии совершенно незаметно из охотника делается орнитолог. Ведь помимо охоты и пользы сделаться специалистом в этой области. Орнитолог, знающий только шкурки и не умеющий лично добывать птицу,— явление ненормальное.

Строки, посвященные Дарвином охотничьей страсти, настолько интересны, что я приведу еще выдержку из его автобиографии:

«Осень⁴ посвящалась преимущественно ружейной охоте, главным образом в Вудгаузе у мистера Оуена или Мэре у дяди Джоса. Моя страсть к охоте доходила до того, что я ставил свои охотничьи сапоги совсем готовыми к самой кровати, чтобы не терять ни минуты, и однажды, 20 августа, забрался еще до рассвета на самый край владений моего дяди и потом проброрил с лесником целый день в лесной чащбе, поросшей сосной и ветром.

Я вел аккуратнейший журнал каждой птице, убитой в течение сезона. Однажды, охотясь в Вудгаузе с капитаном Оуеном, старшим сыном, и майо-

маленькие эпизоды ее, это доказывает ясно, что в развитии этой замечательной натуры охота занимала не последнее место.

В время путешествия на «Бигль», которое продолжалось с 27 декабря 1831 года по 2 октября 1836 г. и описано Дарвином в особом сочинении⁵, он неоднократно упоминает об охоте. Так, во второй главе он описывает в следующих наивных выражениях охоту с гончими в окрестности Rio-Жанейро: «Охота наша состояла в том, чтобы спустить несколько собак в чащу леса, а самим терпеливо ждать, не выбежит ли какой зверь, и если выбежит, то стрелять в него».

В третьей главе описывается охота на оленей в Северной Патагонии, и Дарвин с досадой вспоминает о своих промахах при стрельбе пулей на дальний дистанции, не преминув прибавить, что он может стрелять птицу влет...

Дарвин отличался большой мягкостью характера, незлобивостью и вообще прекрасными нравственными качествами. Это один из бесчисленных примеров, ясно доказывающих совершенную неосновательность голословного утверждения, что охота развивает чувство жестокости. Этого вопроса Дарвин касается совершенно вскользь в своей автобиографии. После того места, где он описывает охотничью шутку над собою своих друзей и которая приведена мною выше, в его автобиографии непосредственно следует такое место:

«И как же я наслаждался охотой. Но тем не менее сдается мне, что я все же испытывал какой-то полуносительный стыд, так как пытался уверить себя, что охота была до некоторой степени умственным занятием: ведь сколько нужно сообразительности для того, чтобы знать, где найдешь дичь, сколько искусства для того, чтобы натаскивать собак».

При необычайной склонности Дарвина к самокритике, при его удивительном стремлении отыскивать в самом себе недостатки такое слабое возражение против охоты, которое он приводит здесь, служит лишь доказательством, что Дарвин не осуждал охоты с точки зрения тех, которые величают ее «злой забавой». Припомним, что Дарвин писал про себя по поводу проявившегося у него в последние годы жизни равнодушия к искусству: «Ум мой превратился в какой-то механизм, перемалывающий большие коллекции фактов в общие законы, но почему эта способность вызвала атрофирование только той части мозга, от

¹ Девятнадцати — двадцати одного года от роду.

² Вероятно, речь идет не о «холостом заряде» в истинном смысле слова, а о стрельбе одним пистоном, что вполне достаточно, чтобы тушить свечу.

³ С своеобразная особенность английской университетской жизни: студенты живут в общежитиях под присмотром «надзирателей».

⁴ По окончании курса в школе.

⁵ Путешествие вокруг света на корабле «Бигль». Приводимые ниже цитаты приведены по переводу Е. Г. Бекетовой под редакцией А. Н. Бекетова в издании О. Н. Поповой 1896 г.

которой зависят высшие эстетические вкусы, я не могу понять. Человек с более высокоорганизованным умом, я полагаю, не пострадал бы, как я...» («Автобиография», стр. 33). А несколькими строками ниже великий ученый пишет про себя:

«Я не обладаю ни быстротою сооб-

ражения, ни остроумием, отличающим многих умных людей, как, например, Гексли. Вследствие этого я — очень плохой критик... Способность высследить длинную и совершенно отвлеченную нить мыслей у меня очень ограничена... Память моя обширна, но несколько туманна...»

При такой замечательной способности и стремлении к самокритике неудивительно, что Дарвин старался осудить себя за страсть к охоте. Но мы видим, как слабо было здесь его самообвинение...

С течением возраста, под влиянием усиленной умственной работы, у Дарвина происходила коренная перемена во вкусах и интересах. На стр. 32 его автобиографии (русский перевод) мы читаем следующее:

«До тридцати лет и даже немного позднее я находил большое удовольствие в чтении поэтов: Мильтона, Грея, Байрона, Уодсворта, Кольриджа и Шелли; даже еще школьником я с великим наслаждением зачитывался Шекспиром, особенно его историческими драмами. Я также упомянул уже, что в былое время живопись доставляла мне значительное, а музыка высокое наслаждение. Но вот уже несколько лет, что я не могу выносить ни одной строки поэзии; пробовал я недавно читать Шекспира, но он мне показался скучным до тошноты. Я почти потерял и прежний вкус к живописи и музыке».

Удивительно ли, что при такой склонности к коренным изменениям во вкусах (свойство далеко не всех людей) Дарвин изменил и охотничью страсти, изменил лет на пять раньше, чем Мильтону, Байрону и Шекспиру. Вспоминая свое пятилетнее путешествие вокруг света на корабле «Бигль», великий ученый пишет в своей автобиографии (стр. 16 русского перевода): «Оглядываясь на свое прошлое, я замечаю, как любовь к науке мало-помалу вытесняла во мне все остальные вкусы. В течение первых двух лет моя страсть к охоте сохранилась во всей своей силе; я сам перестрелял всех птиц и животных для своей коллекции; но мало-помалу я стал все чаще передавать ружье своему слуге, так как стрельба мешала моим другим занятиям, в особенности геологическим экскурсиям. Я незаметно для самого себя и почти безотчетно сделал открытие, что удовольствие, доставляемое наблюдением и рассуждением, гораздо выше того, которое доставляется спортом».

Из этих строк мы видим, что только высшей научной деятельности уступает спорт свое место в жизни великого ученого. С редкой добросовестностью говорит этот замечательный человек, что для него было «открытием», что занятие наукой дает высшее наслаждение, чем спорт. Спортсмены могут гордиться такой аттестацией спорта устами того, кто стал во главе биологических наук целого столетия, а хулиганам спорта есть над чем задуматься.

Англия — страна спорта и в то же время страна великих людей, страна людей сильных, а не дряблых «кнытиков», страна энергии и дела, страна, где уважение к личности стоит на недосягаемой высоте. В воспитании английского юношества спорт играет выдающуюся роль, как она сыграла ее, в частности, и в воспитании Дарвина.

Без колебаний и сомнений будем поощрять здоровое увлечение спортом в нашем юношестве, будем и сами в зрелом возрасте находить в спорте, и в частности в охоте, могучее средство для бодрости тела и духа и верный путь к постоянному общению с природой и к ее изучению.

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Методы учета и общие принципы планирования отстрела диких копытных животных в Южной Сибири. Методические рекомендации. — Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1993.— 500 экз. 27 с. 60 р.

Брошюра предлагает разнообразные, разработанные разными авторами методы выявления ресурсов копытных. Приведены общие принципы планирования отстрела животных, основанного на данных учетов, и методы определения пригодности зверей к определенной половозрастной группе на расстоянии. Описаны методы учета численности диких копытных зверей, общие и частные вопросы планирования их хозяйственного использования, а также внешние признаки, по которым следует различать половые и возрастные группы животных в природной обстановке.

Прилуцкий В. Ф. Берлога.— Кемерово, 1993.— 1000 экз. 64 с.

В. Ф. Прилуцкий — главный врач медико-реабилитационного центра «Исток» Кемеровского областного института усовершенствования учителей. Это его первая книга. Охотничье снаряжение, породистые лайки, девственность тайги Кузбасса — вот мир его увлечений. Начало им положили красота природы Тяжинского, Тисульского и Крапивинского районов, где он работал врачом, и счастливая встреча и общение со старым охотником Василием Балабаевым. Рассказы его навеяны действительными событиями, участником или очевидцем которых был сам автор или его друзья.

Рогожкина Л. Г., Рогожкин А. Г., Рогожкин Д. А. Домашние животные. Малая энциклопедия в 2-х томах. 1994.

Авторы энциклопедии — семья профессиональных журналистов и специалистов в области зоотехнии и ветеринарии — рассказывают о домашних животных и о тех существах, которые живут в дикой природе, но довольно часто попадают в наши дома как декоративные.

Двухтомник знакомит с наиболее распространенными породами, породными группами и разновидностями животных, их содержанием, кормлением, разведением, предупреждением различных болезней и с лекарствами, применяемыми для их лечения.

Многих заинтересуют сведения об охотничьих собаках, лошадях, дичеразведении, photoохоте, а также проблемы одомашнивания лосей, пятнистых оленей, ондатр, енотовидных собак, сурков, норок, соболей, лисиц, песцов, певчих птиц, аквариумных рыбок, пчел, шелкопрядов и других животных.

Двухтомник можно заказать по адресу: 185035, Петрозаводск, Почтamt, а/я 228, книжное издательство «Руди-Барс», или по телефону в Петрозаводске: 7-97-49 (код 8-814-00).

СИНИЙ ФАЗАН

Мой отец Юрий Михайлович с двоюродным братом Виктором собирались на фазанов в корейскую деревушку Верхнее Адими. Усадили в двухколесный экипаж «американка» и собак, дабы сберечь так нужные на этой охоте лапы легавых. Пара резвых гнедых легко катила по грунтовым дорогам. С Посытского тракта свернули на проселочную в горы.

Речка Адими бежит среди вереницы стройных, как пальмы, обычных для Приморья пойменных полос ивычозинии. По берегам, между руслом и округлыми, ласкающими глаз сопками тянулись ухоженные поля корейского проса-чумизы, гаоляна, кукурузы, соевых бобов. Миновав их, под вечер въехали в огороженный высоким ивовым плетнем, хорошо утрамбованый и выметенный двор старого знакомого корейца Магая, в молодости служившего пастухом конских табунов на полуострове Янковского.

Хозяин долго тряс руки гостям, проводил в «верхнюю» — самую дальнюю от кухни — комнату. Угостил крутой чумизной кашей, соевым супом, вяленой селедкой, квашенной с красным перцем редкой. За ужином жаловалася: фазаны одолели. Старые петухи планируют по утрам с сопок на пашни, нахально, с треском колотят крыльями по спелым стеблям соевых бобов с такой силой, что зерна горохом сыплются на землю, а куры и молодняк тут как тут: начисто подбирают все до единого боба... Если не угадишь, не прогонишь, останешься без урожая. А с его одностволкой много не навоюешь. Вся надежда, что завтра Юрика и Витика отведят их от полей надолго. И еще. Он перешел на шепот: «Вы надо осторожно ходи, кругом хорошо смотри. Недавно синий фазаны соседний деревни сильно грабили. Они где-то близко...»

«Синими фазанами» старожилы Уссурийского края окрестили маньчжурских разбойников-хунхузов, жестоко грабивших как своих, так и жителей Кореи и Приморья. Но почему фазан? Когда при нападении хунхуз, в короткой синей куртке и узких шароварах, схваченных в щиколотке короткой обмоткой, гнался за своей жертвой, длинная черная коса, которую они в ту пору обязательно носили, как бы парила в воздухе за спиной, точно копируя задранный хвост бегущего петуха фазана. На узкой полосе Южного Приморья граница с соседней Маньчжурией не превышает пятидесяти верст, что издавна давало возможность шайкам разбойников время от времени совершать свои внезапные набеги. Боролись с ними с переменным успехом...

Чуть свет охотники вышли в пойму речки. Во влажном мглистом воздухе

растекались прянные запахи увядющих дальневосточных трав — специфические ароматы приморского осеннего утра. Издали на фоне зари заметили силуэты рассевшихся на верхушках чозений петухов, хоронившихся от ночных нападений лисы и дикой кошки. Однако большая часть выводков пряталась на ночь в зарослях колючего шиповника, густо покрывавшего межи из собранных с пашен камней. Мелкий хищник и большинство собак боятся этих естественных преград, как огня. Однако темпераментный пойнтер, чуя притаившуюся дичь, с писком, но лезет в эти колючки, в кровь обдирая нос и живот. Это так болезненно, что на самые уязвимые места у кобелей приморские фазанятники подвязывали специально сшитые из замши мешочки.

Опытный отцовский Гектор сразу потянул к такой длинной колючей гряде, завертел обрубком шоколадного хвостика, забежал с одной стороны непролазного шиповника, с другой. Вскралнулся и вдруг встал, вытянувшись, повода вздрагивающими ноздрями. Оглянулся на хозяина, сделал еще шаг и замер.

«Пиль, Дека, пиль!» (так мы, дети, переинчивали кличку датского пойнтера), — отец щелкнул предохранителем бельгийского браунинга. Гектор сделал еще шаг, и — фффррр! — с шумом и клекотом, от которых молодой охотник непременно вздрогнет, теряя готовность сделать прицельный выстрел, — свечкой взмыл бронзово-золотистый длиннохвостый петушина. Взмыл и круто перешел в горизонтальный стремительный полет в сторону. Стрелок отпустил его шагов на двадцать, поймал на мушку — баах! Петух сложился в воздухе и, теряя в сером небе разноцветные перья, камнем шлепнулся в бобовое поле. И тут же один за другим начал разлетаться весь затянувшийся в зарослях выводок.

Чем незаменим в охоте на фазана браунинг? Из двустволки охотник делает дуплет и — попал не попал — переламывает ружье для перезарядки, а в это время второй, третий, пятый фазан уже ушел на недосягаемое расстояние. А выводок разлетается, когда его поднимешь снова, да и найдешь ли вообще? Браунинг же все время остается в рабочем состоянии, стрелок только пополняет магазин и все время готов к выстрелу.

Следующей шлепнулась серая курочка, затем снова петух. Гектор заметил и запомнил всех. Пошел прыжками и одного за другим подал в руки хозяину. Брал птицу аккуратно посередине тушки, приближаясь, всхрапывал от удовольствия, вдыхая любимый аромат курятинки. Поверх пышного оперения выглядывали горячие желтым

огоньком счастливые глаза. Отец, принимая дичь, прихваливал: «Молодец, Дека, молодец, дай сюда, дай... А теперь ищи, ищи, ищи!»

Когда осеннее солнце начало пригревать, охотники вернулись в фанзу, неся через плечо тяжелые связки радужных длиннохвостых петухов и розово-пепельных курочек. Сели на кухне завтракать. Юрий Михайлович примостился на кромке кухонного канта. Браунинг был разобран для чистки. Потягивая из кружки горячий чай, отец положил рядом запасное ружье — двуствольный курковый американский «Паркер», заряженный вторым номером дроби. Он всегда бывал начеку, а сегодня после предупреждения Магая тем более.

Охотники допивали чай, когда во дворе послышались крики, возня, горянная брань. Юрий Михайлович инстинктивно потянулся за ружьем. В этот момент уличная дверь кухни с грохотом распахнулась и через высокий порог шагнули два человека в синих куртках с пистолетами в руках. Передний вскинул длинноствольный маузер:

— Ни сы места! Луки верх!

Но куки ружья были уже взведены, грохнули выстрел. Целиться было некогда, отец бил навскидку. Дробовой снаряд на расстоянии двух метров свинцовыми кулаком угодил хунхузу в предплечье. Рука атамана отвалилась, как у целлюлоидной куклы. Маузер выпал. Он покачнулся и сел на земляной пол. Второй сам бросил оружие и поднял руки. Оставшиеся на улице в панике бежали. Все стихло.

Раненого бандита перевязали, обоих под конвоем деревенских дружинников отправили на телеге в порт Славянка, оттуда катером во Владивосток, в тюрьму. Однако оказалось, что пострадали еще двое. Мальчишке на кухне рикшетом поцарапала щиколотку. А деду, сидевшему у раскрытой двери в соседней комнате, одна из отскочивших от дубового косяка дробин угодила в лоб, но соскользнула вдоль черепной коробки и застряла под кожей на самой макушке, под обязательной для корейцев, придерживавшихся древних обычаяев, волосяной шишкой на голове. Перепуганный насмерть старик кряхтел, прижимая ладонью кровоточащую ранку: «Айгу, айгу!..» Юрий Михайлович внимательно осмотрел, обследовал ранение, нашупал под кожей дробину. Велел раненому сидеть смирно; выны из ножен свой финский кинжал, продезинфицировал его над зажженной спичкой, хладнокровно, как заправский хирург, вскрыл кожу и извлек собственную дробину. И торжественно подарил ее на память своему пациенту.

МЕЖДУНАРОДНАЯ, ПТИЦА — ВАЛЬДШНЕП

В. КУЗЯКИН,
доктор биологических наук,
президент клуба «Вальдшнеп»

В охотничьей фауне есть одна такая птица, мнения о которой среди российских охотников резко различаются. Одни ее не видят, не замечают, не стреляют или просто не знают,— слишком мелкий объект, не заслуживающий внимания. Другие охотники любят, уважают ее, трепещут от воспоминаний или предчувствия охоты на эту птицу, считают ее изумительной, таинственной или даже чем-то мистической.

Речь идет о вальдшнепе — лесном кулике, пестрой птице с плотным округлым телом, сравнительно короткими лапами, длинным прямым клювом и большими темными глазами, из-за чего ее взгляд кажется всегда тоискливым или испуганным.

Осенью живая птица весит 340—350 г, бывают экземпляры весом более 420 г. Мясо вальдшнепа темное, как у диких уток, но по вкусу гораздо приятнее, без специфических привкусов, чем-то напоминает мясо курицы или индейки. Как любое дикое мясо, оно богато витаминами и весьма калорийно.

Но не только и не столько гастрономические свойства вальдшнепа тянут на охоту за этой птицей истинных охотников. Сам процесс охоты, наблюдение или поиск этих очень скрытных птиц, спортивность стрельбы по ним — вот что главное. Причем в каждом сезоне охоты есть свои прелести.

В России на вальдшнепа охотятся весной и осенью. Весной птицы прилетают в Россию, когда в лесу еще лежит снег и лишь вокруг стволов деревьев и на солнцепеке появляются проталины, где птицы могут кормиться почвенными беспозвоночными. Сразу по прилете вальдшнепы начинают «тянуть», то есть самцы облетают территорию в поисках самок, издавая при этом характерные звуки: «хорканье» и «циканье», что-то вроде «хор-хоор-чиць». Птицы тянут в вечерние и утренние сумерки, вечером начинают минут через 10—15 после захода солнца и заканчивают в полной темноте. Летят низко, над вершинами деревьев, чаще в мелко-

лесьях, по опушкам, над дорогами, просеками, вырубками, очень любят поляны, перемежающиеся с мелколесьями и кустарниками.

Охотник выбирает место с хорошим обзором, удобное для обнаружения птиц и стрельбы. Приближающуюся птицу он слышит обычно раньше, чем видит: есть время для подготовки к выстрелу. Птицы летят ровно, достаточно медленно, около 40 км в час; в теплую сырую погоду — ниже, медленнее и больше «хоркают», в холодную ветреную — быстрее и часто только с «циканьем». Утренняя тяга короче вечерней и менее интенсивна: меньше самцов принимает в ней участие.

Весенняя охота на тяге — традиционный русский вид охоты, который привлекает к себе своей неторопливостью, доступностью для всех возрастов, относительной легкостью стрельбы по ровно движущейся мишени, а главное — своей поэтичностью. Охотник, ожидая вальдшнепа, наслаждается многоголосым весенним гомоном мелких птиц, трескотней дроздов-рябинников, мелодиями певчего дрозда, зарянки, барабанной дробью дятлов, капелью сока из ранок в березовых стволах. Все эти звуки в хрустальном свежем воздухе прозрачного пока леса оставляют незабываемые впечатления.

Летом вальдшнепа увидеть трудно. Правда, тяга еще продолжается, иногда до середины или конца июля, но охоты уже нет. Гнездится и держится эта птица летом в густых сырватых лесах и днем сидит очень крепко, вылетает почти из-под ног. Хотя плотность населения вальдшнепа немалая: в среднем в пригодных для него лесах составляет 2—5 птиц на 1 квадратный километр, — всплыгнуть его удается очень редко. Когда птица взлетает, она обычно старается улететь от человека за стволом дерева или кустом. Может быть, из-за этого ей приписывают некоторую мистичность. Но дело гораздо проще: глаза у вальдшнепа расположены так, что сектор стереоскопического зрения вперед составляет 20°, а на-

зад — 30°, то есть назад птица видит лучше. Это защитное приспособление помогает заранее увидеть пернатого хищника или любую другую опасность и следить за ней во время бегства.

Ближе к осени, когда молодые взмательют, птицы становятся более активными, вылетают вечером на поля и пастбища, грязи на дорогах, к водопоям. В это время их можно подстеречь на перелетах, грязях или лужах. Такая охота редко бывает эффективной, поэтому непопулярна. Обычно в это время вальдшнепов добывают попутно при охотах на другую дичь с легавыми собаками.

Позже, в сентябре, птицы начинают собираться группами вблизи хороших кормовых мест на пастбищах, озимых полях, куда вылетают на ночь кормиться. Днем отдыхают в соседних лесах и кустарниках, где их разыскивают с легавыми собаками. Эта охота — «на высыпках» — связана с массой эмоций от слаженной работы охотника и его любимого четвероногого друга, пребывания в разноцветном осеннем лесу, спортивности стрельбы по быстро взлетающим птицам, радости добычи трофея и легкой усталости после ходового дня.

Когда осенний дождик зарядит на несколько дней, вальдшнепы вылетают на открытые места даже днем, сидят крепко, взлетают нехотя и медленно. Стрельба «в капель» гораздо проще, и охота бывает более добычливой.

Осенью бывают и тяги, но менее интенсивные, чем весной, потому что меньше самцов принимает в них участие. Время тяги короче, птицы летят быстрее, обычно только с «циканьем», но добыть их тоже можно.

С наступлением первых зазимков, когда птицам все труднее добывать корм в холодной и даже замерзающей почве, они улетают в более теплые страны. Не обязательно на юг. Подавляющее большинство птиц из лесной зоны европейской части России летят зимовать на запад, в прибреж-

ную полосу Атлантики и Средиземного моря. На всем пути пролета к местам зимовок на вальдшнепа охотятся. Это почти во всех странах Европы, но больше всего эти кулики страдают в тех районах, где останавливаются на зимовку. Во Франции, например, добывается около 1,5 млн. вальдшнепов, в Италии — 1,2 млн, на третьем месте бывший СССР — около 0,4 млн за все сезоны охоты.

Охота на зимовках похожа на российскую охоту по «кысыкам», она тоже проводится с собаками, но часто в гораздо более густых лесах, особенно в непролазных дубовых криволесьях Средиземноморья. Приходится удивляться, как здесь вообще можно стрелять? Зато спортивность такой охоты значительно выше. Во Франции, Италии и других странах охота на вальдшнепа очень популярна, некоторые охотники признают только ее, любители объединяются в специальные охотничьи клубы, издаются их журналы, производится много художественных изделий, связанных с вальдшнепом и охотой на него.

Некоторая часть популяции вальдшнепа гнездится в Западной Европе, там тоже есть тяги с таким же брачным поведением птиц, но весенние охоты закрыты. Во Франции считается недостойной также охота на вечерних перелетах и всякая охота без собаки.

Традиции и правила охоты на вальдшнепа в разных странах Европы разные, а европейская популяция птиц — одна и общая. Ее судьба — забота охотников и экологов всех стран Европы, в первую очередь Франции и Италии, располагающих основными местами зимовки птиц, России и Скандинавских стран, обладающих главным пространством, где вальдшнеп размножается.

Из описания охот видно, что этот мигрирующий вид испытывает охотничий пресс почти круглый год, за исключением короткого периода весенних перелетов через страны Западной и Центральной Европы и трех-четырех месяцев летнего покоя. Нет ничего удивительного, что многочисленная европейская популяция вальдшнепа постоянно сокращается.

Охотничья нагрузка на популяцию вальдшнепа должна целиком зависеть от успешности размножения птиц в конкретном году: чем больше приплод, тем охотиться можно больше, и наоборот. На осеннем пролете в западных областях России в 1991 г. среди отловленных птиц было 18,4 % взрослых, а после засушливого лета 1992 г. — уже 33,7, то есть было очень мало молодых птиц. Поздней осенью 1992 г. через Данию пролетали почти одни взрослые птицы, что означало практически полную гибель всего

годового прироста популяции после осенней миграции. В такие неблагоприятные годы не мешало бы снизить охотничью нагрузку на пролете и зимовках, ограничить весеннюю охоту после зимовки.

Для такого «управления» нагрузками необходим мониторинг популяции: изучение ежегодной успешности размножения, путей миграций, проведение учета численности птиц и их добычи. В этих направлениях нужны международные усилия, желание охотников и природоохранителей разных стран создать единую европейскую систему мониторинга вальдшнепа. Значение сведений из России для мониторинга настолько же велико, насколько важна роль этого главного района гнездования птиц.

В России вальдшнеп изучался слабо, учет добычи велся эпизодически, а кольцами на лапках для определения путей миграций снабжались единичные птицы. До сих пор ни одна научная организация не взялась за планомерные исследования этого трудного для изучения кулика.

Чтобы хотя бы частично восполнить эти пробелы, в 1992 г. был создан Охотничий клуб любителей вальдшнепа и бекасов (клуб «Вальдшнеп») при покровительстве ассоциации «Росохотрыболовсоюз». Специалисты-орнитологи и охотники-любители объединяются в этом клубе ради сохранения ресурсов вальдшнепа, а также ряда видов бекасов, которые находятся не в лучшем положении.

Всем известны современные экономические и организационные трудности России. Средств на изучение вальдшнепа пока нет. Зато Россия богата талантливыми квалифицированными учеными, способными решать трудные научные задачи. Таких заинтересованных людей много в клубе «Вальдшнеп». Клуб будет рад рассмотреть предложения любых российских и зарубежных организаций и лиц по осуществлению совместных проектов изучения и создания мониторинга ресурсов вальдшнепа — этой замечательной интернациональной птицы.

Вальдшнеп у гнезда

Фото Ф. Федорова

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

(К 95-летию со дня рождения А. Н. Формозова)

Р. ЗИМИНА

14 февраля с. г. был день рождения Александра Николаевича, в этом году ему исполнилось бы 95 лет. 20 лет назад, 22 декабря 1973 г., на 75-м году жизни скончался один из величайших экологов-натуралистов XX века, ученый и учитель, художник-аниалист, создатель школы экологов и зоогеографов, из которой вышли многие десятки учеников.

Изучать природу, жизнь млекопитающих и птиц, передавать знания своим ученикам на лекциях, в книгах и статьях — было смыслом его жизни. Получив место приват-доцента на биофаке МГУ в 1930 г. и в Пушкино-меховом институте в г. Балашихе, он стал регулярно читать лекции и с тех пор был всегда окружен своими учениками, почитателями и друзьями. Одним из первых его слушателей был А. А. Насимович; многие стали впоследствии сами крупными учеными, например Ю. А. Исаков, В. В. Кучерук, А. М. Чельцов, Е. В. Карасева и др.

Об Александре Николаевиче написано много статей, опубликована его научная биография. Я расскажу о моем Учителе словами очевидца событий значительного периода его жизни.

В школьные годы я была в КЮБЗе, ходила на занятия в биологический кружок при биофаке. В обоих кружках ребята об Александре Николаевиче рассказывали как о живой легенде. Однажды мне удалось его увидеть около Б. Зоологической аудитории на биологическом факультете МГУ. И вдруг случилось то, о чем мы не смели и мечтать. Троим кружковцам: Саше Чельцову, Андрею Келейникову и мне в качестве поощрения устроили поездку с Александром Николаевичем в Звенигород, на биостанцию МГУ в мае

1940 г. Наши старшие руководители А. П. Кузякин, А. Г. Банников и др. напутствовали нас советами и всякими предупреждениями. Одно из них было о том, чтобы мы не бежали и не загнали профессора. Кроме того, нельзя было давать ему нести тяжести и приставать с глупыми вопросами.

Мы прониклись важностью этих слов, но последующие события показали, как плохо представляли наши руководители Александра Николаевича в природе. Как только мы сошли с электрички, он поудобнее приспособил рюкзак и пошел ритмичным, размашистым шагом. Путь был неблизкий. Вначале мы поспевали за ним, но на поплите совсем взмолкли и думали уже не о том, как опекать профессора, а как дойти до биостанции, не ударив в грязь лицом. Уже на подходе к ней Александр Николаевич объявил привал. Мы быстро развели костер, что-то сварили, устроили чай с дымяком, и вот тут-то и началась беседа. Александр Николаевич не держал нас за неразумных малолеток и говорил с нами серьезно

и уважительно и о звенигородских лесах, и о живущих вокруг станции зверях и птицах. Заметив, что я левша, он сказал, что это хорошо и что, если в старости меня парализует, я не потеряю дара речи, так как оба полушария головного мозга у меня будут развиты одинаково и речевой центр таким образом сохранится. И когда разговор пошел совсем уж за жизнь, я не удержалась и задала глупый вопрос: почему люди рождаются с пятном светлых волос, и показала ему большой клок светлых волос у себя на затылке. Александр Николаевич улыбнулся с хитрым прищуром глаз и ответил: «А это потому, что Бог шельму метит». Все рассмеялись.

Позже, уже на биостанции, мы стояли в лесу на вечерней заре и слушали, как успокаивается лес. Александр Николаевич время от времени объяснял нам, что происходит в лесу, как укладываются птицы на ночлег, как отличаются голоса пеночек, дроздов, зарянки.

Из этой поездки мне запомнилось еще, как Александр Николаевич подманил кукушку. Подлетевший на его зов самец устроился на вершине бересклета с только еще раскрывающимися листочками. Он самозабвенно куковал и сердился, не видя противника. Соперничество продолжалось долго, пока мы тихо не отошли, оставив птицу в недоумении.

Война надолго развелла всех, и вновь я увидела Александра Николаевича только в 1942 г. Он вернулся из эвакуации в опустевший, холодный и затемненный университет. Оставшиеся и вернувшиеся сдружились между собой. Студенты чаще всего бывали в 25-й комнате, в так называемой «Огневке», где сидели сотрудники Зоологического музея С. И. Огнев и Александр Николаевич.

В эти военные годы мы слушали два курса лекций Александра Николаевича по биологии млекопитающих и птиц. Учебника или какого-либо пособия не было, и мы усердно записывали все, о чем он говорил, хотя хотелось не пи-

сать, а слушать. Ведь лекции были наполнены тонкими личными наблюдениями в природе. Из них постепенно вырисовывались основные закономерности жизни и распространения зверей и птиц. Эти лекции оставляли незабываемое впечатление. Читал их Александр Николаевич без внешних эффектов и общих фраз, тихим голосом, простым и доступным языком. Но в аудитории стояла тишина. Эти лекции не только обогащали нас знаниями, но и развивали мысль, умение наблюдать, подмечать интимные стороны жизни зверей и птиц.

Лекции Александр Николаевич сопровождал своими чудесными рисунками, которые он приносил в большом количестве, а также коллекционным материалом. Почти все тушки были сделаны им собственноручно.

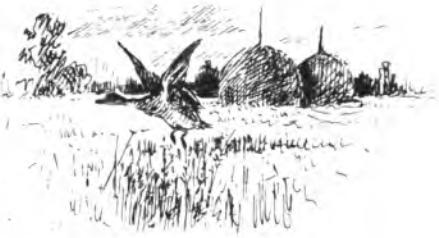
Наиболее ярко талант Формозова, учителя и тонкого наблюдателя, раскрылся в экспедициях. В 1945 г. вместе с Сашей Чельцовым, Кирой Ходашовой и Людой Ворониной мне пришлось работать с Александром Николаевичем в любимом им Наурзумском заповеднике. Заместителем директора по научной части был в то время Анатолий Георгиевич Воронов. Поначалу все шло хорошо. Распределили темы согласно интересам — это была преддипломная практика, и поэтому Александр Николаевич относился к нашей работе особенно внимательно. С утра все расходились и разъезжались по местам своих наблюдений, большинство из которых было связано с жизнью на озерах, и только одна я занималась байбаком в степи. Александр Николаевич и Саша Чельцов изредка постреливали, и это помогало нам прокормиться. Все мы ловили карасей.

И вот однажды, когда Александра Николаевича с нами не было, случилось несчастье, утонула Люда Воронина, почти у нас на глазах. Мы не уходили с озера. Ныряли и искали до посинения, потом собрались весь поселок. Когда надежды уже никакой не было, Александр Николаевич силой увел нас с Кирой домой. А Люду выловили только к вечеру. Александр Николаевич не отходил от нас. Он ухаживал за нами как за больными детьми, проводил у нас все вечера, пытаясь как-то развлечь и отвлечь нас, хотя и ему было нелегко. Он рассказывал нам разные истории, читал стихи Бунина, Киплинга, Фета и др., которых знал множество. Всячески старался отвлечь нас от мыслей о случившемся. Даже

через 50 лет трудно рассказывать о том, как в этой тяжелой ситуации проявились лучшие черты его души.

Александр Николаевич помогал всем, не жалея своих идей. Но не любил втолковывать и разжевывать все детали — учил думать. Он и ближайшими своими учениками руководил ненавязчиво, деликатно и уважительно.

Мы очень много времени проводили в 25-й комнате, служащей кабинетом Александру Николаевичу. Обстановка в ней была более чем скромная. У входа стоял письменный стол (письменный по назначению, а на самом деле просто лабораторный), налево у стены — большой сундук с коллекциями, по стенам висели рисунки Александра Николаевича, а у широкого окна стоял длинный стол для студентов. За ним мы разбирали коллекции, читали книги. Это были счастливые дни общения с любимым учителем, дни самопознания, приобщения к большой науке: иногда, казалось бы, в случайно оброненной им фразе заключалась готовая научная концепция. Но самым популярным местом в кабинете был большой сундук с коллекциями. Сидя на нем, было удобно разговаривать с Александром Николаевичем. На этом сундуке сиживали многие аспиранты и докторанты. Об этом сундуке аспирантка Александра Николаевича Н. В. Тупикова сложила

даже стихи, переписав их на внутреннюю сторону крышки сундука:

Если в голове затменье,
Дело валится из рук,
Нужно сесть для вдохновенья
На Формозовский сундук.

10 октября 1947 г. был шутливый юбилей письменного стола Александра Николаевича. В небольшую комнату набилось более 20 человек. Было очень весело: шутливые доклады, стихи. Часть из них сохранилась в семейном архиве Формозовых. Так, К. М. Эфрон прочитал посвящение в стихах, под которым мы все подписались, 22 подписи.

Кто с самых ранних детских лет
Искал в лесу звериный след?
Кто ведает повадки птичьи?
Кто знает лес в его величи?

Кто смог среди профессоров
Узнать про снежной покров,
Какую роль играет он
Для всех зверей любых времен?

Чей возраст в университете
Шагает за четверть столетья?
Пред кем мы от восторга ниц
За славный курс зверей и птиц?

Кем светел горизонт и розов?
— Профессор Александр Формозов!
Прими же сердечный наш привет
На долгий ряд счастливых лет.
Саша Чельцов тоже подготовил стихи

по этому поводу, но не решился их

зачитать, а смущенно без подписи вручил виновнику торжества. Вот они:

Свистят в стволах ружейных ветер,
Над головою — облака.
Тебя встречали на рассвете
Пустыня, тундра, степь, тайга.

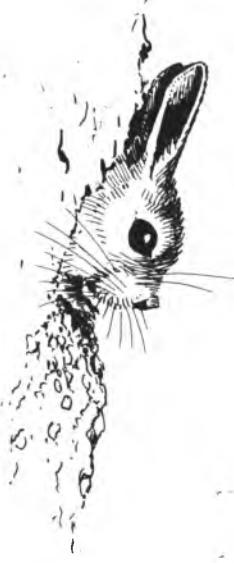
На склонах каменных Мурмана
На мутно-желтой Сыр-Дарье,
В степях ковыльных Казахстана
В исконной вотчине — Шарье.

И на востоке, где отвага
Вела по следу Узала,
От Кильдина до Копет-Дага
Тропа охотничья легла!

К себе всех птиц ты подзываешь,
Зверьми повелевать привык,
И англо-саксов заставляешь
Наш, русский, изучать язы...

Саша Чельцов — талантливый орнитолог, ставший впоследствии профессором кафедры биогеографии геофака

МГУ,— был еще и страстным охотником. Александр Николаевич был замечательным охотником, еще с детства пристрастившимся к охоте в нижегородских лесах. Никого и никогда он не ревновал к научной карьере и славе, но очень ревниво относился к охотничим успехам. Он ревновал и обижался, если кто-нибудь его «перестреливал». Так, в Наурзуме он с пристрастием допрашивал А. М. Чельцова, кого тот подстрелил. Саша иногда почитал за лучшее припрятать часть добычи, чтобы не огорчать профессора.

У Александра Николаевича были любимые места, и самое любимое из них — село Шарья в Костромской области. Ездил он также в Вологодскую и Кировскую области. Охота для него была лучшим отдыхом. Чтобы показать его отношение к охоте, я приведу некоторые отрывки из писем

к В. И. Осмоловской: «...Что касается меня, то за последние годы Шарья — единственное место, где я чувствую себя спокойным и счастливым до краев (1939 г.)». Но несколько другой настрой в Воронежском заповеднике: «Отдыхать тут хорошо, но без охоты будет скучно. Схожу завтра в поля — может, есть русаки» (07.01.1952). Любил он и степную охоту: «...Иногда, посвистывая автоматически, вдруг «попаду» на трели хохлатого жаворонка, и сразу как-то вспоминаются степные хутора, кошары, степные дороги и опять захочется колесить по степям. И охоту с каждым годом люблю все больше и больше. Словом, надо бы прожить еще лет с полсотни, да, как известно, бодливым коровам бог рог не дает...» (Из письма Н. Ф. Дарской, 27.IX.1955 г.).

А уж как переживал промах! Вот забавный отрывок из письма с Кавказа: «...На меня вышла лисица шагов на 10—12. Да какая лисица! Хвост не хвост, а прямо шлейф великосветской дамы. И шла спокойно и светло было совсем и целился я очень хорошо и промахнулся ужасно... Волком вою вот уже второй день от этого промаха...» (Кавказ, 1923). И в шестидесятые годы жизни — последняя радость все-таки была охота.

Но вернемся к 1947 г. Вскоре после юбилея произошло памятное многим событие, оставившее глубокий след в дальнейшей жизни А. Н. Формозова. Я имею в виду антилысенковское заседание Ученого совета 4 ноября 1947 г. в университете. Вместе с академиком И. И. Шмальгаузеном и профессором Д. А. Сабининым Александр Николаевич принял участие в заседании и дискуссии, организованной в связи с антинаучными выступлениями Лысенко о происхождении видов и внутривидовой борьбе. Всемогущий Трофим Денисович к этому времени набрал силу и уверенно «шагал» по биологической науке, сметая и уничтожая всех несогласных и неугодных ему биологов. А. Н. Формозов выступил с докладом «Наблюдения над внутривидовой борьбой за существование позвоночных», который был потом напечатан. Заседание проходило в Коммунистической аудитории, самой большой аудитории старого университета, но и она не смогла вместить всех. Сидели на ступенях, стояли в проходах, в дверях. Слушатели прерывали докладчиков аплодисментами, выкрикивали летучие безграмотные фразы из Лысенко, вроде таких, как «заяц зайца не ест, он ест траву». Всячески выражали свою солидарность с докладчиками. Мы считали, что теперь-то Лысенко несдобровить. Однако мы недооценили мрачной силы этого страшного человека. Последствия этого заседания хорошо известны: они были губительны для науки.

Не обошли они и Александра Николаевича. Вскоре он был выведен из состава всех редколлегий, в том числе и зоологического журнала, и научных советов. В 1948 г. он был вынужден перейти на полставки на кафедре, а в 1956 г. его сократили совсем как совместителя. Все это, а главное — потеря веры в справедливость тяжело подействовали на Формозова. К счастью, к этому времени он уже работал в Институте географии АН СССР, куда в 1945 г. его пригласил академик А. А. Григорьев, разыдавший в то время комплексные географические исследования. В 1946 г. Александр Николаевич пригласил меня в качестве своей помощницы и К. С. Ходашову — в аспирантуру. Обе мы только что закончили университет. В 1947 г. был создан отдел биogeографии. Институт стал основным местом работы

А. Н. Формозова. К ученому тянулись со всего Союза: Ю. А. Исаков, А. А. Насимович, Г. А. Новиков, А. А. Слудский, И. А. Долгушин, В. В. Кучерук и др. и молодые специалисты из республиканских академий и заповедников. И коллектив института не был чужим для Александра Николаевича. В нем работали близкие по духу и научным интересам люди: Г. Д. Рихтер, Э. М. Мурзаев, Г. А. Авсянок, Д. Л. Арманд. Да и директор института академик А. А. Григорьев очень высоко ценил Формозова. С другой стороны, исследования Александра Николаевича органично вошли в комплексные работы Института географии АН СССР. Ведь еще до появления биогеоценологии и системных подходов к изучению природы он изучал животных в связи с окружающей средой: их зависимость от среды и средообразующую деятельность. Ему не пришлось сильно ломать свои экологические исследования.

После августовской сессии ВАСХНИЛ науку зажали окончательно. Надо было выдавать идеологически выдержаные и хозяйствственно полезные произведения. Последнюю задачу мы успешно выполняли. Уже в первые годы своего существования отдел начал проводить всесоюзные межведомственные совещания, которые разрабатывали и координировали совершенно новые и актуальные направления. Первое совещание по методике учета численности наземных позвоночных животных состоялось в 1949 г., затем по вопросам географии населения животных и методике зоологического картирования. Позже эту работу продолжили Ю. А. Исаков и А. А. Насимович. Был проведен ряд совещаний по ресурсам промысловых животных, средообразующей деятельности. По итогам совещаний выходили книги, ставшие настольным пособием для специалистов. Это был наш большой практический вклад в народное хозяйство.

В то же время с первых дней началась работа над очерками по животному миру для Географии СССР. Мы с К. С. Ходашовой — только что со студенческой скамьи — не имели достаточных знаний и опыта. Александр Николаевич постепенно втягивал нас в работу.

Но его самого она тяготила. Он перелопачивал горы литературы, чтобы сделать эти очерки интересными. Он не мог позволить себе написать их кое-как, превратив в фаунистические компиляции, как это делали другие, как делают и сейчас.

Так, для животного мира Средней Азии (он в нем писал равнинную часть, а я горы) он находил интересные сведения о вредителях сельского хозяйства, а мне советовал обратить внимание на работы по влиянию солнечной радиации на распространение

животных в горах. Он повторял мне: «Учитесь, Риммочка, сажать изюмы, — смотрите, как я это делаю». Я смотрела и очень старалась находить эти изюминки, но куда мне было до Формозова?

А тем временем продолжались экспедиционные исследования. Александр Николаевич с К. С. Ходашовой работали в европейских степях, Казахстане. Александр Николаевич приезжал ко мне в горы на Тянь-Шаньскую высокогорную географическую станцию помочь разобраться в многообразии горных млекопитающих.

Кира Семеновна Ходашова, мой друг и напарник по Институту географии, быстро защитила кандидатскую диссертацию в 1949 г. и выросла в хо-

рошего эколога-полевика, тонкого наблюдателя.

Велико было умение Александра Николаевича собирать вокруг себя интересных и неординарных людей, воодушевлять их своими идеями. Вскоре после создания в отделе биогеографии оказались такие замечательные ученики, как А. А. Насимович, С. В. Кирков, Ю. А. Исаков, О. С. Гребенщиков, тогда еще докторанты. Число докторов наук доходило у нас до семи человек. И уж, конечно, мы освободили Александра Николаевича от нелюбимой работы, поделив очерки для географии СССР между собой.

И все же Александр Николаевич не получал полного удовлетворения. Больше всего он любил работать один. Он не был создан для коллективной

работы. Вероятно, сказывался и душевный надлом после лысенковской напасти. Тяготили его и административные обязанности. В 50-е годы действительно работать было трудно. Много раз переделывались научные планы, много было ненужных заседаний. Руководителей отделов обязывали учиться в Университете марксизма-ленинизма. Грустно вспоминать о том, как академик А. А. Григорьев вынужден был отчитываться А. Н. Формозова за несданный экзамен по марксизму-ленинизму. «Но так как я тем не менее сдавать не буду,— писал Александр Николаевич в письме в 1951 г.,— то, вероятно, будет скандал».

Подошедший в 1959 г. шестидесятилетний юбилей Александр Николаевич воспринимал с грустью и даже с неловкостью. Как многие талантливые и чуткие люди, он считал, что многое не сделал и такого юбилея не заслужил.

Не успели мы отпраздновать юбилей, как он подал заявление об уходе на пенсию. Однако заявление не было принято. Директору института академику И. П. Герасимову стоило большого труда уговорить его оставаться в должности заведующего отделом. Но увы... недолго, в 1963 г. Александр Николаевич передал отдел Ю. А. Исакову и перешел на должность научного консультанта.

Как научный консультант Александр Николаевич мог заниматься только личной творческой работой. Но он продолжал ходить в институт и вникать во все наши дела и проработал в институте до конца жизни, 22 декабря 1973 г.

Несмотря на мелкие неприятности, выполнение ряда спущенных сверху работ не по профилю, отдел биогеографии вырос в сильный научный коллектив и существует 45 лет. Возможно, лучшие его годы прошли, но, скорее всего, наше поколение еще покажет себя, и всегда отдел биогеографии будет связан с именем его создателя — Александра Николаевича Формозова.

С ЛЕГАВОЙ

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

В пору долгого охотничьего межсезонья, в тусклые дни предзимней распутицы и февральской замети — сколько раз предстает мысленному взору охотника-легашатника августовское росное утро, струны солнечных лучей в дымке тумана, сверкающие решота паутины, щебет птиц в купах кудрявого ивняка, темный след собаки на отросшем лугу, когда веселым нетерпением подрагивают жилки в бодром теле и сердце полнится радостным предвкушением счастливого охотничьего дня! Хорошая погода, раздолье лугов, удачный выстрел, полученный трофей — все это тешит и радует душу охотника, но более всего — горячая и осмысленная работа своей, своими руками натасканной собаки.

Для охотника, который не держит легавой, исчезает целая область в Стране Охоты — охота по луговой и болотной птице. Для него этой дичи как бы не существует вовсе: не будет же он самотопом охотиться на бекасов, устремленно выплывать гаршнепов! А если и подвернется под выстрел куличок, он в соседстве даже с нырцом вызовет скорее иронию, чем гордость: эка добыча, чуть поболе воробья! Да и подразбит, обезображен более крупной, не для него предназначавшейся дробью... Нет за ним страстного поиска легавой, ее потяжки и стойки, ее горящих глаз — так, случайный выстрел, случайно попавшийся на пути дичь. А ведь охота по луговой и болотной дичи, по выводкам боровой птицы — одна из самых классических, красивых и спортивных. И потому для истинного легашатника начало утиной охоты — это еще не открытие летне-осеннего сезона, «настоящее» открытие, которое бывает, как правило, недели через полторы-две после утиного «разговления» и которого он ждет с нетерпением,— это то долгожданное раннее утро, когда он может взять легавую и отправиться по выводкам, не забыв заглянуть и на влажную, травяную пойму.

Правда, неумеренное стремление превратить цветущие заливные луга в пустынные водохранилища резко сократило охотничьи уголья, сильно побудило и количество тетеревов, отправленных варварски применяемыми химическими удобрениями, и глухарей, потесненных хищническими рубками леса, но все-таки с легавой поохотиться еще можно.

Так что же предпочесть, куда отправиться — на заболоченные пойменные луга или на старые заросшие, тетеревинные вырубки? При прочих равных условиях владелец молодой легавой, недавно прошедшей натаску, не преминет воспользоваться возможностью

закрепить школу натаски охотой на дупеля, бекаса и гаршнепа, для первоначальной собаки это лучшая практика.

Наиболее распространен из них бекас, кулик с длинным носом, величиной с дрозда. Его излюбленные места — топкие окраинки озер и болот с ржавой водицей и невысокой травой, торфянистые кочкарники, мокрые пожни, однако его пристрастия при выборе угодий не ограничены, и бекаса можно встретить и на мочажине в поле, на луже разбитой лесовозной дороги, на мокром после дождей истоптанном коровьем тырле... В одном месте бекаса можно поднять вместе с дупелем, в другом — по соседству с гаршнепом, требования которых к угольям более определены. И по размерам, и по окраске бекас и дупель сходны между собой, так что неискушенный охотник не сразу их различит. Это легче сделать в сравнении, когда они рядом: у бекаса длиннее нос, более светлое брюшко и по краям хвоста нет белых перышек, как у дупеля. Бекас широко известен, и вряд ли найдется охотник, который не слышал бы его токования над болотом, над мокрым апрельским лесом, когда он, трудно различимый в поднебесье, пикирует наклонно, издавая растопыренными перышками хвоста (а может быть, и крыльев) далеко разносящиеся, дребезжащие, блекущие звуки. Отсюда — его другие названия: небесный барашек, баранчик. Ток бекаса — это один из самых характерных, милых сердцу охотника, звуков весны.

Напротив, охотникам, не имеющим легавых, дупель мало знаком. Он вообще более редок в природе, места его обитания ограничены и не всегда лежат на пути охотников, занятых поисками уток или боровой дичи. Весной дупель тоже токуют, собираясь в сумерки по несколько штук на постоянное токовище, где самцы, взъерошив перья, возбужденно щебечут, бегают по земле и даже вступают в потасовки между собой. Очевидцев дупелиного тока среди охотников, по-видимому, найдется не так уж много,— тем более что весной охота на всех куликов, в том числе на бекасов, дупелей и гаршнепов, запрещена (кроме вальдшнепа на тяге).

Вспугнутые, бекас и дупель ведут себя по-разному: с громким «чмоканьем» или молча бекас вырывается и стремительно летит, шарахаясь из стороны в сторону, затем полет его выравнивается, и он снова садится, но иногда, прежде чем сесть, забирается ввысь и только после этого возвращается на болото, высмотрев местечко в некотором удалении. Дупель снимается спокойнее, «солиднее», молч-

ком или с недовольным покряхтыванием, словно бы сетуя, что его потревожили, летит ровно и, отлетев недалеко, западает в траву.

Лучшая пора для охоты на бекаса — не только по добычливости, но и с точки зрения «образования» собаки — первые несколько дней после открытия сезона, когда молодые птицы плотно сидят под стойкой. Повзрослев, они становятся осторожными и зачастую срываются раньше, чем легавая сделает стойку, так что для успешной охоты в это время от собаки помимо хорошего чутья требуется известный опыт, в котором первопольная легавая может отстать от взмадевших бекасов.

Стрелять поданного собакой бекаса надо очень мелкой дробью, не крупнее девятки-десяти, которая у охотников так и зовется «бекасинником», выждав, когда его полет выровняется, однако и при этом попасть в верткую птицу не так-то просто. Там, где тростник или кустики могут прикрыть бекаса раньше, чем он вырывается в полете, приходится стрелять навскидку во время его пируэтов, что требует от стрелка подлинного искусства владения ружьем. Такая стрельба породила понятие, вышедшее далеко за пределы охотничьей лексики,— снайпер, стрелок бекасов (снайп — по-английски бекас).

При стрельбе из-под молодой легавой следует очень осмотрительно отнести к подаче ею дичи. Собака при виде падающей птицы должна лежать или хотя бы оставаться на месте и бросаться подавать только по команде хозяина. Если несдержанный охотник погорячится, забудет дать команду «лежать», а после выстрела не прикажет «подай» или, паче того, сам кинется за добычей — навыки натаски пойдут наизнанку, собака может быть быстро испорчена, будет кидаться за птицей, и тогда снова придется прибегать к чок-корде.

Дупель избегает осоковых кочкарников, моховых и топких болот, излишне мокрых лугов с высокой травой, его типичными местами являются влажные и потные пожни и луговые низины, переходящие в более сырьи, хлюпающие под ногой мочажины с лозняком и редкими невысокими кочками участки, разграничающие заливные низины и травяные сухие возвышенности, где близки подпочвенные воды, слезящиеся в углублениях и колеях, в следах копыт. В подобных местах его надо искать, пустив собаку против ветерка. Опытная легавая при этом сама переходит к более размашистому поиску, меньше одергивать можно и молодую: спокойный, даже леноватый дупель выдерживает долгую стойку, охотник не спеша успеет

Утро

Фото П. Яровицкого

подойти к собаке, если она встала и в сотне метров от него. Смирный нрав птицы, открытые, легкие для ходьбы угодья создают идеальные условия для натаски и охоты с первопольной легавой. В случае промаха дупель обычно садится недалеко и позволяет подойти к нему снова. Обучение молодой собаки при подходе к переместившемуся дупелю особенно эффективно, у нее создается представление, что хозяин всегда знает, где дичь, она становится более внимательной к его командам и более исполнительной.

Самой интересной охота на дупеля бывает не сразу по открытии сезона, а спустя три-четыре недели, когда к местным дупелям начинают подходить пролетные. К этому времени они сильно жиреют, подолгу задерживаются в полюбившихся кормных местах и все так же крепко сидят под стойкой. Найти такую дупелинную высыпку, имея хорошую легавую, — мечта любого лешашатника, которая при ее осуществлении помнится долгие годы!

Пролет дупеля в средней полосе России обычно начинается с первых чисел сентября и, смотря по погоде, длится иногда до конца месяца. Стрельба дупеля несравненно проще, чем бека-

са, но в ветреные, «рваные» дни, когда полет его становится более порывистым и резким, легкой ее назвать нельзя.

Гаршнеп — один из самых мелких куличков. Его оперение гораздо наряднее, чем у бекаса и дупеля: на голове по темени проходит широкая черная полоса, верхняя часть шеи коричневатая, черные перья на спине и плечах отливают фиолетовым или зеленым, а верхние удлиненные перышки на плечах — оранжевые. Клюв у него относительно короче, чем у бекаса. Любимые его места — трясинистые, топкие болота, заросшие хвощами, осокой и тростником. Легашатники любят гаршнепа за то, что он продлевает сезон охоты по болотной дичи: когда исчезнут дупеля, почти не останется бекасов, начинаются высыпки гаршнепов, продолжающиеся чуть ли не до снега. В пролет гаршнепы часто появляются в более доступных, чем при гнездовании, местах, менее топких и не таких заросших, на мелких травянистых болотах, где их сподручнее брать из-под стойки. Сидит он довольно плотно, срывается из-под носа с чивиканьем и, как правило, перемещается недалеко. Полет его не так стремителен и верткий, как у бекаса, но стрелять его не

просто, особенно при ветре: он как бы покачивается на лету, порхает из стороны в сторону, напоминая бабочку или летучую мышь.

Все три вида болотных куликов высоко ценятся из-за вкусного, нежного мяса, особенно осенний ожиревший дупель, предмет гастрономических вожделений самых изысканных гурманов: недаром эта дичь издавна называется «царской».

Но, пожалуй, более разнообразной и зрелицкой по самой обстановке в лесу, по эффективности трофея все-таки надо признать охоту по выводкам боровой дичи. Но это, конечно же, дело вкуса...

В отличие от уток, «хлопунцы» которых, размером почти в мать, все еще не способны подняться в воздух, у птенцов тетеревиных птиц, еще не оперившихся полностью, полуголых, очень рано, примерно в десятидневном возрасте, отрастают маховые и рулевые перья крыльев и хвоста, и они могут при опасности вспархивать на деревья, отчего их и называют «поршками». Однако ни эта возможность спастись от наземных хищников, ни самоутверженная, трогательная забота матери о своих детях не избавляют от

потеря выводки, в каждом из которых к началу охоты остается едва ли половина. К этому времени тетеревята и глухаря хорошо летают, но размеров взрослой птицы еще не достигают и нуждаются в опеке со стороны матери, без которой оставшаяся часть выводка может погибнуть. Все это на охоте по выводкам обязывает охотника быть особенно щепетильным в соблюдении норм этики и благородства: истинный охотник никогда не поднимет ружьё на старку, которая обычно первой вылетает из-под собаки и старается отвлечь ее от затаившихся детей. Учитывая, что копалуха (глухарка) и тетерка из года в год делают гнездо примерно в том же месте, к соображениям этики добавляется элементарный расчет: сохранив матку, через год здесь можно получить очередной выводок. Тот же расчет подсказывает пощадить молодую копалуху или тетерку, они тоже дадут в этих местах выводки, поэтому и их надо отпустить без выстрела. В августе тетерок уже не трудно отличить от петушков, начинаяющих одеваться в темное перо и отращивать косицы в хвосте.

Типичные места тетеревиных выводков — это светлые некрупные смешанные леса с полянками, украшенными небольшими елочками, березняки по старым сечам с обомшелыми пнями, затянутыми брусками, с уютными травяными пустошами, с ягодными солнечными гривками — словом, те веселые лесные уголки где-нибудь неподалеку от мохового, заросшего соснами и багульником болота, оказавшиеся в, которых иначе как «тетеревиными» их не назовешь. Несомненными признаками пребывания здесь выводка являются пылевые пурхалища, где купаются тетерева, избавляясь от пухоедов, копки на трухлявых пнях и муравейниках, надклеванные, «высосанные» ягодки брусками, выпавшие линные перышки, примятая трава...

До охоты в лесу легавая должна пройти натаску и школу работы на открытых местах по болотной дичи. Обычно сообразительная собака, теряя из вида хозяина в зарослях, сама укорачивает поиск по сравнению с тем, что был у нее на лугу, но молодую, не в меру горячую приходится одергивать свистком. Если она не появляется на глаза, надо ее поискать: она может замереть на стойке. И даже не по птице, а просто причувая свежие наброды, в то время как тетеревенок уже отбежал. Ругать ее не следует, надо успокоить молодую собаку, опять послать в поиск — не все сразу дается, в лесу верхнее чутье нужно сочетать с работой по следу. Набираясь опыта, собака, прихватив наброд, не станет копотливо разбираться в следах и сделает проверочный круг, заходя в охват, чтобы пересечь более теплый след либо взять верхнюю самой птицы. Такие маневры следует всячески поощрять, контрольные круги убыстрят поиск выводка, а когда легавая пойдет по старому косачу, который обычно не дер-

жит стойки и удирает в заросли, чтобы взорваться в гущаре за выстрелом, круговой заход собаки обесцветит его бегство и выставит петуха на охотника. Охотясь с молодой легавой по выводкам, надо быть вообще очень внимательным к ее поведению, чтобы не упустить проявления задатков ее мастерства, вовремя отметить их и постараться закрепить. Иногда собака, залевшись на стойке где-нибудь за кустами, заждавшись отставшего или направившегося в другую сторону хозяина, догадывается сойти осторожно, чтобы показаться ему на глаза и снова вернуться к оставленной птице, — заметив такое, нужно при удобном случае попытаться спровоцировать подобный маневр (даже аккуратно отозвав собаку): так может появиться одно из ценнейших рабочих качеств легавой, привычки к докладу, к анонсу. Устойчивое анонсирование легавой избавляет хозяина от необходимости ограничивать широту поиска, делает охоту особенно красивой и успешной.

На любой охоте с собакой самую большую радость доставляет взаимопонимание между хозяином и его помощницей, угадывание действий друг друга при различных обстоятельствах. Такое единение охотника и собаки особенно необходимо на охоте с легавой. Это накладывает повышенные требования к манерам поведения собаки, но еще больше — ее владельца. Его команды, его намерения и желания, его отношение к собаке должны отличаться четкостью и постоянством, вырабатываемым определенный рисунок охоты, ее стиль. Натаска — лишь приобретение навыков, дальнейшее совершенствование работы и приобретение мастерства достигается на охоте, оно при грамотном руководстве собакой должно прирастать от поля к полю. Всякая суетня, сбивчивость команд, изменение стиля охоты могут перечеркнуть приобретенную квалификацию, испортить собаку. Поэтому «прокат» собаки, с которым скрепя сердце можно согласиться, когда речь идет, например, о гончих, о лайках, применительно к легавой недопустим. Да и вообще, какая эта охота — с «наемниками», разве доставит она то удовольствие, которое приносит работа своей собаки...

Как оживляет горячий, энергичный, на быстрых махах, поиск собаки начавший расцвечиваться лес! Ее рубашка мелькает в зарослях иван-чая и житняка среди елочек и березок, ее стремительные членки прошибают застасывающую вырубку, полнят душу не угасающим радостным ожиданием... Но вот, словно бы наткнувшись на невидимую преграду, она резко повернулась, сменила резвый аллюр на краудущиеся, мягкие, кошачьи движения и с высоко поднятой головой, с раздувающимися ноздрями влажного носа потянула встремь едва ощущимому току воздуха, повинувшись верхнему чутью... Не подпустив, шумно поднялась, встревоженно квохча, старка.

Высмотрела опасность и тут же запала в траву, забегала с коканьем, то пригибаясь, то вытягивая шею, приглашая следовать за собой собаку, отвлекая ее от выводка. И, бывает, молодая легавая не выдерживает, кидается... Ее немедля нужно отзвать, успокоить и, выждав некоторое время, опять послать в поиск. Сделав несколько шагов, она потянула и встала, косясь на хозяина. Он подошел осторожно, изготавливая ружье. Вперед! Странулась, неслышно продвинулась и снова встала, устремив взгляд в траву. Всматрившись по направлению взгляда собаки в заросли, иногда можно увидеть в них затаившуюся птицу, ее темный блестящий глазок... Вперед! С хлопаньем крыльев молча взрывается рыхеватобурый, с пестринами черных перьев на шее, с начавшимися загибаться в лиру черными косицами петушок, тянется на уровне человеческого роста в прогал березок. Не надо спешить с выстрелом, если птицу не прикроют деревья, тетеревята поднимаются близко, можно разбить трофей. Или промазать. Для охоты по выводкам хороши облегченные, с недлинными стволами «лесные» ружья. Патроны нужно снаряжать бездымным порохом, шестеркой или семеркой — молодые тетерева не крепки на рану. На охоте вдвоем следует быть очень осторожным при выстреле: птицы уходят обычно низом, необходимо постоянно знать, где находится товарищ.

В начале охоты от выстрела по сработанному легавой тетеревенку выводок, если он не настеган, как правило, не срывается. Нужно не полениться обойти округу, где могут быть затаившиеся, отбившиеся от выводка молодые тетерева. Распуганные тетеревята, как и их матка, какое-то время сидят в листве деревьев молча и неподвижно. Уверившись в наступившей тишине, что опасность миновала, старка начинает поквоктывать, собирать выводок, и тетеревята с готовностью отзываются, идут на ее голос. Поэтому, когда выводок разлетится вроссыпь, имеет смысл через час-полтора вернуться к этому месту. Если выводок снимается дружно, надо проследить их полет: метрах в трехстах-четырехстах он может сесть и затаиться. Без набродов птиц обнаружить нелегко, но, когда старка успокоится, выводок обсидится, он даст наброды, туда спустя время стоит наведаться и попытаться найти его снова.

Во второй половине сентября взамтеревшие выводки не затаиваются и, заслышив собаку, разлетаются. Почекневшие, ставшие лирохвостыми петушки отбиваются от выводка, дневку проводят отдельно. Выводки расходятся, и охота с легавой по тетеревам становится случайной.

Одновременно с открытием охоты по тетеревиным выводкам начинается охота по выводкам глухарей. В этих охотах много общего: те же часы кормежки и дневного отдыха, те же ягодники. Для глухарей более харак-

терно сочетание крупного смешанного леса с моховыми болотами, заросшими сосняком, можжевельником, багульником и голубикой, с укромными влажными лощинами вдоль ручьев, затянутых таволгой, кустарником и нектосью, при соседстве открытых ягодных полян и грибок.

Глухарята выдерживают стойку лишь в начале сезона. Очень скоро они, засыпав собаку, стараются заблаговременно и скрыто удрать, используя заросли, а когда спасительное укрытие кончается, встают на крыло, садятся на деревья и с приближением охотника перелетают. Длинный теплый след птицы, хлопанье крыльев, коканье копалухи — все это очень горячит собаку, и молодую легавую такой охотой недолго испортить. Поэтому молодая первопольная собака должна прежде пройти школу работы по тетеревам и научиться умерять горячность послушанием и приобретенным опытом. Глухарята рано приобретают способность быстро бегать, и, если даже немолодая легавая грешит нерешительной, туговатой потяжкой, преследование затягивается и, скорее всего, завершится ничем потому, что глухаренок поднимется за пределами выстрела. Чтобы настичь выводок, приходится иногда чуть ли не бежать рысцой. Если толковая легавая, усвоившая «обработку» тетеревов-косачей заходит в круговую, воспользуется этим опытом на охоте по глухаринным выводкам — такая охота становится куда успешнее.

Глухарят, выдерживающих стойку, стрелять несложно. Опять-таки первой обычно сорвётся копалуха, сидет невысоко и будет исходить тревогой и беспокойством, тянуть шею и кокать. Глухарку стрелять строго запрещено. Если охотник не шкурятник, он не станет бить и молодую копалушку: это тоже будущая мать. И по цвету оперенья, и по силуэту достаточно наметанным глазом легко отличить глинисто-серого головастого петушка от рябенькой самочки. Но и заполучив в качестве трофея августовского глухаренка, нескладного и голенастого, рыхло одетого петушка, охотник может пожалеть, что никогда уж не станет он тем мощным красавцем мошником, которого с горделивой радостью несешь с весеннего тока...

К середине сентября взматеревшие петушки отбиваются от выводков и начинают уединенную самостоятельную жизнь. Встретившись где-нибудь в крепких зарослях, в густой высокой траве, они порой выдерживают стойку легавой. Можно взять их и из-под опытной собаки, работающей с заходом. Но чаще все-таки они не подпускают и укрываются на деревьях. В эту пору успешнее охотиться на них с другой собакой — с лайкой.

К боровой дичи относится еще одна птица, на которую можно охотиться с легавой: белая куропатка. Но в лесу она живет далеко не всегда, проникая на севере в тундру, а на юге — в лесо-

степные березовые колки Западной Сибири, Зауралья и Северного Казахстана. Держится и на Дальнем Востоке, на Сахалине и на Камчатке. В европейской части России она выбирает моховые болота с клюквой, гонобоблем и брусникой на кочках, с редкими угнетенными сосенками, с ивняком, можжевельником и багульником, дающими укрытие молоди от ястреба, а ближе к северу — и белой совы. Хорошо, если есть на болоте сухие грибки, где куропатки, как все тетеревиные, могут поклевать камешки и попурхаться в пыли. В таких местах и следует их искать.

Выводки белых куропаток, как правило, более многочисленны, чем у тетеревов и глухарей. Их заботливо опекают оба родителя. При гибели матери выводок водит куропач, а полностью осиротевших птенцов принимают чужие родители. Дружный выводок оставляет на жировке широкие наброды, так что легавой не требуется особенно тонкого чутья, чтобы прихватить следы птицы. Заметив человека с собакой, куропатки стараются отбежать, чтобы взлететь где-нибудь под прикрытием кустов. Первым с гоготом срывается куропач, за ним разом взлетает веером весь выводок. Вразнобой птицы поднимаются лишь тогда, когда застигнуты врасплох и разбрехавшиеся на кормежке куропатки не успели собраться. Даже нестреляный выводок довольно отлетает, делая плавную дугу, снижается, как бы садясь на землю, но летит дальше и западает, выбрав место укрытия и не оставляя там следов. Однако, разбитый выстрелом, выводок рассыпается, птицы садятся порознь, и в этом случае их легче искать. Затаившись, куропатки крепко держат стойку, их можно стрелять поодиночке. Летят они невысоко, то и дело планируя подобно серой куропатке. Стрельба их в угон особых трудностей не представляет, если не мешают, конечно, кусты или деревья, но сама охота требует физической подготовки и охотника, и собаки: ходьба по моховым болотам не легка, и легавая изматывается скорее, чем в лесу. Стрелять белых куропаток из-под собаки можно до поздней осени, до снега, пока они не откочуют к местам зимней кормежки, когда на другую боровую дичь легавой уже нет.

В лесу есть еще один прекрасный объект охоты с легавой — вальдшнеп. Летне-осенняя охота на вальдшнепа открывается так же, как на боровую дичь, но ни один легашатник не пойдет искать вальдшнепов, когда есть тетеревиные выводки. Вальдшнеп в августе — это попутный трофей. Самая вожделенная пора в охоте на лесных куликов с легавой приходит с началом их высыпок. Не пропустить бы их только! Время высыпок коротко, да и погода в конце сентября — начале октября может быть всякой... Лучше всего, если установится тепло и вёдро, а там, где-то на севере, уже почувствуется дыхание близкой зимы. Вальдшнеп

подваливает, присоединяется к местному и при благоприятных условиях задерживается порой вплоть до заморозков. Надо выйти на рассвете, когда кормятся вальдшнепы, оставляя на пологневшей утренней земле наброды. Полублестящий, ставший более просторным лес светится пряжей лучей низкого солнца. Поблескивает паутина, опутавшая кустики бересклета, жухлую таволгу, — значит, вёдро еще постоит. Шуршит под ногой неулягшаяся пала листва, с деревьев падают сами собою, покачиваясь в полном безветрии, листья осинок. Крепко пахнет грибами, прелью, подвядшей, отросевшей травой. Ощущение смысли и довольства земли, напитавшейся долгим летним теплом, ее умиротворенного покоя и готовности к зиме порождает благостную уравновешенность души, состояние особой бодрости и легкости. Легко идти, легко дышать остывшим воздухом, чувствовать его очищающую наполненность в груди...

Искать вальдшнепов нужно в некрупном лиственном лесу по влажным низинкам, заросшим ольшинками, черемухой, мелкими осинками, крапивой, малиной, — лишь бы не было густой высокой травы, путающей их короткие ножки. Отдувая мягкие добрые губы, фыркает легавая, разбирая следы ночной жизни леса. Кабаны порои, мышиные наслежки, строчка ласки, кротовьи вытолкоши, поскоки дроздов, суетившихся под бересклетом... Все не то. Едва уловимое дыхание проснувшейся от солнца земли наносит тот знакомый, волнующий запах, от которого страстно раздуваются ноздри, от которого не оторваться. Шаги собаки становятся крадущимися, взор устремлен в заросли мелкого крашинника, напряжена каждая мышца... Словно бы видишь, как замер на коротких ножках вальдшнеп, набычился, положив на грудь длинный нос, настороженно смотрит большим черным южным глазом. Подниматься не хочется: он сыр, отяженел, пригревает утреннее солнышко... Собака замерла, картиною подняв переднюю ногу. Вальдшнеп на взлете старается сразу прикрыться от опасности стволом дерева, его ветвями, надо прикинуть, как лучше встать, чтобы видеть птицу, сейчас для него опасность — застывшая на стойке собака. От странувшейся легавой вальдшнеп срывается, будто выброшенный чьей-то сильной рукой, заслоняется от собаки деревом, но становится виднее охотнику. Сухо, четко отщелкиваясь в тихом лесу, звучит выстрел. Притихли возившиеся в ветвях синицы, и все так же падают, покачиваясь, листья. Довольная легавая тычется влажным чутьем в теплую птицу, благодарно улыбается влажными темно-ореховыми глазами, чувствуя на своем темени ласковую руку.

— Хорошо, хозяин! Идем дальше? Случается, что в тридцати-сорока шагах можно наткнуться на следующего вальдшнепа, а там — на третьего... Таковы они, вальдшнепинные высыпки.

РУЖЬЕ С ОТКИДНЫМ ПРИКЛАДОМ

Н. БОРУМБЕЙ

Одноствольное магазинное охотничье ружье ТОЗ-106 предназначено для любительской охоты на птиц и мелких животных. Практически стрельба из этого ружья должна вестись на дальностях, не превышающих 25 м — для дробового выстрела, а пулей можно стрелять и дальше, но предварительно пристреляв ружье и определив максимальную дистанцию стрельбы по допустимому разбросу пуль, который не должен превышать 15—20 см. С таким ружьем можно охранять домашних животных, посевы, хозяйствственные объекты во всех климатических районах, кроме мест с влажным тропическим климатом. Для стрельбы применяются патроны 20-го калибра с гильзой длиной 70 мм. Вес ружья без патронов не более 2,5 кг.

Ружье имеет укороченный ствол длиной 250 мм, полная длина ружья с откинутым для стрельбы прикладом равна не более 820 мм, но и не менее 805 мм, длина со сложенным прикладом — 530 мм, высота ружья 170 мм, ширина — 70 мм. Магазин рассчитан на расположение двух патронов. Завод гарантирует отсутствие поломок в ружье при 2000 выстрелах. Испытывается ружье стрельбой на дальность 25 м. Кучность при такой стрельбе гарантируется не менее 35 %, а практически достигает величины 50—55 %. Точность стрельбы или, по-иному, отклонение центра дробовой осыпи от точки прицеливания при стрельбе на 25 м допускается вверх на 150 мм, вниз — на 50 мм, вправо и влево — по 75 мм. Усиление спуска в ружье не регулируется, находясь в пределах 1,5—2,5 кгс. Наибольшее среднее значение максимального давления пороховых газов не должно превышать 705 кгс/см².

Ружье имеет следующие клейма: модель ружья — ТОЗ-106, клеймо Государственной испытательной станции, говорящее о том, что оно там испытано, — ГИС (буквы заключены в параллелограмм); набор цифр, который расшифровывается следующим образом: две последние цифры означают год изготовления ружья и его испытания, остальные цифры — порядковый номер ружья; клеймо 20×70 означает, что ружье 20-го калибра с патронником длиной 70 мм; цифра 15,7 означает номинальный диаметр канала ствола, в мм; клеймо 72 МПа означает допустимое давление, которое могут развивать патроны при стрельбе из ружья; клеймо в виде буквы П в кру-

жочке говорит о том, что ружье проверено испытательными патронами; буква К в кружочке означает, что ружье проверено на кучность и точность стрельбы; а знак, соединяющий в себе буквы Т и К в кружочке, говорит о том, что ружье принято техническим контролем.

Ружье ТОЗ-106, по согласованию с заказчиком, может комплектоваться чехлом, плечевым и поясными ремнями, подсумком для дополнительного магазина, патронташем, футляром, изготовленным по чертежам завода, а также комплектом различных принадлежностей, перечень которых завод не дает.

Конструкция ружья исключает возможность выстрела при незапертом канале ствола, при падении ружья, в процессе постановки или снятия с предохранителя, при сложенном и снятом прикладе, срыг курка с шептала при перезаряджании.

Соединение ствола с коробкой осуществляется по прессовой посадке и фиксируется штифтом. Канал ствола хромирован. Для ведения прицельной стрельбы имеются целик и мушка. Приклад металлический складной, с резиновым затыльником, установлен на оси, расположенной в скобе. Фиксирование приклада в положении для транспортировки (в сложенном положении) осуществляется защелкой, расположенной в цевье, а в положении для стрельбы — осью в клиновых пазах скобы.

Ударный механизм находится в затворе. Спусковой механизм смонтирован в корпусе, соединенном с коробкой. Курок вводится при открывании затвора. Ружье имеет указатель взвода курка, который при взвешенном курке выступает над поверхностью вкладыша, а при спущенном — утопает.

Перезарядка ружья осуществляется вручную, при перемещении затвора в крайнее заднее положение, а затем подачи его вперед. Досыпание патрона из магазина в патронник происходит при движении затвора в переднее положение. Патрон в патроннике запирается личинкой посредством боевых выступов остава затвора и соответствующих опорных поверхностей коробки.

Гильза извлекается из патронника выбрасывателем и выталкивается отражателем при перемещении затвора в заднее положение.

Для уменьшения вероятности случайных выстрелов имеется неавтоматический предохранитель, запирающий спуск. Для постановки ружья на предохранитель нужно при взвешенном курке передвинуть кнопку предохранителя в крайнее заднее положение. Для исключения возможности выстрела при сложенном или снятом прикладе имеется автоматический предохранитель.

Магазин у ружья коробчатый, отъемный, имеет две расположенные по бокам защелки.

От редакции. Интересно, что в одном из рекламных проспектов Тульский оружейный завод предлагает пистолет-ружье МЦ20-01У, который предназначен для самообороны и некоторых видов любительских охот на короткие дистанции. Этот пистолет-ружье имеет те же характеристики, что и охотничье ружье ТОЗ-106, за исключением того, что его вес равен 2 кг, а размеры — 500×60×150 мм. К тому же МЦ 20-01У снабжается дополнительным магазином емкостью на четыре патрона. Видимо, патроны для него надо будет снаряжать с уменьшенными навесками пороха и дроби, так как он не имеет откидного приклада. Скорее всего, пистолет-ружье МЦ 20-01У не будет выпускаться Тульским оружейным заводом, так как его размеры приходят в противоречие с новым законом «Об оружии», который указывает, что размеры ружья должны быть не менее 800 мм. Однако ружье ТОЗ-106 с откидным прикладом должно пользоваться особо большим спросом у автомобилистов, так как такое компактное ружье очень удобно использовать в ограниченном пространстве автомобиля при стрельбе из окна.

Охотничье ружье ТОЗ-106 с расположением приклада для стрельбы

КРУПНАЯ КАРТЕЧЬ В РУЖЬЯХ МАЛЫХ КАЛИБРОВ

И. НОВИЦКИЙ

Ружья малых калибров, 20-го в особенности, давно привлекают внимание охотников. Универсальность ружей малых калибров ограничивалась отсутствием возможности применения патронов, снаряженных крупной картечью. Однако этот вопрос решается просто.

Я снаряжаю патроны 20-го калибра картечью диаметром 8,3 мм в бумажную гильзу восьмью картечинами, расположенными в четыре ряда по две в каждом (картечинах последующего ряда укладывались в промежутки нижележащих, вес снаряда 26,5 г, навеска пороха «Сокол» — 1,5 г).

Для снаряжения картечью готовится следующим образом. Каждая из них зажимается в плоскогубцы и немного сплющивается для того, чтобы сложить картечина вместе площадками друг к другу, а их общий диаметр должен быть равен внутреннему диаметру гильзы (рис. 1). Картечина досылаются в гильзу без усилия, чтобы не деформировались. Это основное условие, обеспечивающее кучность боя. Можно подобрать размер картечи так, чтобы пара ложилась в слой без зазоров между ними и стенками гильзы. При этом опиловки их поверхности не понадобятся. В данном случае кучность будет хуже. Можно предположить, что фактор соприкосновения картечин площадками, а не точками правильных сферических поверхностей, исключает «билиардный» эффект при вылете снаряда из ствола.

Метод опробован в течение многих лет стрельбой по кабанам, оленям, косулям. Практическая стрельба и экспериментальный отстрел произошли из ружьёв в основном 20-го калибра. Это ружьё ИЖБ-36 (вес 3,3 кг, правый цилиндр, левый чок 0,6 мм), ИЖ-58 (2,9 кг, правый получок 0,5 мм, левый чок 1,0 мм), ружьё льежской мануфактуры (в рядовом исполнении с дульными сужениями 0,7 мм, весом 2,7 кг и высокого класса с обоими чоками по 0,6 мм, весом 2,6 кг), ружьё фирмы «Зимсон» (вес 2,74 кг, оба чока по 0,9 мм). Помимо ружьёв 20-го калибра, было использовано ружьё 24-го калибра фирмы «Ронже» (вес 2,4 кг, оба чока 0,6 мм). Лучшие результаты были получены из ружьёв ИЖ-58.

Для ружьёв 20-го калибра применяли бумажные гильзы, капсюли «Жевело»; для ружьёв 24-го калибра — металлические гильзы с капсюлями центрального боя. При тщательном внимании осмотре ствола после стрельбы

следов деформации не обнаружено. Отдача при стрельбе такими картечными патронами не больше, чем от дробовых. Видимо, предлагаемый метод в ружьёх крупных калибров позволяет применять картечью диаметром более 9 мм с использованием контейнеров и связывания рядов нитью (рис. 2). Нить № 10 длиной 8—10 см. Картечина связывают парами в ряду.

Методика снаряжения патронов следующая. После досылки картонных пыжей с необходимым усилием на пороховой заряд войлочный пыж под картечью вставляется только в верхнюю часть гильзы на глубину диаметра картечии. Затем кладут на войлок пару картечин ряда так, чтобы они касались друг друга сплющенными частями (площадками). Затем нажимом большого пальца эту пару досыпают вниз также на диаметр картечии, чтобы освободить место для очередного ряда. Следующую пару (ряд) укладывают так же, помещая картечина в промежутки картечии нижнего ряда. Таким образом укладываются четыре ряда по две картечии, всего восемь штук.

После того, как снаряд картечии уложен, легким нажимом навойника досыпают снаряд с войлочным пыжом до картонного порохового пыжа. Края гильзы завальцовывают, как правило,

Рис. 1. Укладка картечии в гильзу: 1 — стенка гильзы; 2 — картечья нижнего ряда; 3 — картечья верхнего ряда.

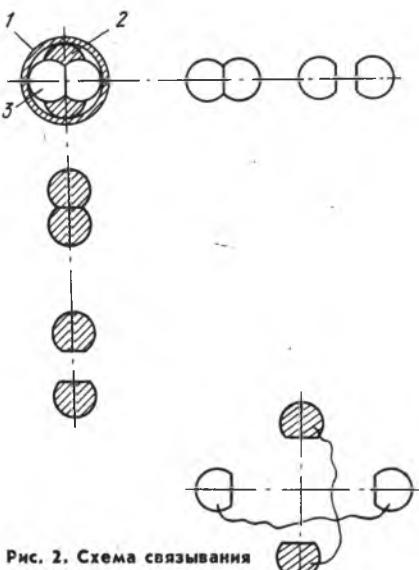

Рис. 2. Схема связывания картечии

без дробового пыжа. Дробовой пыж практически не ухудшает стрельбу.

Хорошие результаты получены при стрельбе из ружьё 24-го калибра, с использованием металлических гильз и капсюля центрального боя.

Метод позволяет использовать металлические гильзы для снаряжения картечных патронов для ружей 28-го калибра, соответственно подбрав картечью и навеску порохового заряда. При снаряжении картечных патронов применять всевозможные укучнители боя не было необходимости. На дистанцию 35 м от дульного среза все картечины снаряда укладывались в круг диаметром 54—65 см. Из ружьё 20-го калибра ИЖ-58 в рядовом исполнении картечина на дистанции 35 м легли в круг диаметром 37—46 см. Укучнители не применялись. Кучность боя находится в прямой зависимости от размеров дульных сужений: большие дают бой кучнее.

Стрельба из ружьё со стволов цилиндрической сверловки не показала лучшей кучности боя картечью. У цилиндра ось сильнее и шире.

Таким образом, универсальность ружей малых калибров, 20-го — в особенности, стала полной. Можно применять дробовые патроны от мелких номеров дроби до крупной картечии и, конечно, пулевые.

Приведу пример, который вызвал удивление. После того, как расстался с ружьем 24-го калибра, у меня долго хранились четыре пули «Блондо» этого же калибра с ведущими поясками из свинца. Пули легко проваливались в правый ствол двадцатки ИЖ-58 и едва задерживались в чоке левого ствола. Я их вставил в патрон, снаряженный навеской пороха «Сокол» (1,5 г), а края гильзы замял по прежней завальцовке. На расстоянии 50 шагов произвел по два выстрела из каждого ствола ружьё ИЖ-58 стоя, с руки. Результаты превзошли все ожидания: пули легли в круг диаметром 11 см! Выходит, что пули «Блондо» можно выполнять в размерах вместе с ведущим пояском, диаметром менее размеров каналов стволов и дульного сужения. Поясок из мягкого металла или полизтилена необходим, чтобы не повредить поверхность каналов стволов. Возможно, пули бросают от стенок к стенке (биение). Это качество пули «Блондо» надо изучить. Если подтвердится при дальнейшем исследовании возможность надежной стрельбы пулей «Блондо» уменьшенных размеров без контейнера, это облегчит ее массовое производство и применение безошибочно в ружьёх со стволами от цилиндрической формы сверловки до самых больших дульных сужений.

Итак, двадцатка — относительно легкое, многоцелевое (универсальное), маневренное ружье, позволяющее применять бумажные и металлические гильзы, использовать снаряд в относительно широком весовом диапазоне, надежно стрелять всеми номерами дроби, крупной картечью и пулями.

ПЕРЕПЁЛКИ

Игорь АЛЕХИН

Нет, не переводятся любители перепелиной охоты! Хотя меньше, заметно меньше стало этой дичинки на великой Кубанской равнине, и боеприпасы дорожают неимоверно, и добыча охотника чисто символическая, но... приходит долгожданное августовское утро, усыпанное прохладной росой, и начинают постукивать в полях нечастые и негромкие выстрелы. Конечно, известно, что есть места, где этих перепелок скапливается очень большое количество, например на Черноморском побережье перед отлетом на юг,— и тогда... но это, извините, уже не совсем охота в моем понимании. Это как бывает у нас зимой иногда: замерзнут речки и пруды, останутся лишь кое-где свободные от льда участки, куда собирается утка со всей округи,— и тут как тут охотники побегут палил в нее. Тепло было — по речкам ни выстрела, а тут вдруг столько счастливых утятников объявились. Утке деваться некуда, покрутится над заснеженными полями — и снова в воду, а там вокруг умники с ружьями головы из камышей высовывают. Веселая охота! И не надо по камышам лазить, искать, поднимать птицу на крыло или, встав пораньше, начинаяющейся зарей ждать посвиста утиных крыльев — зимой утка целый день мотаться будет, некуда ей от воды деться. И ничего не скажи этим стрелкам, ведь все у них в данном случае по закону: сезон охоты на водоплавающую птицу длится до Нового года. Ну а милосердие, этика? «А вот,— скажет,— в одном стволе у меня милосердие, а в другом — этика, да вон на том берегу Грицко с пятизарядкой, у него и другие чувства имеются». Так-то вот... Ну, да, черт с ними, мне их не переделать.

Итак, перепелиная охота у нас больше для души. А добыча... Ну что такое десяток «самых мелких представителей отряда куриных»? Вы их видели оципанных, в середине-то августа? Вкусны, безусловно, но, так сказать, живая масса... В общем, если вы придаете первостепенное значение весу добычи — лучше не ходите на пе-

репелинную охоту. Почтайте вот рассказ этот — и не ходите.

За пару дней до открытия охоты выяснилось, что по сложившейся уже традиции компания собирается довольно большая — человек шестнадцать, но охотников всего пять, а остальные жены и дети, пикник, словом. Причем двое будут с собаками. У Стороженко по слухам, которые, как я подозревал, исходили от него, начал классно работать его трехлетний курчхаар Дон, а другой охотник, Сашка Титов, при встрече сказал, что его Бим «ищет и подает нормально».

Бим — это помесь русского спаниеля и английского сеттера, ублюдок с недоверчивыми глазами и длинным узким, каким-то свалявшимся хвостом. Если бы этот хвост купировали, Бим напоминал бы рослого спаниеля, но в паспорте у него была сделана неслыханная у нас запись «сеттер-лаверрак», так что хвост решили не трогать.

В четверг после обеда приехал еще один участник субботней охоты, Толик, на «Ниве» с забитым семенами мышью радиатором и сообщил, что бак бензина скжег, но поле нашел отличное — одновременно кричат несколько десятков птиц.

— Дроби только нет,— пожаловался он.

— Так налить долго, разве? — заметил я.— Свинца вот где взять...

— Та свинец есть. Мы вчера с Парамоном все свалки объездили, шесть аккумуляторов нашли, пластины вытряхнули, клеммы сбили... Да у меня еще две муфты где-то лежат килограмма по три...

— А, ну тогда хватит всем. Вези — я пока агрегат настрою.

— И это...— Толик замялся.— На Парамона надо тоже налить...

— Да ты вези, всем хватит, тут делов-то на два часа — был бы свинец... И по пути заедь в «Транс», набери канистру солярки — большую.

Вскоре все были в сборе. Расположились у меня за домом, в огороде. Прикинули — близко белье никто не сушит, дым-то сейчас будет дай Боже...

Ветра почти нет, пламя будет ровное — свинец удобно подбрасывать. Ах, если б только один дым... Но кто мог знать, что случится вскоре? Я подбрасывал куски свинца в висящую в языках красно-желтого пламени банку, Толик рядом на дорожке резал его и плющил ударами молотка. Дети из любопытства стали вертеться вокруг — интересно им, конечно,— огонь, черный дым столбом, и дядьки чего-то делают... Прогнал их — на всякий случай, все же огонь, хотя за сколько лет ничего не случалось. И вспоминал потом (как Бог пошептал) насчет них-то, детей...

В один момент, когда половина свинца, превратившись в серебряный дождик, исчезла в глубине полыхающей солярки, мне показалось, что уровень топлива маловат, высоковато банка висит над ней — надо около сантиметра, а тут вроде больше... Решил долить. Обычно это делал жестяной баночкой на длинной ручке, да не оказалось ее под рукой — ладно, из канистры долью... В двадцатилитровой канистре оставалось литра два-четыре солярки. Я взял ее и поднес к краю горящего ведра, осторожно, чтобы не плюхнуть лишнего. Наклонил и услышал вдруг жуткое, свистящее шипение — полыхнуло в лицо розовым ослепительным жаром... Все длилось секунду. Успел увидеть, как длинный спираль пламени ударил из моей канистры куда-то в огород, словно из огнемета, как Толик метнулся в сторону. Выплеснувшаяся из ведра солярка попала мне на руку — от короткого рукава рубашки до кисти. Коротко затрещали на голове волосы, но я мгновенно погасил их ладонями. Опустив руки, увидел, что левая горит — сквозь желтое пламя было видно, как на коже появляются пузырьки. Плохо сознавая, что делаю, я правой ладонью вскользь сбил с нее огонь вместе с легкой «съехавшей» кожей. Пламени на руке уже не было, но от плеча до кисти на внешней стороне обнажилось розовое тело. Правая кисть сильно кровоточила: когда меня развернуло с ка-

нистрой, я ударился рукой о край железного заборчика. Толик кричал, держась руками за лицо: «Глаза, глаза!» Рядом валялась раздувшаяся канистра. Сильно пекло левую сторону лица. Я оттащил подальше от горящего ведра, которое, к счастью, не перевернулось, канистру и пошел в дом. Выбежавшая жена кинулась к Толику и повела его промывать глаза. Прибежал кто-то из соседей: «...а мы слышим — взрыв какой-то!» Толику быстро промыли глаза, и он успокоился. Оказалось — брызги солярки, к счастью, не горевшей, попали ему в лицо.

Жена, медицинский работник, достала из холодильника спирт и хотела смазать мои ожоги, но я в ужасе отказался — какой, к черту, спирт, и так пачет!

— Да так надо,— кричала Ольга.— Я знаю!

— Ой, не надо, к чертовой матери, спирт, ты что?!

— А что надо?

— Ой, не знаю...— Боль разрасталась. Я же — хоть смейся, хоть плачь. Весь идиотский комизм ситуации начинал доходить до меня.— Дроболеи чертова...

«Прибежала соседка, принесла какое-то немецкое лекарство в аэрозольном баллончике. Мне покрыли руку белой пеной, а лицо все же смазали спиртом. Боль была сильной, я бегал по комнатам, «ллез на стенку», не зная куда деть руку, но старался не стоять — надо же было изображать мужественного охотника. Дети смотрели на меня почему-то без испуга, даже с восторгом, а маленький Костя спросил:

— Папа, ты бриться будешь? — имея в виду белую пену из Германии.

— Да, сынок, папе сейчас только бриться осталось,— кривясь от боли, отвечал я.

Случайно выглянув в окно, я от удивления даже застонал: Толик как ни в чем не бывало продолжал плавить дробь — горела в ведре солярка, он бросал свинец в подвешенную банку и успокаивал ее от качаний какой-то проволочкой.

Через полчаса он позвал меня глянуть на дробь: она жемчужной горкой светилась на расстеленном на земле мешке.

— Сеять будем? — спросил Толик, перебирая дробь пальцами, блестевшими от солярки.— Тут разная...

— Конечно, будем.

Результаты были таковы: килограммов десять дроби от девятого до шестого номера, огнем сожгло молодой персик, грядку баклажанов и несколько кустов помидоров. Глядя в ту часть огорода, куда ударили огненный сноп, я долго потом повторял: «Господи, хорошо, что не было детей там, Господи, хорошо, что не было детей...»

Стороженко, в прошлом офицер пожарных войск, узнав о случившемся,

сказал:

— Или в канистре были остатки бензина, или... черт его знает, я бы чистую солярку тоже долил бы, не знаю...

На следующий день, в пятницу, с затянутованной рукой, которую время от времени смачивал «бализом», я с утра заряжал патроны. Не пропускать же открытия охоты из-за этой канистры... Может, стрелять не получится, но выехать — выеду.

В обед приехал Толик — узнать, жив ли я. Я заверил его, что еду, безусловно. «Ты хоть рожу свою видел? — спросил он без излишних выражений сочувствия.— Вон в зеркало глянь...» Я подошел к «Ниве», откуда с любопытством на меня смотрела дочка Толика. Да, лицом я напоминал индейца в боевой раскраске — огонь запечатлев на нем полосы от мгновенно-го прищуря... Ну что ж.

Через час прибыли остальные — и мы выехали. И был чудесный вечер под огромными тополями на берегу Бейсужка, много смеха и веселой суматохи, обильный стол на расстеленных покрывалах, и все выпили «за удачу» (кроме Стороженко, которому выпало отвозить потом домой женщин и детей), и все весело орали на собак, лезших к столу, пока их не привязали поодаль. Смех, детский визг... Крики:

— Ой, Сережа, смотри, Дон опять бежит сюда, привяжи ты его!

— Да я же привязал его — к такому здоровому бревну!

— Так он с бревном этим и бежит, смотри!

Огромный угрюмый курцхаар, напрягшись, волочил за собой на цепке огромную корягу. Смех, визг. Наконец Дона со словами «ну и лошадь» привязали к тополю. Были даже танцы: Толик, открыв дверцы «Нивы», включил на всю магнитофон. Была и уха: сын Стороженко, Пашка, надергал на уドочку окуней и плотвы, которых вполне хватило на наваристую «юшку», остатки которой отнесли, закрыв крышкой, в сторону — утром небось кто захочет холденнейкой...

Ближе к темноте рядом в камышовый заливчик густо стали падать дикие утки. Наступала ночь, и сквозь тополиную листву, сквозь бегающие по ней оранжевые блики костра стали видны августовские звезды. Иногда какая-то из них срывалялась к чернеющему горизонту...

— Тихо! — зычным басом заорал вдруг Парамонов.

Все даже испугались — что такое?

— Слышишь? Перепел бьет...

— Тыфу ты, — махнул рукой Толик.— Да я тебе говорю — полно. Утром наслушаешься.

Наконец за полночь, набившись в одну машину, уехали женщины и дети. Без них стало тихо и сонно возле костра. Не дождавшись Стороженко, мы

стали устраиваться спать. Вскоре он вернулся, развезя всех по домам.

— Ну вот,— обиделся он, не застав никого у костра.— А с кем же мне за открытие стопку выпить? Вставайте, черти-паразиты!

Но такая сонливость окутала нас, что никто даже не пошевелился. Только Парамонов, громко зевнув, пробасил:

— Серега, ты что, не знаешь, что ли: охота и алкоголь несовместимы...

Толик сонно хихикнул из-под одеяла. Горестно вздохнув, Стороженко тоже стал устраиваться спать.

Трещали в кустах цикады, недалеко, в заросшем камышом заливчике съято и спокойно крякали дикие утки, и где-то в ночи, в огромном невидимом лютерновом поле неумолчно, звонко и четко разделяя коленца своей песенки, бил перепел: «Пить-пи-пить, пить-пи-пить...»

Пронеснулся я раньше всех, когда было еще темно, но на поляну, где вокруг серого костища лежали завернутые в одеяла охотники, уже заполз зябкий предутренней пеленой призрачный туман. Я проходил вокруг, от нечего делать перебирал обрывки бумаги, всякий мусор после вчерашнего ужина, бросил в золу костра. Одна толстая суковатая ветка акции в нем, не догоров, хранила под серым пеплом розовую прослойку жара. Подбросив сухих веток, раздул огонь, запорошив траву возле костра пепельной невесомой пудрой. Собаки безмолвно наблюдали за мной, сидя под деревьями,— лишь Дон, перебрав лапами, коротко заскулил.

Перепелиная песня доносилась с поля непрерывно, иногда «бой» нескольких птиц сливался в сплошное «пить-пить-пить...» с неразличимыми коленами.

— Вставайте, охотнички! — громко сказал я.

Никакой реакции. Только Стороженко пошевелился.

— А перепел бьет, слышь — очередями! И близко...

Это подействовало. Поднялись, умылись у реки, наскоро пожевали что-то. Разговор мало.

— Открой машину — ружье...

— Еду брать с собой?

— Та не... Обедать вернемся.

— Я только воды возьму...

Собрали ружья, застегнули патронташи, отвязали собак. Курцхаар с тополиной понесся, приюхиваясь к утренней траве. Бим уже шлепал в камышах, фыркал.

— Иди сюда, олух! — Титов — ему.

— Дон, ко мне! — это Стороженко.

Какой там! Все, пошел галопом — знакомая картина. Но хоть недалеко, кругами вокруг нас. Поле — вот оно.

Светало быстро. В вершинах прибрежных тополей, вдруг зашумевших веселой листвой от первого ветерка, начали перекликаться иволги. На поро-

зовевшем речном плесе с частыми мелкими всплесками рыбешки неожиданно встал на хвосте огромный бронзовый сазан, выбросившись из темных глубин, и завалился плашмя набок, взволновав зеркальную поверхность до самого берега. Три сонные серые цапли уже летели куда-то, резко и трескуче вскрикивая, а еще одна, очень заметная на фоне зелено-осоки в своем серо-голубом фраке, застыла под берегом. Из недалекой посадки молодых акаций, за которой желтолицей толпой выглядывало поле подсолнухов, из пущистых мелколистных крон доносились воркование горлиц. С высоты сыпался негромкий говор черных ворон и грачей, многотысячной стаей тянувшихся куда-то в поля. Галки перекликались стеклянными голосами.

Росы было — словно дождь прошел. В люцерне перепархивали крупные кузнецчики, вляя потрескивая разноцветными крылышками, садились на стебельки повыше — просохнуть скорее. Подумалось: «Это хорошо, что кузнециков много, значит, не травили поле ядохимикатами». Вспомнил, как порой ходишь по густой, сочной люцерне высотой по колено — и ни одного мотылька не мелькнет, все убито химией, обычно и птицы на таком поле не встретишь. Эх, ума-то у нас не было, нет и не будет, очевидно, ну так хорошо, хоть и денег на химикаты не стало хватать в последние-то годы. Точно — нет худа без добра...

— Ну, как пойдем? — спросил Стороженко.

Решили разойтись: мы с ним и Доном, Толик с Парамоновым потянут перетяжку, а Титов с Бимом — подадут, чтобы «сэттер-лаверак» никому не мешал. Я пару раз вскинул ружье — не мешает ли повязка на руке. Ничего, можно. Только смешно, наверное: идет по полю человек с ружьем, рука в бинтах, на боку — сумка с пол-литровым бутылком «Бализа», противовоспалительной водичкой. Но не сидеть же дома в такой день! Полгода ждали все-таки... Толик и Парамонов привязали к поясам двадцатиметровый шнур с несколькими прикрепленными к нему жестяными баночками, внутри которых по камешку для большого шумового эффекта.

Стали расходиться, и вдруг рядом в густой люцерне раздался странный приглушенный звук: «ва-ва». И тут же громко, с булькающим свистом ударило заставившее всех на миг замереть задорное «пить-пи-пить». Парамонов побежал туда, натягивая перетяжку, на ходу заряжая ружье, Толик — за ним. Вот они на месте, где-то тут... Настороженно ходят взад-вперед... Нет, не выплете! Бывает... Может, собаку? Но Стороженко махнул рукой — «своего» найдем! Люцерна шуршала сырьо, дробно, разбрзгивая мельчайшие капли росы, от которых мгновен-

но промокли брюки, захлопали потяжелевшими «калошами». Курцаар наш носился неподалеку, очень темный, мокрый, ровным мощным галопом, в котором, по-моему, не было ничего от классического поиска легавых, о котором я так много читал. Не удержался, сказал Стороженко, хозяину:

— Серега, он что, так и будет скакать? Устанет ведь...

Тот — немного натянуто, чувствуя насмешку:

— Ничего, ничего — это у него... нормально.

— Да ищет ли он? — спросил я. — На такой скорости что можно успеть причуять... Чёрта он так найдет!

Но Серега приложил палец к губам, не спуская глаз с собаки:

— Смотри, смотри — найдет, должен!

После десяти минут скакки — уже не так уверенно:

— Должен... Не знаю, делал стойку неделю назад, я же ходил с ним... Дон, ищи!

Дон большими ныряющими прыжками заканчивал очередную петлю: я был уверен, что он просто скакет от избытка сил и восторга. Ну как может собака работать на такой скорости? Я, конечно, плохо разбираюсь в работе легавой, но тут и дураку станет ясно, что так махать путевая рабочая собака не будет, ей ведь дичь искать надо, а не рекорды по бегу ставить, как этот придурок... И тут Дон замер. Его словно убили на бегу, так быстро он остановился. Только что несся прыжками, взбрыкивая длинными ногами и мотая ушами. И вдруг встал, сгорбившись и повернув свою массивную голову в сторону. Меня поразили глаза собаки — немигающий взор их, устремленный в одну неведомую точку, полный страсти и ужаса, непостижимым рикошетом пронизал и меня. Мороз пробежал под рубашкой. Так вот почему не вымерли до сих пор

легавые собаки и их любители, вот почему кормит и лелеит охотник своего четвероного друга, терпит зачастую неудобства и беспокойство (целый год), чтобы всего лишь несколько раз за этот год увидеть, как ничтожная птичка, таящаяся в траве, вдруг поворгает огромную в сравнении с ней собаку в состояние, подобное столбняку или параличу. И если, как я слышал, при звуках страстного гона мертвые гончатники поднимаются из гроба, то, наверное, и мгновения «мертвых» стоек чудятся ценителям легавой на том свете. Так поразили меня, так потрясли немигающие, устремленные в одну только им ведомую точку глаза собаки, ее кофейно-крапчатое окаменевшее тело, что я, забыв не только про ружье, про все на свете, единственно смог произнести вслух, но едва слышно: «Ты смотри...» Между тем Дон недвижимо стоял — шоколадная статуя в зеленой пene травы. Не двигался и я, словно во сне видя, как Стороженко, приподняв ружье, идет к нему и, не доходя шага три, не своим, глухим от волнения голосом командует: «Дон, вьзми!»

Возможно, он сказал не совсем то, что требуется, не эти классические, читанные мною в книгах слова типа «пиль» или еще что-то, но — простите нам! Мы много чего здесь, в просторных безлесных полях наших, делаем не классически, не так: и зайца тропим не по правилам, до упора, и гусей с профилями не стреляем — возиться неохота (если будет гусь, то будет, а нет — так хоть кол на голове тешис...), и весной на селезней никто шалаши не строит — по той же причине.

Но Дон после команды прыгнул вперед, расставив лапы, и прямо перед его мордой распахнулся зеленый люцерновый ковер, послышалось волнующее: «пр-р...» — и рыже-серый кургузый перепел, переваливаясь с крыла на крыло, понесся низко над травой. Дон замер на напряженных ногах и недоуменно провожал птицу взглядом. Десять, пятнадцать метров, уже двадцать — и тут хлопнул выстрел. Перепел мгновенно замер в воздухе и косо свалился во вздрогнувшую стебельками люцерну...

«Есть!» — заорал я — я, убивший за свою жизнь довольно много разной дичи, крупнее этого стограммового перепела, и все реже (с возрастом) допускающий какие-либо внешние проявления восторга после удачного выстрела. А тут прыжками не хуже Дона помчался туда, где повиливавший своим коротким хвостиком курцхаар уже подавал хозяину первую в сезоне добычу. Он принес птицу, но расстаться с ней сразу не мог и некоторое время скимал в пасти, закрыв глаза, как бы наслаждаясь результатом своей честной работы, а Стороженко выговаривал ему с усмешкой:

— Ну, ну, отдавай, Дон... Принес, молоцец... Ну как? — это уже ко мне.

— Классно! Еще одну так сработает — заведу легаша.

— Сработает! Еще не одну сработает — да, Дон? Ты у меня умница...

А Дон глядел на него немного угрюмыми глазами, в которых можно было прочесть все чувства, кроме подхалимажа.

И мы охотились дальше. Поле было огромно, и со всех сторон время от времени слышалось, то ближе, то дальше, отчетливое «пить-пи-пить!» И Дон работал! Работал ровно, напористо, с немецкой пунктуальностью прочесывая перед нами зеленое пространство, распугивая голубых мотыльков и розовокрылых кузнециков. В голубом небе порхали жаворонки, взмывали и падали в траву нарядные трясогузки. На одиноком подсолнухе сидел, вращая головой, сорокопут — он тоже, казалось, наблюдал за нашей охотой.

Перепела было не так много, наверное, как раз столько, чтобы собака могла показать и поиск и подачу. Шумовых птиц почти не было. У меня из-под ног перепела поднимались раза четыре, заставляя вздрогнуть от громкого, неожиданного «пр-р-р!», и всех я классически промазал, не сумев переключиться с волнующего ожидания стойки собаки на вылетевшую без нее птицу. И не жалоб этом. Стрельба перепела, конечно, не сложна, за исключением случаев, когда птица поднимается не близко и при сильном боковом ветре. Тогда летит она по какой-то сложной кривой, делая перевороты с крыла на крыло, что, впрочем, далеко не всегда спасает ее от прикладистого ружья и мелкой дроби. Во всяком случае, стрельба перепела — хорошая школа для начинающих охотников.

К обеду люцерна нам надоела, хотя по ней можно было ходить весь день, и мы вышли к лесополосе, за которой полуденным маревом струилось свекловичное поле. Мясистые глянцевые листья, влажно хрустящие жилистыми стеблями, кусты амброзии и щирицы, желтый туман колосков мышьяка, дальше — балочка с камышом и зарослями бурьяна — место многообещающее. Но вначале посидели в тени акаций, отыхаясь. Ямка в земле, выложенная большим свекловичным листом, послужила Дону плошкой для воды. Курцхаар пил долго, шумно, расплескивая воду. Напившись, отошел в сторону и улегся было, но вдруг забеспокоился, поднимая нос вверху, принюхиваясь. Встал и угрюмо, мельком глянув на нас, направился к кусту щирицы метрах в пятнадцати. И замер, не дойдя, уставившись прямо на него, как будто до этого видеть это растение ему не приходило.

— О! — обернулся я к Стороженко.

— Перепел, — ну уж очень уверенно сказал он. — Хочешь — стреляй.

Я взял ружье, открыл, вставил два патрона. В одном — на два грамма «Сокола» двадцать граммов «девятки», разделенных сухим войлоком пыжом — для нижнего получока, — дает широкую резкую осьпь первому выстрелу. В другом — на тот же заряд положено двадцать восемь граммов «восьмерки» — этим можно достать перепела на пределе, случалось бить им и уток осенью, и вяхирей не близких.

Подошел к Дону. Не «облажаться» бы... Одному еще можно, а с собакой — стыдно. «Дон, вьзми!» Собака скакнула и замерла, коротко поведя головой влево-вправо. Я не успел подумать — «что бы это значило» — как раздалось двойное «пр-р-р-чак-чак-чак», и две перепелки, мелькнув рыже-серыми пропеллерами крыльев, понеслись низко в разные стороны. Первую я выцелил второпях плохо, не «дотянув», но широкий спон первого выстрела сделал свое дело, и птица упала, подпрыгнув от удара о землю, а вторую — чисто угонную, я стрелял уже спокойно, в последнее мгновение перед выстрелом закрыв мушкой. Подвернув крыло, она тоже исчезла в невысоком бурьяне. Дон скоро нашел обеих. Я хотел поцеловать его в лобастую бархатную голову, но он только мрачно и недоуменно глянул на меня кровянившими глазами и пошел искать дальше.

Через час закончили охоту — жара становилась изнуряющей. Вдоль теневой стороны посадки вернулись к машинам — там уже собралась вся компания. Толик рассказывал, как сделал красивый дуплет, но не нашел обоих: стреляя вторую птицу, потерял из вида место падения первой, а потом, вернувшись взглядом, уже не смог точно сказать, где упала вторая. Ситуация, к сожалению, не столь редкая на этой охоте.

— А я в таком случае стреляю только одну, — сказал Титов. — Зато найду ее почти всегда.

— Ну понятно, надо так... Но не удержишься ведь!

А я ничего не сказал, подмигнув Дону.

Сезон был открыт, впереди — несколько месяцев охотничих переживаний. И хорошо, что на этот раз он начался для меня с открытия. Я узнал и понял, что такое охота с хорошей подружкой собакой. Пусть узнал довольно поздно, но главное то, что я обрадовался этому открытию ничуть не меньше, чем обрадовался бы ему лет двадцать назад, в начале своей охотничьей жизни. А это значит, по-моему, что я в этой жизни, в охотничьей, не старею. Могу всем пожелать того же. Помогли же мне познать эту приятную истину небольшие христо-серенькие птички, живущие в солнечных полях, — перепелки.

Рисунки Б. Игнатьева

РУССКИЙ БОР

В необычайно богатой по мотивам и краскам нашей поэзии от Ломоносова до наших дней — тема русского бора, русского леса как бы теряется, заглушается среди тысяч прекрасных строф о родине, о ее судьбах, о подвиге, о юности, о любви, о людской несправедливости и зле, о природе, о счастье, о солнце... Не так уж часто эта тема останавливает читательское внимание специально, взяла лес как объект стихотворения. Но кто не помнит некрасовские строки из замечательной поэмы «Саша»: «Плакала Саша, как лес вырубали, ей и теперь его жалко до слез. Сколько тут было кудрявых берез!» Кроме яркой картины поверженного, порубленного леса Некрасов, страстный охотник и странник по русским лесам, рассказал в поэме «Саша» немало задушевных о них слов и признаний. «Сладок мне леса знакомого шум», — вырвалось из сердца поэта.

Люди старшего поколения могут и сегодня спеть знаменитую старинную песню о могучем раскидистом дубе — «Среди долины ровныя, на гладкой высоте» или песню о рябине — «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...». Однако авторы этих песен прежде всего писали в них совсем не о деревьях, не о лесе. Автор первой из названных песен Алексей Федорович Мерзляков, московский профессор-филолог, занимавшийся среди других учеников и с Лермонтовым, выходец из народных низов, из Пермского края, набросав мелком на обтянутом зеленым сукном столе в подмосковной усадьбе добрых знакомых ставшими знаменитыми строки о равнинном дереве-богатыре, рассказал, по сути, про свою любовную тоску, про душевное одиночество и сиротство. Песня о рябине (слова талантливейшего поэта-самоучки Ивана Захаровича Сурикова, созданные в 60-х годах прошлого века) — тоже говорит о любви, о жажде единения. Эту песню про рябину можно было услышать во фронтовой землянке в пору Великой Отечественной войны, на девичьих посиделках в любом заснеженном глухом селении. Заметьте, что в обеих песнях [будем смотреть на них просто как на стихи, каковыми они первоначально и были] дерево — дуб или рябина — воспето не само по себе, а привлечено как символ душевного переживания, эмоции. Как символ, отталкивающийся от всем знакомого и любимого предмета — и скорее не предмета, а живого существа. Недаром в широком многозначном символе темного леса воплотил свое горе Алексей Кольцов, когда дошла до него весть о гибели Пушкина. А как свежо и нетрадиционно описал утренний весенний лес наш лирик Фет, поднимая ото сна свою возлюбленную в стихотворении «Я пришел к тебе с приветом!». Лес у Фета «весь проснулся, веткой каждой, каждой птицей встрепенулся и весенней полон жаждой». Но и это стихи поэта о любви, не о лесе. А где же поэтические произведения, посвященные непосредственно русскому лесу! Как ни странно, их очень немного. В этом легко убедиться, пересмотрев весь корпус нашей поэзии. Помню, на меня в детстве производили сильное впечатление стихи Никитина о леснике и его внучке, их беседе про лес, про малиновку и дятла, про птичье пение в лесах. Пусть она кому-то может показаться ныне даже чуть сентиментальной!

Пожалуй, в разговоре о лесе поэзия уступает пальму первенства русской прозе. Стоит только вспомнить более чем столетие отстоящие от нас имена Аксакова и Тургенева. Правда, их чудесная проза недалека от поэзии. Прислушайтесь к этим прекрасным неторопливым ритмам русской речи. «Я никогда не мог равнодушно видеть не только вырубленной рощи, но даже падение одного большого подрубленного дерева, — писал Аксаков, — в этом падении есть что-то невыразимо грустное: сначала звонкие удары топора производят только легкое сотрясение в древесном стволе; оно становится сильнее с каждым ударом и переходит в общее содрогание каждой ветки и каждого листа; по мере того как топор прохватывает до сердцевины, звуки становятся глушее, больнее... еще удар, последний: дерево оседает, над-

ломится, затрещит, зашумит вершиною, на несколько мгновений как будто задумается, куда упасть, и наконец начнет склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо и потом, с возрастающей быстротою и шумом, подобным шуму сильного ветра, рухнет на землю!» Через много лет после Аксакова русский поэт-северянин Николай Клюев с удивительным проникновением и чувством оплакивал рухнувшую великаншу, палую пихту, ставшую «по мощной жизни, по борьбе» лишь лесными мощами, тлевшими в глухомани. Так повседневные, сугубо земные людские помыслы о своем достоянии — лесе находили своеобразную эмоциональную параллель в художественной литературе, по существу поднимавшей голос в защиту леса, выражавшей не только заботу о нем, но и любовь к нему. Ведь лес ваял, вырабатывал самый облик восточного славянина, был одним из главных факторов его существования. Темные леса, порой гнетущие действовавшие на психику человека, и пугали его, осложняли его жизнь, но и верно служили ему. По слову великого историка В. О. Ключевского, лес обстраивал русского человека «косной и дубом, отапливал березой и осиной, освещал его избу березовой лучиной, обувал его лыковыми лаптями, обзаводил домашней посудой и мочалом. Долго и на севере, как прежде на юге, он питал народное хозяйство пушным зверем и лесной пчелой. Лес служил самым надежным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и земки». Леонид Леонов, пламенный наш ходатай по лесным делам, выразил это так: «русский народ жил «на полном лесном пансионе». И не послужила ли писателю приведенная мысль Ключевского зерном для многих страниц известной лекции Ивана Вихрова в седьмой главе романа «Русский лес»? В частности, там, где Вихров (считай, Леонов) говорит, что «лес встречал русского человека при появлении на свет и безотлучно провожал его через все возрастные этапы — от зыбки младенца до креста «на устланной ельником могиле».

В старину лесов на Руси было столько, что знатному иностранцу, посетившему нашу страну в XVII веке и проехавшему в Москву с Запада через Смоленск, Московия казалась сплошными дебрями, меж которых города и села выглядели только большими или малыми прогалинами. Несмотря на кобольстительный гипноз былой лесистости России» (такова формула Леонова), наиболее дальновидные лесоводы давно были тревогу по поводу стремительного исчезновения русских лесов и варварского обращения с ними. В семидесятых годах XVIII столетия, при Екатерине, натуралист и член Петербургской академии наук Иван Лепехин писал: «Надобно оглянуться на леса, которые у нас поистине не бесконечны. Ныне уже вздыхают по ним наши соседи шведы и начинают почитать их выше железа». Леонов в лекции Вихрова обратил с опаской, что настанет время, когда древесину по ценности приравняют к цветным металлам. «Гаснут родники, торфянеют озёра, заводы затягиваются стрелолистом и кугою», — печально замечал писатель почти сорок лет назад. Улучшилось ли положение в наши дни? Вошло ли в закон выравнивать срубленные лесные площади соответственной площастью новых насаждений? Тщательно ли берегутся водоохранные леса близ рек и водоемов, чего требовал еще Петр Первый?

Тот же Леонид Леонов писал: «...нет у нас такой песни о лесе, как, скажем, про степь или Волгу, которые нет, не дарили нас соболями на вывоз, не кормили медовым прянником, не служили нам бескрайними фуршками от колыбели до нынешних пятилеток...» Сдается, что у русской поэзии есть долг перед зеленым другом. Долг этот неоспорим, а дорога в леса открыта. В них еще много тайн. Поэтам надо дерзать, смотреть, вдумываться, мобилизовать весь арсенал образности и воображения.

Николай БАННИКОВ

ОСЕНЬ

Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.

С холоду щеки горят;
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлек:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей.

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой
И, как безумный, пою!

Знаю, недаром средь мхов
Раний подснежник я рвал;
Вплоть до осенних цветов
Каждый цветок я встречал.

Что им сказала душа,
Что ей сказали они —
Вспомнию я, счастьем дыша,
В зимние ночи и дни!

Листья шумят под ногой...
Смерть стелет жатву свою!
Только я весел душой —
И, как безумный, пою!

1856

Сергей КЛЫЧКОВ

* * *

В лесу на проталой полянке,
В дремучем весеннем бору
Устроили зайцы гулянки,
Затеяли зайцы игру...

Звенели весенние воды,
И прыгал с пригорка родник,
И зайцы вели хороводы,
Забывши про мой дробовик.

И зайцы по-заячьи пели,
Водили за лапки заячих...
И радостно сосны шумели,
И звезды качались на них...

Всю ночь я бродил все и слушал,
Ах, друг мой, открою тебе:
За бедную заячью душу
Я так благодарен судьбе!..

ПСКОВСКИЙ БОР

Вдали темно и чащи строги.
Под красной мачтой, под сосной
Стою и медлю — на пороге
В мир позабытый, но родной.

Достойны ль мы своих наследий?
Мне будет слишком жутко там,
Где тропы рысей и медведей
Уводят к сказочным тропам,

Где зернь краснеет на калине,
Где гниль покрыта ржавым мхом
И ягоды туманно-сини
На можжевельнике сухом.

1912

ДЕТСТВО

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам!

Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок — как шелк... Прильну к сосне
корявой
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол — гигант, тяжелый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но как тепла, как солнцем вся
прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного света.

1903—1906

ЛИСТОПАД

(отрывки)

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют
То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступает в пестрый терем свой.

Сегодня на пустой поляне,
Среди широкого двора,
Воздушной паутиной ткани
Блестят, как сеть из серебра.
Сегодня целый день играет
В дворе последний мотылек
И, точно белый лепесток,
На паутине замирает,
Пригретый солнечным теплом;
Сегодня так светло кругом,
Такое мертвое молчанье
В лесу и в синей вышине,
Что можно в этой тишине
Расслышать листика шуршанье.

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Стоит над солнечной поляной,
Завороженный тишиной;
Заквохчет дрозд, перелетая
Среди подсeda, где густая
Листва янтарный отблеск льет;
Играя, в небе промелькнет
Скворцов рассыпанная стая —
И снова все кругом замрет...

Трубят рога в полях далеких,
Звенят их медный перелив,
Как грустный вопль, среди широких
Ненастных и туманных нив.
Сквозь шум деревьев, за долиной,
Теряясь в глубине лесов,
Угрюмо воет рог туриный,
Скликая на добычу псов,
И звучный гам их голосов
Разносит бури шум пустынный.
Лет дождь, холодный, точно лед,
Кружатся листья по полянам,
И гуси длинным караваном
Над лесом держат перелет...

Семен ВОСКРЕСЕНСКИЙ

ДЕРЕВЬЯ

В земном пути, меняющем кочевья,
Жилища, встречи, лица и края,
Беседу с вами я веду, деревья,
Ни в чем не изменившие друзья.

И как мне было с вами не сродниться,
Приветившими родину мою,
Когда живые образы и лица
Я в ваших очертаньях узнаю!
Вот старый дуб — листва из звонкой
меди,
Могучий стан в извилинах коры,
Он весь гудит, рокочет о победе,
Как некогда на струнах гусляры.

Вот сосны. Прямоствельны и упруги,
Колючие — ветрам не разорвать,
Стоят в своей чешуйчатой кольчуге,
Спокойные, как Игорева рать.

И елки, неподвижны и суровы,
Роняя низко рукава ветвей,
Ждут, пригорюнясь, матери и вдовы,
Молчальницы в платочках до бровей.

А рядом боязливая осина
И вовсе простодушная ольха
Глядят поверх кустов, как из-за тына,
На тропку, что тениста и глуха.

Но всех милей мне девушка-береза,
Пришедшая из сказок и былин,
Снегурочка, любимица мороза,
Аленушка пригорков и равнин.

Ей любы наши зори, сенокосы,
Ромашки в росах, звонкие стрижки,
Зеленые она качает косы
Над волнами бегущей с ветром ржи.

И с нею сам я становлюсь моложе,
Позабывая беды и года.
Она ведь чем-то на тебя похожа...
Ну что ж! Мы были молоды тогда.

Николай КЛЮЕВ

* * *

Не в смерть, а в жизнь введи меня,
Тропа дремучая лесная!
Привет вам, братья-зеленя,
Потемки дупел, синь живая!

Я не с железом к вам иду,
Дружась лишь с посохом да рясой,
Но чтоб пристать в слезах, в бреду
К ногам березы седовласой.

Чтоб помолиться лику ив,
Послушать пташечек-клирошанок
И, брашен солнечных вкусив,
Набрать младенческих волянок.

На мху, как в зыбке, задремать
Под «баю-бай» осиплой ели...
О, пуща-мать, тучки прядь,
Туман, пущистее кудели,

Как сладко брагаю лучей
На вашей вечере упиться,
Прозрев, что веткою в ручей
Душа родимая глядится!

1915

Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

О Север мой, где ждут меня озера,
Холодные, прозрачные до дна!
Я вслушиваюсь в смутный шорох бора,
Я понял, что такое тишина.

Мох на ветвях, узлистые коренья,
Грибная сырость, синий дым костра —
Быть может, это радость пробужденья
От дум, меня томивших до утра?

Нет, ни единственным звуком не нарушу
Я леса вековую тишину.
Она свою доверила мне душу,
Чтоб мог я слушать лишь ее одну.

И мне не след делиться с ней
Смятеньем
Своей души, тревожной с давних пор.
О, если бы стать мне только отраженьем
Ночной луны в спокойствии озер!

ЛЕСОСЕКА

Птицы еще на гнездах,
Будто в тепле папах,
Но уже хвойный воздух
Выхлопами пропах.

Вклинились лесосеки
В мир, где перо и пух,
А ведь казалось —
Вовеки
Здравствовать без заварух.

Визг бензопил страшен.
Если бы только он!
Сосны, как врукопашной,
Гибнут со всех сторон.

Чибис машин не боится:
Гром —
Стало быть, гроза!
Но — человечьи лица!
Но — человечьи глаза!

В ночь подышав свободней,
Рябчики, глухари
Ждут, будто кары господней,
Индустриальной зари.

Некуда скрыться,
Нечем
Гнезда от бед прикрыть.
Втягивай головы в плечи,
Если охота жить.

Взвиться бы к небу
В паре,
Там никаких границ!
Но не парить,
А парить
Май принуждает птиц.

Сжались до неприличья —
Робкие,
Курьи стать,
Даже обличье
Не птичье,—
Где уж таким летать!

Голодно и морозно.
Все ж,
Презирая смерть,
Птицы сидят на гнездах —
Надо ж кому-то сидеть.

Страх изнуряет, треплет,—
Терпят, всему назло,
Лишь бы птенцы окрепли,
Встали бы на крыло.

Александр ЯШИН

БЕЛИЧЬИ СВАДЬБЫ

Начинаются беличьи свадьбы.
Бор в слепящем морозном огне.
Не положено,
А летать бы
По сосновым верхам и мне.

От земной суеты отрешиться,
От чужих отмахнуться забот,
Ни за что не болеть,
Ничего не страшиться,
Жить, как ветер в вершинах живет.

Небо зыбко,
И сучья хрупки,
Но ведь тем и свята простота,
Что в глазах только беличьи шубки
Да манящие вспышки хвоста.

Я скользжу за колхозные гумна,
Оседаю под лыжами снег.
Птицы с веток срываются шумно
И ныряют в сугроб на ночлег.

Как все просто в березнике частом...
Снова ростепель входит в права...
Не погибли бы только под настом
Простодушные тетерева.

Рисунки В. Симонова

ПЕВЕЦ ПРИРОДЫ

К 100-летию
со дня рождения
А. В. ПЕРЕГУДОВА

Никогда не забудется теплый солнечный день 28 августа 1983 года, когда я впервые встретился с истинным другом природы и охоты, старейшим советским писателем Александром Владимировичем Перегудовым.

Помню маленький домик в Ликинен-Дулеве, тенистый сад. Природа с детства пленила чуткую душу Перегудова иоказала на него большое воздействие. «Вот о природе и о матери самые мои дорогие воспоминания детства и юности», — говорил Александр Владимирович. С раннего детства его мать, Ольга Яковлевна, развивала любовь сына к природе. О каждом цветке она рассказывала как о живом существе. Такое же влияние на юношу оказала и охота.

А. В. Перегудов с искренней любовью, с особой душевной теплотой рассказывал о своих друзьях, о незабываемых днях, проведенных вместе с писателями Л. Н. Сейфуллиной, В. П. Правдухиным, П. Г. Низовым. «Самым неистовым охотником среди нас был Новиков-Прибой, самым азартным — Смирнов, самыми серьезными — Правдухин и Низовой», — вспоминал писатель.

В книге Правдухина «Годы, тропы и ружье» Александр Владимирович сделал надпись: «В. П. Правдухин был с большой буквы человеком, писателем, литератором, критиком, охотником. Судьба подарила мне его дружбу».

Везде, где бы ни были писатели-охотники, царили смех и шутки. Нередко на привале Новиков-Прибой сочинял стихи. Александр Владимирович рассказывал: «Мы были шутники, а Низовой был человеком степенным, очень добрым и спокойным, часто, садясь за стол, мы с Новиковым-Прибоем читали ему эпиграммы:

Ах ты, милый, ненаглядный,
Ах ты, ласковый такой,

Ты писатель океанский,
Ты писатель Низовой.
Низовой не обижался и обычно говорил: «Развивайтесь, молодые люди!» Для меня было большим счастьем слушать эти воспоминания старого охотника-писателя.

Александр Владимирович дважды видел Горького, получал его заботливые письма, встречался с Пришвиным, Сергеевым-Ценским, Леоновым и многими другими известными советскими литераторами.

Я смотрел на веселое, доброе лицо писателя и думал: «Как были счастливы его друзья-охотники, познавшие радость общения с ним». У Александра Владимировича было доброе сердце, всегда открытое людям (оно ведь охотничье), а душа нежная, красавая, такая же светлая и прекрасная, как его книги о нашей родной природе, о нашей Родине.

Помню, мы сидели в большой светлой комнате за большим старинным столом. Здесь были написаны романы «Фарфоровый город», «Солнечный клад», «Суровая песня», «В те далекие годы», рассказы «Человечья весна», «Баян», «Темная грифа», «Половодье», сборники «Лесное сердце», «Лесные рассказы», «Сердце художника», «Повесть о писателе и друге» и многие другие произведения. Здесь же Алексеем Силичем Новиковым-Прибоем была написана значительная часть романа «Цусима». На стене под стеклом — пожелтевшая от времени публикация первого рассказа Перегудова «Две песни», изданного в 1911 году.

Александр Владимирович вспоминал: «У меня есть любимый рассказ «Казенник». Когда мы — я, Новиков-Прибой и Низовой — были у Сергеева-Ценского, к нему зашел Пришин. Разговор шел о литературе. Неожиданно Пришин спросил: «Не помните ли вы, кто написал рассказ «Заказник?» Я был, честно говоря, удивлен и польщен, прошло пятнадцать лет со дня публикации, а замечательный писатель

и охотник помнил этот рассказ. Я ответил, что рассказ написал я, но он называется не «Заказник», а «Казенник».

В небольшом книжном шкафу хранился дорогие сердцу писателя книги с дарственной надписью друзей. Дрожащая от волнения рукой открывает хозяин книги Новикова-Прибоя «Капитан первого ранга». На первой странице неровным почерком в больнице 13 апреля 1944 года Алексей Силич оставил последний автограф на память верному другу о крепкой и долгой мужской дружбе.

Особенно тепло рассказывал Александр Владимирович о совместных охотах с Новиковым-Прибоем: «Больше всего и лучше всего я охотился с Алексеем Силичем. Познакомился с ним в 1927 году, а на следующий год он уже пригласил меня на охоту в родные места, в Мордовию. На берегу озера Имарки построили охотничью избушку. Это было самое лучшее время. Ярко запомнился мне наш первый выход с гончими: чудесное осеннее утро, бирюзовое небо и чернолесье, украшенное разноцветной мозаикой листьев. Я стоял на краю просеки под молодой багряно-красной осинкой в нежно-желтом березняке, слушал голоса Баяна и Флейты. Неожиданно красивой казалась земля, волнующими были винные запахи увядавшей листвы, и даже шелест берез и далекие звуки охотничьего рога звучали не слышанной ранее музыкой».

Вспоминая далекое прошлое, Александр Владимирович говорил: «Я четко вижу все, что пережито мною в прошлом. Как много там света, голубого неба, изумрудной зелени лесов, полей и лугов! Как много там свежих запахов деревьев, цветов и трав! Как хороша и любима та далекая земля! Поездки на озеро Имарку, веселье и блеск любимой охоты, обаяние Силича — все это было счастливым сном». Сколько алых закатов погасло на Имарке! Сколько волнующих встреч!

А. В. Перегудова всецело захватывала и волновала природа, тихое журчанье ручья, бормотанье косачей на утренней заре, ласковый шелест осипающихся осенних листьев. Старейший советский писатель Николай Павлович Смирнов, участник охот на озере Имарка, писал: «Перегудов, стоявший обычно неподалеку от меня, совершенно не горчился промахами. Он гораздо больше стрельбы любил закат за полями, его отражение в реке, первую звезду».

Александр Владимирович Перегудов продолжал лучшие традиции русских охотничих писателей: С. Т. Аксакова, Е. Э. Дриянского, И. С. Тургенева. Безграничную, поистине сыновнюю любовь к природе писатель сумел выразить в своих охотничих рассказах. Природа для него всю жизнь была как светлый лик Родины.

Б. МАРКОВ

Д. К. СОЛОВЬЕВ – ОХОТНИК НА СЛОНОВ И БУЙВОЛОВ

В старой русской охотничьей литературе очень незначительное место занимают рассказы и очерки об охотах россиян в экзотических странах. Что вполне естественно, так как Россия, в отличие от западноевропейских стран, не имела заморских колоний, а следовательно, не имела и штата колониальных чиновников и солдат, из чьей среды и выходили отчаянные и бесшабашные охотники. Однако и состоятельные русские охотники не очень-то жаловали экзотические охоты. Можно буквально по пальцам пересчитать их поездки куда-нибудь в Африку или Индию. Что тоже понятно и объяснимо, так как подобные охоты, так называемые сафари, являлись результатом уже определенной обкатанной традиции, которая, естественно, не могла родиться на голом месте. Для этого необходимо было первоначальное освоение колонии в охотничьем отношении пионерами-соотечественниками.

Но все же русские охотники, хотя и в незначительном количестве, но бывали на охотах и в Африке, и в Индокитае, и в Америке. Часть из них донесла до нас свои впечатления о заморских охотах. В этом ряду стоит и очерк Д. К. Соловьева «В джунглях Цейлона». Необходимо, однако, заметить, что менталитет русского охотника значительно отличался от западноевропейского. И основное его отличие состояло в том, что русская любительская охота не носила ярко выраженного спортивного характера, то есть добывание и коллекционирование трофеев для русского охотника не являлось доминирующим и главным смыслом охоты. Для него первостепенную роль играла эмоциональная насыщенность, ощущение полной гармонии и слияния с родной природой, чувство одухотворенности мира и своего естественного вхождения в Божье бытие. Именно поэтому русские усадьбы и дворцы, за редким исключением, не превращались в кладезь охотничьих подвигов их владельцев, что так характерно для Западной Европы. А если охотничьи трофеи и присутствовали в русской усадьбе, то только для того, чтобы напомнить их владельцу о каких-то незабываемых, особо счастливых по впечатлению охотах ее владельца. И совершенно безыскусный очерк «В джунглях Цейлона» лишний раз подтверждает эту мысль.

Отмечу еще одну особенность. И не столько данного очерка, а вообще старой охотничьей литературы: ее естественность и даже, если можно так выразиться, натурализм в описании охоты. К сожалению, современная охотничья литература совершенно утратила эти качества. Под влиянием ли внешних обстоятельств, или же должно понятой авторами гуманности, но естественность ощущений ушла из большинства современных охотничьих рассказов и очерков. И не из-за этой ли потери ощущения своей естественной включенности в бытие современная литература так бледна и тускла! Честно говоря, мне, как заядлому охотнику, мало интересного читать литературу, в которой автор постоянно просит извинения за то, что он охотник и, о, ужас! убивает...

Очерк «В джунглях Цейлона» интересен нам еще и тем, что автором его был выдающийся русский охотовед Дмитрий Константинович Соловьев (1886–1931). Он прожил яркую и интересную жизнь и, несмотря на раннюю смерть, успел сделать все вовремя. Судьба была благосклонна к Дмитрию Константиновичу. Он родился в состоятельной семье, владевшей двумя доходными домами в Петербурге, по Английскому проспекту. К тому же его отец, сам не будучи охотником, отнюдь не препятствовал сыну в занятиях охотой и не ограничивал его свободу. Увлекшись охотой с 14 лет, Дмитрий Константинович уже в школьные годы исколесил в охотничьих поездках Петербургскую, Псковскую и Новгородскую губернии. А Финляндию неоднократно прошел на

байдарках и парусных яхтах. Любовь к охоте и путешествиям определила дальнейшую судьбу Дмитрия Константиновича. По окончании в 1905 г. Реального училища К. Мая (позднее знаменитая гимназия Мая) он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета в биологическую группу. Вначале вольнослушателем, а затем, после сдачи экзамена по латинскому (в реальных училищах не проходили классических языков), знание которых требовалось для поступления в университет), был зачислен в действительные студенты. Уже в 1908 г. в качестве препаратора он принял участие в своей первой серьезной экспедиции, проходившей под руководством профессора В. В. Сапожникова по северозападной Монголии. Вернувшись домой, осенью 1908 г. он перешел в географическую группу, решив посвятить себя географии и этнографии. В 1909 г. в качестве помощника почвоведа он принял участие в экспедиции Переселенческого Управления в Восточное Заангарье. В 1910 г. на свои средства совершил первую самостоятельную экспедицию в Уссурийский край под эгидой Этнографического отдела Русского музея им. Александра III, что давало ряд льгот (в проезде, отправке багажа и т. п.) и определенный статус. Цель этой экспедиции была уже чисто этнографическая. Здесь, кстати, Дмитрий Константинович познакомился с В. К. Арсеньевым, с которым впоследствии его связывала искренняя дружба. По сообщению родственников Соловьева, Арсеньев в свои приезды в Ленинград останавливался у Дмитрия Константиновича. Соловьев же привлек Владимира Клавдиевича к участию в изданиях Всероссийского Союза охотников. Закончив осенью 1910 г. работу на Амуре, Соловьев вернулся домой кружным путем вокруг Азии. Этому своему путешествию он посвятил большой очерк «Вокруг Азии», который так и не был опубликован, и рукопись его после смерти Соловьева, видимо, пропала, как и весь архив. Отрывок из этого очерка «В джунглях Цейлона» был опубликован в петербургском журнале «Наша охота». В 1911 г. Дмитрий Константинович совершил экспедицию на Кольский полуостров, где изучал быт самцов. В 1912 г. он закончил университет, защитив дипломную работу «Гольды», став профессиональным этнографом. В 1913 г. совершил еще одну этнографическую экспедицию на Амур, где изучал малоизвестное племя манегров. Собранные во время экспедиций этнографические материалы поступали в собрание Этнографического отдела Русского музея. Работы Соловьева по изучению быта охотничьих племен не остались незамеченными и в 1914 г. по предложению А. А. Сильтантьева он был приглашен Департаментом Землемерия возглавить Саянскую соболиную экспедицию и был назначен Старшим специалистом по промысловой охоте Делопроизводства указанного Департамента. Это приглашение круто изменило всю жизнь Дмитрия Константиновича, направив его энергию и знания в новую область прикладной зоологии — научное охотоведение, тогда еще только делавшее первые шаги. Всего четыре года довелось работать Соловьеву под руководством основоположника отечественной школы охотоведения, но тем не менее он стал одним из самых последовательных его учеников и по праву занял после смерти Сильтантьева его место, успешно завершив многое из начинаний учителя, в том числе и написав первый отечественный учебник по охотоведению «Основы охотоведения» (М.—Л., 1922–1929), принесший ему заслуженную славу. Но это все было потом, а тогда, в 1910 г., он, 24-летний молодой человек, стоя у поверженного слона, наверное, думал, что вытянул счастливый билет в своей жизни, и в общем-то был прав.

О. ЕГОРОВ

В ДЖУНГЛЯХ

Д. СОЛОВЬЕВ

ЦЕЙЛОНА

Рисунок

В. ТРОФИМОВА

Посвящается дорогому М. А. БУТЛЕРОВУ

Мне надоел столицкий шум,
От суеты устал давно я,
И жадно требует покоя
Душа, томясь от тяжких дум.

В начале сентября 1910 года я закончил четырехмесячную, чрезвычайно удачную, экспедицию на Дальний Восток, сделанную мной по поручению Этнографического Отдела Музея Императора Александра III, и, устав от дель во Владивостоке, на прекрасном японском пароходе «Хоза-Муру» выехал в Цуругу. Не стану подробно описывать интересную поездку по Японии, но все же упомяну о том тяжелом впечатлении, которое производит военный музей в Токио: с болезненным чувством ходишь и смотришь все эти трофеи войны — полуразбитые орудия с русских броненосцев и из Порт-Артура, пулеметы, походные кухни, буйки, андреевские флаги, и в глаза часто бросаются знакомые названия погибших русских судов... В числе трофеев, между прочим, находится также прекрасная пружинная кровать Куропаткина², взятая, кажется, под Ляояном. В музее публики всегда порядочно, много военных (солдат и матросов), но надо отдать им справедливость — никогда, ни здесь, ни в остальной Японии, я не встречал недоброжелательства или неделикатности, хотя почти всюду знали, что я русский.

28 сентября³ я сел в Нагасаках на пароход Добровольного флота «Нижний-Новгород», а утром 24 октября

Очерк публикуется с незначительными сокращениями по изданию «Наша Охота», 1911, № 5—6.

¹ Ныне остров и республика Шри-Ланка.

² Русский военный министр и командующий русской армией в Русско-Японскую войну.

³ Все даты по старому стилю.

мы бросили якорь в Коломбо и я переехал в отель «Бристоль».

Не стану подробно описывать охоту на Цейлоне вообще, сообщу лишь про четыре (5—8 ноября) наиболее удачных дня.

5 ноября в седьмом часу утра, после утреннего *breakfast*⁴, я вышел на охоту из лагеря, расположенного в «Больших Джунглях» на юго-востоке Цейлона. Было пасмурно. По обыкновению меня сопровождали: шикари (нечто вроде егеря) Велю — молодой, симпатичный тамил⁵, и два кули⁶, несущие завтрак, питье и мои два ружья — бескурковый штуцер Зауера кал. 577 и винтовку Генеля кал. 8 мм, служащую мне уже четвертую экспедицию.

Вскоре мы наткнулись на стадо дивиров (пятнистый олень), но стрелять я не стал, из боязни напугать крупного зверя. И действительно, пройдя около полумили, мы увидели свежий след буйвола и стали осторожно следить его. Но ничего не вышло: буйвол не подпустил нас в чаще шагов на 50; я увидел только, как он мелькнул в кустарниках, громко зафыркав, и вскоре его галоп замер в отдалении.

Пошли дальше, спугнув павлина, и я начал уже подумывать о привале, когда вдруг Велю, шедший впереди, внезапно остановился и указал мне на совершенно свежий след крупного слона.

Посоветовавшись, мы решили сначала отдохнуть и закусить, т. к. не знали, как далеко увлечет нас преследование. Выслеживание буйвола уже отняло у нас более 2 часов, так что, когда

мы двинулись дальше, было уже около половины одиннадцатого. Я тщательно осмотрел ружье: штуцер у меня был заряжен патронами с порохом Лишева и пулями со стальными наконечниками, а винтовка — пулями в полной никелевой оболочке.

Не знаю, прошли ли мы милю ($1\frac{3}{4}$ версты), когда справа, невдалеке от нас, послышался характерный треск веток, ломающихся под непомерной тяжестью слона. Ветер был нам благоприятен, и, пройдя шагов 20, я в первый раз в жизни увидел слона на свободе, он стоял от нас шагах в шестидесяти, боком, почти скрытый кустарником, и только по маханию хобота можно было определить положение головы.

Я стоял на небольшой прогалине, за которой начинался кустарник, где стоял слон; позади, шагах в шести, находилось небольшое дерево, за которым пристосился Велю с моим запасным ружьем, причем Велю было наказано не стрелять ни в коем случае. Кули остались сзади, у группы более крупных деревьев.

Твердо помни наставления охотников на слонов, что надо стрелять совсем близко и никак не дальше шагов двадцати, я хотел подойти к слону на это расстояние, но Велю энергично воспротивился (как потом оказалось, он просто струсил), и я поверил, что подход опасен — можно спугнуть слона, а это страшило меня более всего, т. к. я охотился уже восемь дней, ни разу не встречая слона, и я решил стрелять понадеявшись на свое счастье.

Тщательно выцелив место, где, по предположению, должно было находиться ушное отверстие (несмотря на громадную голову, мозг у слона чрезвычайно невелик, немного больше кокосового ореха, и потому выстрел в него совсем не легок), я выстрелил из правого ствола со шнеллером.

⁴ Завтрак (англ.)

⁵ Одна из рас Южной Индии, составляющая на Шри-Ланке около 20 % населения.

⁶ Носильщики.

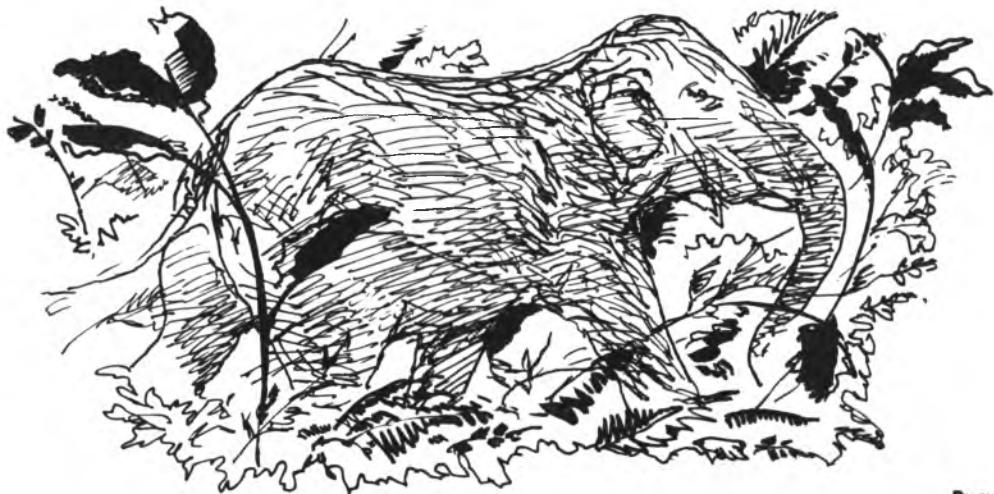

Рисунок В. Есаурова

Моментально, вслед за выстрелом, раздался сильный треск и такой шум, как будто паровоз выпустил пары, и, ломая кустарники, громадная серая масса понеслась ко мне пыхтя и сопя. Что за мгновения! Я не могу, не в силах передать того сильного и чудного ощущения, которое я пережил, когда слон бросился на меня: оно понятно только охотникам за крупным, опасным зверем и составляет главную прелесть таких охот.

Решив выждать слона как можно ближе и отскочив, стрелять ему в ухо или, в крайнем случае, спереди, между глаз (хотя это и не такой хороший выстрел), я остался на месте, сжимая штуцер в руках... Вдруг за спиной у меня раздался совершенно неожиданный выстрел! Притом напряженном состоянии, в котором я, естественно, находился, выстрел этот как бы ударил меня по нервам: я вздрогнул, быстро вскинул ружье и выстрелил слону в лоб. С поднятым хоботом слон находился в это время в пяти (мереных) шагах от меня. Пуля крупного сравнительно калибра, попавшая в лоб, хотя и не убила, но, по-видимому, все же ошеломила слона настолько, что он потерял направление: взмахнув хоботом, он круто свернул вправо, подставив мне ухо (увы, поздно, пули уже не было в ружье), и с тем же храпением, переваливаясь, промчался мимо меня. Оглянувшись, я увидел, что мои кули уже сидят на деревьях, а Велю стоит до того растерянный, что не может переменить патрон в магазине. Он стал уверять меня, что стрелял в воздух, видя опасность, но возможно, что он стрелял по слону, но промазал.

Так или иначе, но он на секунду лишил меня своим выстрелом самообладания, рука дрогнула и я обсыпал (глаза у слона помещены очень низко).

Кули с деревьев видели, что у слона из головы, в двух местах, капала кровь — следы моих двух пуль. Первая пуля, по-видимому, прошла выше мозга.

Преследовать слона люди мои категорически отказались, ссылаясь сначала на то, что раненый слон очень опасен, а потом на то, что он ушел очень далеко и его не догнать.

У слона были небольшие клыки (у индийских слонов они часто совсем отсутствуют) и, возможно, что сингалезы⁷ желали сами ими воспользоваться. Это очень вероятно, так как всякий, бывший на Цейлоне, знает, до какой виртуозности доходит мошенничество у сингалезов.

Итак, мой слон все-таки ушел от меня, но доставил столько удовольствия, что я даже не был особенно огорчен к великому удивлению Велю.

На обратном пути к палаткам мы в одном месте опять услышали треск, и все мои черномазые стремглав бросились бежать, обгоняя меня. Несмотря на убедительное махание руками и зов к себе остановившегося вдали Велю, я, конечно, пошел на треск, рассчитывая, что, может быть, удастся еще выстрелить по раненому слону, но оказалось (как видно было по следам), что это другие слоны — самка со слоненком. Велю совсем перепугался, все повторяя, что тут «plenty»⁸ слонов и что очень опасно. Я довольно внушительно попросил его не заботиться больше о моей безопасности, но все же пришлось вернуться, так как слоны ушли далеко.

Вечером я никуда не ходил и убил только пару обезьян у самых палаток. С вечера весь лагерь был окружен кольцом костров от «диких зверей», и действительно, ночью несколько слонов подходило близко и бедные кули дрожали от страха.

Хорошо высавшись на кровати с пологом (на Цейлоне и иностранцы, и англичане охотятся с большим комфортом, дабы не ронять пресловутого

«английского престижа». У меня было 12 человек прислуги, в том числе повар с помощником и лакей, и обеды, которые мне подавали в джунглях, мало чем отличались от обедов в отеле. Разнообразные вина, ликеры, лимонад, фрукты, шоколад и проч. и проч.— все находились в моем распоряжении), я был разбужен утром своим лакеем Докто, служившим мне одновременно и переводчиком, так как он немного говорил по-французски. Он сообщил мне, что сейчас должен явиться знаменитый местный «шикари» Апу, имеющий массу рекомендаций за удачные охоты на слонов от разных иностранных принцев. Действительно, выйдя уже одетым из палатки, я увидел подходящего к лагерю сингалеза средних лет, который и оказался Апу. Его встретили с большим почтением и он принимал это как должное. Меня поразило, что ступня у него необычайно расширялась к пальцам, так что след его очень напоминал след медведя.

Перед самым выходом на охоту, Апу пожелал устроить испытание моему ружью (кстати, вероятно, и мне), и я должен был выстрелить два раза из штуцера в небольшую затеску на дереве в шагах сорока. Экзаменом Апу остался доволен, и мы отправились. Порядок шествия обыкновенный: впереди Апу с моим штуцером, за ним я, за мною Велю с Генелем, так что я в любой момент мог взять то или другое ружье, смотря по надобности; за Велю — два кули.

Когда я ходил не специально за крупным зверем, один кули нес вместо штуцера мою бескруковую трехстволку ((20—20)/11 мм), но за последние дни я оставлял ее, тем более, что она сильно пострадала от влажности и надо было ее разбирать, а я все не мог выбрать времени, чтобы заняться этим.

Мы направились в новую местность, на северо-восток от лагеря. Пейзаж изменился, стали встречаться холмы, часто обнаженные наверху, а на каменистой поверхности, в углублениях, скопившаяся дождевая вода образовы-

⁷ Или сингалы, коренное население Шри-Ланки, составляющие около 70 % от общего числа живущих на острове.

⁸ Видимо, искаженное от «plenty» (англ.) — изобилие, множество.

вала маленькие озерки и лужи.

Выйдя на одну из полянок, мы услышали знакомый крик павлина, а вскоре увидели и его самого, исполняющего утренний танец с распущенными хвостом. Два-три кустика позволили подобраться к нему шагов на двадцать, и я несколько минут любовался чудной картиной. Но вот он заметил опасность, сложил хвост и, отбежав несколько шагов, тяжело поднялся в воздух, усиленно махая своими короткими крыльями, и, сверкая на солнце царственным оперением, скрылся за деревьями.

Мы пошли дальше.

По следам небольшого стада буйволов мы проколесили мили четыре, но буйволы нас не подпустили и только треск и топот указали, что они обратились в бегство.

Позавтракали на вершине одной скалы, у лужицы, и пошли дальше. Набежала тучка, покропила небольшим дождем, опять выглянуло и стало припекать безжалостное тропическое солнце, а мы все шли и шли. Повернули уже назад, к палаткам, как вдруг Апу, шедший впереди, внезапно остановился и попятился назад: я выглянул из-за него и увидел, что на противоположном берегу большого водоема, к которому мы подходили, стоит стадо диких, всего штук шесть.

Выбрав более крупного самца, стоявшего ко мне боком, шагах в девяноста, я осторожно подвел мушку и тронул спуск (со шнеллером). Стадо стремительно бросилось влево, и я, выбросив гильзу, успел второпях выпустить еще раз, но промазал. На месте, к моему удивлению, билась некрупная самка, причем пуля снесла ей почти полчера, а стрелял я пулей в полной оболочке. Подивившись такому случаю, я велел выпотрошить самку; когда все уже было исполнено и мы двинулись дальше, я вдруг услышал в чаще, шагах в шестидесяти, как бы бряканье. Бросившись туда, я наткнулся на оленя, по которому я стрелял. Недоумение мое разъяснилось, оказалось, что пуля, пробив первого оленя сзади лопаток, угодила самке в голову, которую самка, вероятно, в это мгновение поднимала, и таким образом, на одну пулью попали два оленя.

Оболочечной пулей я стрелял потому, что не имел времени на замену ее другой, а вследствие этого и крови на следу не было.

Самец весил пудов девять, самка пять с половиной.

Отправив кули с мясом и шкурами в лагерь, я свернулся еще в сторону. Встретил еще два раза диких, одного ранил, а по другому не стрелял, так как прежде всего желал убить слона или буйвола и лишь потом уже предполагал заняться другими зверями. Вообще, за все время охоты я пропускал массу дичи, преимущественно оленей, без выстрела, чтобы не испугать более крупного и интересного зверя.

Вернувшись поздно, едва волоча ноги

от усталости. Ежедневная охота в джунглях по колючим кустарникам давала о себе знать. Ночью недалеко кричал медведь.

Седьмого ноября в начале восьмого часа мы выехали из лагеря на арбе, запряженной двумя быками; утро было ясное, но жара еще не мучила, со всех сторон доносились крики лесных петухов и павлинов, но одна только мысль сверлила все время мой мозг — неужели я больше не встречу слона?

Плавно покачиваясь на рыси, небольшие сингалезские бычки быстро пробежали мили три по лесной дороге, и, выехав на большую поляну, мы слезли и в «боевом порядке» двинулись направо в джунгли. Быков отправили назад. Мы прошли всего какую-нибудь милю, двигаясь по небольшой тропинке, когда внезапно справа, шагах в семидесяти, услышали знакомый уже треск и сразу остановились. Оглядевшись, мы увидели, что стоим как раз на границе двух областей, причем слон находится в той, где стрельба воспрещена (При взятии разрешения на право убить слона указывается известная область, за пределами которой разрешение теряет силу, и за убитого зверя платится штраф. Разрешение на одного слона стоит 300 рупий⁹, на буйвола — 75 рупий; на всю остальную дичь, без указания местностей, — 45 рупий.), но он потихоньку подвигается, по-видимому, к нам и должен скоро перейти границу.

Мы осторожно отошли назад, уверившись сначала при помощи дыма от зажженной спички, что ветер тянет на нас. Усевшись под деревом, чутко вслушиваясь в каждый звук, доносившийся до нас, мы провели, томясь вынужденным бездействием, три четверти часа. Только охотник может понять, что испытываешь в такие минуты, имея зверя уже недалеко и зная, что вот-вот увидишь его. Это было напряженное, томительное и вместе с тем чарующее ожидание, во время которого стараешься представить себе, что ожидает тебя, удобно ли будет стрелять, как будет вести себя слон, и отгоняешь тревожную, сжимающую сердце мысль, что вдруг не повезет, что надежда не оправдается и слон уйдет опять.

Я решил стрелять из моей старой заслуженной винтовки, так как не был вполне уверен в действительности удара пули со стальным наконечником. Погоны отстегнуты, и оружие внимательно было осмотрено еще раз.

Время тянулось медленно и терпение наше истощилось: слон продолжал трещать почти на том же месте и мы решили пренебречь буквой закона. Я взял в руки мой Генель, Апу — запасной штуцер и мы осторожно, обходя сухие ветки, стали продвигаться вперед. Вело и кули остались на месте, чтобы избежать лишнего шума.

Крадучись пройдя шагов сто, мы очу-

тились на более открытом месте и перед нашими глазами открылась чудная картина: громадный слон стоял к нам боком, шагах в пятидесяти, помахивая хоботом и изредка срывая ветки. Он стоял на опушке, и сразу за ним начиналась стена кустарников, между нами находилось несколько крупных корявых деревьев и кое-где — кустарники. Слон с промежутками делал два-три шага, удаляясь от нас влево, и можно было опасаться, что шагов через пять он войдет в кустарники, в которых бесшумный подход очень затруднителен.

Быстро двинулись мы вперед, совершенно не заботясь, чтобы деревья закрывали нас от слона, так как зрение и слух у него достаточно слабы, тогда как обоняние развито чрезвычайно.

В двадцати шагах от слона Апу остановил меня и задыхающимся шепотом, указывая пальцем на ухо, прошептал: «shut, shut»¹⁰, то есть стреляй. Я быстро поставил спуск на шнеллер и вскинул ружье, но как раз слон сделал полуоборот и в профиль уха стрелять было уже нельзя. Не желая рисковать удачей выстрела, я опустил ружье, обратив все свое внимание, чтобы случайно не дотронуться до спуска со шнеллером, и быстро переменил место, став в профиль слона. Не теряя ни секунды, я подвел мушку к месту, где по расчету должно было находиться ушное отверстие (ушное отверстие у слона чрезвычайно мало и несколько прикрыто, так что различить его невозможно), и тронул собачку. Резко щелкнул винтовочный выстрел. Слон вздрогнул, немного повернулся, как-то машинально сделал шаг вперед, качнулся и остановился. В это время сзади раздался выстрел Апу и почти одновременно я пустил вторую пулью за ухо, и слон, не сгибая ног, грузно повалился на бок. Земля точно загудела от тяжкого удара, затрещали и закачались стоявшие рядом деревца и все было кончено. Величайшее из животных на земле, мой первый слон лежал передо мною.

Оказалось, что я стрелял его в семнадцати шагах. Первая пулья в оболочке, попав на полвершка левее ушного отверстия, пронизала мозг и застряла в противоположной кости. Она была, безусловно, смертельна. Пуля Апу из штуцера (на радостях я не имел духа бранить его за то, что он не удержался от выстрела) попала в нижнюю челюсть и застряла в кости. Вторая моя пулья, угодив в ухо, прошла к мозгу, но я ее не нашел.

Из предосторожности Апу посоветовал мне пустить еще две пули в голову, но слон даже не пошевельнулся. На наши торжествующие крики моментально явились кули и Вело, и началось ликование. К довершению удачи, у слона оказались небольшие клыки, что вообще довольно редко встречается у цейлонских слонов. Это был

⁹ Средний курс начала века: приблизительно за 1 царский рубль 1,5 рупии.

¹⁰ Искаженное от «shoo!» (англ.).

старый самец и имел в вышину (в плече) более полутора сажени.

Полюбовавшись и отрезав хвост в качестве трофея, мы отправились назад в лагерь, хотя было всего 9.30 часов утра. Мы были так возбуждены, что до завтрака никто не дотронулся, и даже мои любимые бананы, от которых я никогда не отказывался, на этот раз не имели обычного успеха.

Быстро очнулись мы в лагере, и через минуту все мои черномазые сбежались ко мне поздравлять. Было вытащено шампанское, запасенное для такого случая, и все с благоговением выпили по стаканчику «благородной влаги».

Выпив еще несколько подаренных мною бутылок виски, кули бросились запрягать быков, и со смехом и шутками мы двинулись по дороге, проезжая по которой всего несколько часов тому назад, я терзаясь неизвестностью.

Расчищая ножами тропинку, чтобы удобнее было переносить к арбе части слона, мы скоро подошли к нему. Я сделал несколько снимков и кули принялись за работу — отделять ноги, хобот, уши, вынимать клыки и зубы и прочее. Но кончить даже самое главное в этот день не успели, так как при перерубании костей на ногах были сломаны три топора, и поневоле пришлось вернуться к палаткам. Вынимание же клыков и зубов, требующее более кропотливой работы, было оставлено на следующий день.

Долго не мог я уснуть в этот вечер, бродя у палаток по полянке, залитой мягким голубым светом полной луны, и мысленно переживая все впечатления счастливого дня. Я вспомнил мельчайшие подробности охоты, показавшиеся бы мелкими и ничтожными при передаче, но такие незавидные, близкие сердцу и дорогие для меня. Из глубины джунглей доносились голоса разнообразных зверей, вышедших на ночную кормежку, и звуки эти, гармонируя со всей обстановкой чудной тропической ночи, заставляли усиленно биться сердце охотника, и только в глубокую ночь я заставил себя войти в палатку.

Спал плохо — нервы расшатались. Против воли, по непонятной ассоциации, снилось мне, что я опять в моем милом Петербурге, что опять охватили меня прежние интересы. Проснулся с тяжестью на сердце и чуть не со слезами на глазах, и в это время Докто вошел в палатку и, накрывая стол для брекфеста, стал рассказывать, что ночью слоны опять подошли вплотную к лагерю и кули принуждены были встать, чтобы отпугнуть их, так как никогда нельзя ручаться за то, что может прийти слону в голову. За две недели до моей охоты слон, встретив случайно на дороге сингалеза, без всякого повода с его стороны схватил и убил его, бросив под ноги.

Разом покинули меня печальные мысли, в голове замелькали слоны, буйволы, олени, и бодрый, я вскочил

с кровати и начал торопливо одеваться.

Было уже 7 часов, когда мы вышли на охоту, и первый встретившийся кустарник промочил нас до нитки благодаря росе и небольшому ночному дождю.

Сегодня мы вышли вчетвером: я, Апу и два кули. Велю отправился возиться с головою слона и хотел, чтобы я взял вместо него Докто, но я оставил Докто дома.

Мы скоро нашли свежие следы стада буйволов и пошли по ним. Несколько раз на каменистой почве теряли их, и приходилось делать круг, чтобы «выправить след». Следы шли все время прямо на восток, и мы прошли уже мили три, когда внезапно до нашего слуха донеслись слева торопливые всплески воды и затем частый топот.

Взглянув влево, мы увидели, как из водоема, шагах в семидесяти пяти от нас, всыкаивают буйволы и обращаются в бегство, мелькая кое-где между деревьями. Выбрав небольшую, но более удачную прогалину, для чего пришлось пропустить первые две группы буйволов, я выстрелил по третьей, стоящей из трех животных, два раза из штуцера: в правом стволе у меня была экспрессная пуля, в левом — стальной наконечником. Стрелять пришлось в полуугон, шагов на сто, и вторую пулю я пустил уже наугад, сквозь чащу. Бросаю разряженный штуцер, хватаю винтовку и бегу вперед. Пробежав шагов пятьдесят, внезапно вижу стоящего буйвола и второпях стреляю ему в бок: буйвол не особенно быстро скрывается в чаще, но я успеваю заметить, что правая задняя нога болтается перебитая. И вот начинается погоня: крови видно на листьях очень мало, но зверь пошел частыми кустарниками и промята им дорога видна очень хорошо. Проследив с полверсты, я вдруг слышу впереди, немного слева, явственное брыканье лежащего на земле зверя, причем мелкие деревца трясутся, указывая место; разумеется, я бросаю след и устремляюсь туда, но Апу энергичным шепотом удерживает меня и указывает след. Я делаю 10 шагов вперед и, к удивлению, почти наталкиваюсь на лежащего буйвола. Он лежит ко мне спиной и в такой густой поросли, что я не мог разглядеть, где у него находится голова, и, думая, что он умирает, пускаю в него пулю из штуцера, стараясь задеть хребет. Но буйвол с быстрой молнией всыкаивает и обращается в бегство. Перезаряжая на ходу ружье, я бегу за ним; листья и ветки в крови ясно указывают дорогу, и я все время слышу буйвола в шагах пятидесяти впереди, но ничего не вижу и как ни напрягаю усилия, расстояние сократить не удается. Наконец, буйвол заворачивает налево, описывая полукруг, и, пробежав еще сажень сто, я с радостью слышу, что хрипение становится ясней — буйвол, по-видимому, остановился. Я

осторожно приближаюсь шагов на десять, но в это время злобное фырканье и треск дают мне знать о нападении. Я отбегаю немного назад и останавливаюсь, так как зверь не преследует меня. Силы его, по-видимому, истощаются. Апу, отставший от меня и забравшийся теперь на дерево, чтобы лучше видеть, выразительными жестами предлагает мне также влезть на дерево и сердится, что я не желаю последовать его примеру.

Два раза приближался я к буйволу, но, без преувеличений, в двух-трех шагах нельзя было его разглядеть, и мне все же пришлось влезть на дерево шагах в двенадцати от него, но и с дерева можно было только с трудом разобрать, где именно находится зверь.

Я выстрелил все-таки в неопределенную серую массу, сойдя с дерева, подошел вплотную.

Буйвол уже лежал, подогнув под себя все четыре ноги и уткнув обращенную в ту сторону, откуда пришел, морду в землю. Он тяжело хрюпал и мне пришлось дать ему еще четыре пули, чтобы он перестал дышать.

Это была прекрасная корова с хорошими рогами. Первая пуля экспресса раздробила ногу выше колена, и при виде массы крупных осколков костей можно было подумать, что в нее попала маленькая граната. Эта пуля заставила зверя остановиться и получить пулю из винтовки по легким. Третья пуля в лежачего не задела хребта, но дала массу крови, облегчившей преследование.

Я очень не люблю добивать раненую дичь, но не могу не сказать, что преследование раненого опасного зверя при постоянном ожидании, что он бросится на вас, дает такие чудные ощущения, которые не забываются никогда, и я ценю их гораздо больше, чем самый блестящий выстрел. Я считаю, что главную привлекательность охоты на крупного зверя именно и составляет некоторая доза риска; ведь приятно сознавать, что благодаря хладнокровию, умению стрелять и прочее — вы спаслись, и избегать всякого рода риска на охоте по зверю (например, ставить с собою на номер на медвежьей облаве мужика с рогатиной) — по-моему, недостойно зверowego охотника.

Сделав несколько снимков с буйвола, для чего понадобилась основательная расчистка кругом, я велел разделять зверя.

В это время Апу таинственно отозвал меня в сторону и стал объяснять, что я убил не одного, а двух буйволов. Я вспомнил тогда о слышимом брыкании, в чем я не мог ошибиться, и хотел отправиться туда теперь же, но кули боялись остаться в лесу одни, а тяжелая ноша не позволяла им следовать за нами.

Мы тронулись в лагерь, вечером пойти опять не удалось, так как полил дождь, переполнивший канавки вокруг

палатки и обративший поляну, на которой был разбит лагерь, в озеро.

Все следы, конечно, были смыты проливным дождем и на следующее утро Апу не мог отыскать место, где должен был находиться второй буйвол, и он так и пропал для меня.

Это был последний день охоты в «Больших Джунглях» — через сутки мы сняли лагерь и стали подвигаться обратно. Я, разумеется, продолжал охотиться каждый день. Между прочим, два дня я охотился на крокодилов на двух, близко лежащих друг от друга, озерах, у стариинного буддийского храма Тиссамакараме-вихораже. Я убил шесть или семь крокодилов, но достать мог только трех, остальные утонули на глубоких местах.

В заключение позволю себе высказать мнение об охоте на Цейлоне.

Два необходимых условия для успешной охоты: это — деньги, так как охота обходится довольно дорого, и —

умение хорошо стрелять пулевой.

Особенно ценна здесь быстрая стрельба навскидку, так как олень и буйвол не ждут и мгновенно исчезают.

Вообще же, для оленей (диевров) выгоднее брать малокалиберный двухствольный штуцер (или 11 мм с бездымным порохом), чем винтовку магазинную. Для слонов он тоже был бы вполне пригоден, при условии стрельбы в голову. Тогда, если взять еще трехствольку (лучше, конечно, бескурковую), можно ограничиться двумя ружьями, но уход за ними должен быть очень тщательный, так как оружие вообще сильно страдает под тропиками.

Лучшее время для охоты — ноябрь и декабрь, хотя в марте, например, на леопардов охотиться лучше, но в это время уже очень жарко; этот зверь считается у сингалезов гораздо менее опасным, чем слон и даже буйвол.

Много можно было бы написать про охоту на кабанов, медведей, шакалов, крокодилов, пеликанов, павлинов и прочее, но я и так отвлекся от темы — описать четыре дня охоты на крупного зверя.

В заключение же скажу: как ни хороша охота на Цейлоне, как ни соблазнительны слоны, буйволы и крокодилы, но все же я че променял бы окончательно на эту роскошную тропическую природу и этих волнующих кровью охотника чудных зверей — наши леса и луга, весенние, тоскующие ночи, всю поэзию тяги и токов, наш зимний лес, засыпанный снегом, и косматого властелина тайги — медведя, когда он, бороздя снег, идет на номер, к охотнику. Мне дорога родная природа, родная охота, и никакие далекие края не заставят меня забыть о них...

Декабрь, 1910 год,
Красное море. пароход «Херсон»

ЖУРАВЛИ

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что это самые приметные из наших пернатых. Не случайно в народе сложено столько пословиц и поговорок, песен и сказок о журавлях, не случайно традиционно доброжелательное к ним отношение. Это относится и к наиболее обычному и широко распространенному в России серому журавлю, хотя тот подчас и наносит некоторый ущерб сельскому хозяйству. Белый журавль-стэрх издавна считался коренными жителями Якутии священной и, конечно, охраняемой птицей. Якутское название стерха «кыталькы» можно перевести как «великолепный», и закономерно поэтому обилие Якутии названий многих уроцищ, озер, проток с прилагательным «кыталькы». Напомню, наконец, о настоящем культе журавлей в Японии — их здесь считают символом долголетия.

Эти крупные, гармонично сложенные птицы невольно обращают на себя внимание. Радуют, бодрят звучные, трубные крики их весенних пролетных стай, и навевают тоску, грусть унылое «курлыканье» стай, летящих осенью к югу. Завораживают наблюдателя журавлиные «танцы» (о них ниже).

Журавли образуют одноименное семейство птиц, состоящее из 15 видов, распространенных на всех материках мира, кроме Южной Америки и Антарктиды. В пределах России обитают и регулярно размножаются семь видов. Еще один — австралийский журавль однажды залетел в Якутию.

За исключением красавки, все журавли — очень крупные птицы, высотой больше метра, с размахом крыльев около двух метров. Вес их достигает 8 и даже 10 кг. Характерные особенности их строения — очень длинные ноги и шея, небольшая голова с длинным, прямым и острым клювом. У всех наших журавлей (взрослых птиц), кроме красавки, часть «лица» голая, покрыта жесткими щетинками и мелкими бугорками. У молодых все «лицо» оперено. Внешне самцы практически неотличимы от самок. Окраска оперения птиц по сезонам года не меняется. В полете журавля легко узнать: он держит шею и ноги вытянутыми почти в прямую линию.

В гнездовое время птицы держатся парами, возможно, сохраняющимися у них на всю жизнь. Во время миграций и на зимовках журавли объединяются в стаи. Обитают птицы преимущественно среди болот. На деревья никогда не садятся.

Весной, началу размножения журавлей, обычно предшествуют их «танцы». У разных видов в них есть различия, но чаще этот ритуал исполняется группой птиц. Они то ходят по кругу одна за другой, убыстряя или замедляя шаг, то останавливаются, церемонно приседают. Выпрямившись, распускают крылья и кланяются друг другу либо «отвешивают

общие поклоны», направив головы в центр круга. Время от времени они высоко подпрыгивают, взмахивая при этом крыльями, замирают на месте, подняв головы и плотно прижав крылья к туловищу, издавая при этом своеобразные трубные или флейтовые звуки. Хотя «танцы» журавлей чаще можно увидеть весной, строго говоря, это вовсе не составная часть брачного поведения, не так птиц, поскольку «танцам» предаются также и неполовозрелые особи, и такие «куваселения» журавлей можно наблюдать во все сезоны года. К тому же «танцуют» не только группы, но и отдельные пары и даже одиночные птицы. Журавля, живущего в неволе, человек подчас может спровоцировать к «танцу», приседая, приплясывая, размахивая руками.

Гнездятся они, как правило, обособленно, отдельными парами, на значительном расстоянии одна от другой. Гнездо журавлей устроено очень просто, чаще это лишь утоптанная куча травы. В кладке у них бывает обычно два, реже одно или три (у красавки) яйца, зеленоватых или красноватых, с бурыми или коричневыми пятнами. Насиживают и водят птенцов обе птицы. Птенцы вылупляются покрытыми густым рыжеватым пухом. Первое время родители кормят их из клюва. В недельном возрасте молодые начинают кормиться самостоятельно, на крыло поднимаются обычно лишь в двухмесячном возрасте. Половой зрелости достигают на 3—4-м, а у некоторых видов (например, у стерха) даже на 6—7-м году жизни. Семьи с летними молодыми постепенно объединяются в стаи, но окончательно распадаются лишь к весне будущего года.

Основу питания журавлей составляют различные части растений, хотя птицы не пренебрегают при случае и животными кормами (насекомыми, мелкими грызунами, рыбой). В процессе их пищеварения — перетирания грубой растительной пищи большую роль играют наполняющие их желудок мелкие камушки.

В природе журавли очень осторожны, но, попадая в неволю, особенно выращенные человеком, легко приручаются и даже привязываются к людям. В прошлом журавли относились к охотниччьим птицам, однако теперь все виды их, обитающие в России, подлежат охране. Почти все они включены в Красные книги России, а некоторые — и в МСОП. Добыча не попавших в Красные книги серого и канадского журавлей запрещена местными правилами охоты (серого журавля) или специальным международным соглашением (канадский журавль).

С. М. УСПЕНСКИЙ,
профессор

ЗВЕРЬ-ИНВАЛИД

А ГДЕ МНЕ ВЗЯТЬ
ТАКОГО ЗАЙЦА?

Здравствуйте, уважаемая редакция! Ваш журнал выписывают с 1975 г. В каждом номере читаю письма, присланные в редакцию — то с жалобами, то с просьбой о помощи. Решил написать и я. Правильно пишет А. Орлов (№ 2 1994 г. «Письма о собаках»): «...И чем больше я дорожил своим питомцем, тем труднее было его убедить». У меня, например, много погибло собак еще в щенячьем возрасте — то чума, то энтерит. В ветаптеках нет ничего, оттуда посыпают в медаптеки, а там, не дай Бог, скажешь, что лекарство нужно для собаки, с тобой и разговаривать не станут. Но если бы хоть один из этих «аптекарей» взглянул в глаза собаки, которая уже не может вставать и только взглянешь просит о помощи, думаю, у него бы внутри все перевернулось.

Сейчас у меня две молодые борзые из г. Липецка. Собаки первопольные, да один вообще еще щенок. Пошел в общество узнать, брать ли путевку и будет ли какая скидка? Там объяснили, что никаких правил по этому поводу нет. Ну, что же, взял путевку, да при этом еще наслушался всяского бреда о том, что «охота с борзой — истребление зверя без всякого труда». Правда, это мнение людей, вообще не имеющих представления о псовьей охоте. Тот, кто охотится с борзыми, знает, как это «легко». И кроме того, в выходной, пока выедешь из города, уже никакой охоте рад не будешь — народу битком, все орут: «куда с собаками лезешь» — и тут же с рынка с поросятами едут, это нормально. Вот и подумашь, а стоит ли вообще держать у себя четвероногих помощников?

Г. МОСИЯЩЕНКО
Белгородская обл.

Уважаемая редакция! Из прожитых мной 35 лет я самостоятельно охочусь 18, «Охоту» выписываю с 1977 г. Хочу рассказать вам самые теплые, сер-

дечные слова благодарности за журнал.

Пишу вам вот по какому поводу. В № 9—10 за 1992 г. в статье А. Серебровского «Биологические прогулки» говорится, что заяц-русак весит 5—6 кг, иногда 7—8 кг, и даже до 9 кг. Я охотился в Краснодарском крае, Ростовской области, Калмыкии, С. Осетии, на Украине, в Подмосковье. И могу утверждать, что на юге России зайцы-русаки крупнее, чем в других областях. А самый большой заяц, которого мне приходилось видеть, был весом 5,7 кг. И старые охотники говорят, что, по всей видимости, зайцы в среднем весят 3,5—4,5 кг, иногда до 5,5 кг. Не представляю, где автор статьи мог встретить зайца весом около 9 кг.

Л. ДОРНАЧЬ
Ставропольский кр.

Здравствуйте, дорогая редакция! Постоянно выписываю и читаю ваш журнал. В № 1 за 1994 г. вами был опубликован рассказ Ю. М. Смельницкого «Зимовка у Павловой могилы» из очерка «Охотничий стан».

Еще в детстве мною был прочитан рассказ Ю. Смельницкого «Друг человека». Это произведение писателя меня сразу же покорило. Его можно много раз перечитывать, чтобы снова и снова переживать вместе с автором свежесть вечерних зорь в ожидании утреннего перелета или слышать в осенней тишине гусиный гогот. Читая Ю. Смельницкого, понимаешь, что это был настоящий охотник. Но дело в том, что его произведения сейчас просто-таки библиографическая ре-

дакция, их невозможно нигде найти. Поэтому просьба публиковать этого автора на страницах нашего журнала как можно чаще, многим вашим читателям это доставит огромное удовольствие.

Ю. СЛАВИНСКИХ
Курганская обл.

рит мне свое ружье. Но он и стрельнуть-то ни разу не дал, и не даст никогда.

Мне только 15 лет, но в охоту я влюблен ужасно. Это знают все. В школе учусь на «4» и «5». Играю на бас-гитаре, занимался в секции дзюдо, любимый вид спорта — баскетбол. Охотминимум я знаю и могу сдать в любое время. Очень бы хотел жить в Сибири, быть промысловиком. Завидую всем охотникам и тем детям, у которых отцы охотники. Я же не смогу жить без охоты, но охотник без ружья, сами понимаете, это не охотник.

О. ФИЛЬКОВ
Московская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала! Пишет вам охотник-любитель из Сибири. Я живу на самом юге Красноярского края. Охотой занимаюсь более 20 лет. Пока не имел своего ружья и охотничьего билета, ходил в тайгу с отцом и старшим братом. Навсегда запомнил свою первую охоту весной на глухарей, с ночевкой у костра. Шел мне в то время 12-й год.

За свою охотничью жизнь повидал немало. Но в прошлом году произошел случай, который в корне изменил мое устоявшееся мнение, что здоровый, сильный медведь никогда не нападет первым, если его на это не спровоцировали.

Тем не менее 24 октября медведь 5—6 лет, с капитальным запасом жира (как потом оказалось, на спине вдоль хребта толщина слоя достигала 7—10 см), не имеющий никаких физических дефектов (когти, зубы, шкура — в хорошем состоянии), без каких-либо следов ранений, подошел к палатке с дымящейся печкой и набросился сначала на собак, а затем на вашего покорного слугу — с намерениями, в которых не приходилось сомневаться.

Этот случай произвел на меня такое впечатление, что захотелось поделиться с друзьями, конечно, с редакцией любимого журнала.

В. РЕПИН
Красноярский кр.

Здравствуйте, дорогая редакция! Пишет вам, может быть, будущий охотник. Почему «может быть»? Потому что не знаю, смогу ли купить когда-нибудь ружье. Воспитывает меня одна мать, отец умер, когда мне было 4 года. Получает она мало, жить на эти деньги нам очень трудно. Много раз я ее просил, чтобы копила на ружье. «Что ты, — говорит, — сам заработай». Ну, попытался я два раза на комбайне подработать, но попадал к таким алкоголикам, с которыми никогда ничего не заработаешь. Из родни у меня дед охотник. Надеялся, может, он когда-нибудь пода-

рит мне свое ружье. Но он и стрельнуть-то ни разу не дал, и не даст никогда. Мне только 15 лет, но в охоту я влюблен ужасно. Это знают все. В школе учусь на «4» и «5». Играю на бас-гитаре, занимался в секции дзюдо, любимый вид спорта — баскетбол. Охотминимум я знаю и могу сдать в любое время. Очень бы хотел жить в Сибири, быть промысловиком. Завидую всем охотникам и тем детям, у которых отцы охотники. Я же не смогу жить без охоты, но охотник без ружья, сами понимаете, это не охотник.

коньеры, но и сами охотники, не всегда соблюдающие правила охоты. В последнее время охотоведы не очень-то интересуются охраной животных. Лес у нас хищнически вырубается, гащат все кто может и все что можно. Я обращаюсь к вам,уважаемые охотники, одумайтесь! Не соблюдая охотничьих законов, вы обкрадываете самих себя.

Н. ГОРИН
Алтайский кр.

Уважаемая редакция! Я охотник с большим стажем — более 40 лет, много охотился на разного зверя, кроме медведя. На моем счету 13 волков и более 400 лисиц. Чаще всего охотился в одиночку. Иногда подолгу лежал на свежепахнущей траве, слышал даже, как помятая трава своим стебельки выпрямляет и восстанавливает стройный вид. Тот, кто не бывал на охоте один, никогда не поймет всей прелести общения с природой. Поэтому я советую, побудьте хоть раз в жизни в лесу, на охоте, совершенно один, в ночные часы. Ночью все воспринимается по-другому, пробуждаются мыши, ежи. Представляете, совсем рядом

ежик так по-свойски попыхтит, попыхтит, затем, лениво повернувшись, удалится. Лисица вплотную подойдет, зац ряшком пробежит. Все это так прекрасно!

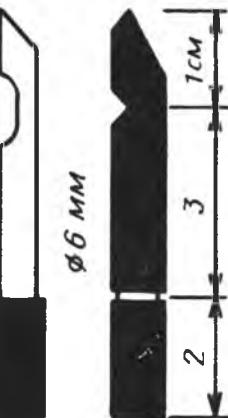
В. КОНОНОВ
Марий Эл

Уважаемая редакция журнала! Помогите мне найти охотников, которые занимаются воспитанием ловчих птиц. Я хочу познакомиться с ними и позвать в гости в Словакию. Дайте, пожалуйста, мой адрес всем, кто захочет. Готов отвечать на все письма, обмениваться фотографиями, колпачками, бубенчиками и т. п. Адрес: Mochnachy Vihor, Mlynshá 470, 04911 Plesévce, Slovakia, факс: 004294221150, тел. 004294292291 — до 18⁰⁰.

Кто охоту на рыбчика не любит? Я тоже люблю, и читать рассказы про охоту, и журнал наш с 60-х годов выписываю, и все подшито. Все я ждал, что какой-нибудь охотник, попытней меня, опишет, как делать манок для рыбков из елового сучка, но так и не дождался. Попробую сам.

Торговый манок у меня всег-

да в патронаше, но им лучше в эстрадном оркестре свистеть. Поэтому манки из елового сучка я делаю на каждой охоте новые. За долгие годы так натренировалася, что готовлю их, на ходу, времени совсем немного требуется. Для этого острым ножом срезаю еловый сучок толщиной 6—7 мм. Сучок надо выбирать не смолистый, и чтоб между боковыми веточками было чистого места около семи сантиметров. Успех будет, если удастся аккуратно снять кору. Для этого конец сучка минут десять держу во рту. Тихонечко иду по лесной тропе, и слушаю, не слетит ли где рыбчик: Как услышу треск крыльев, становлюсь в укромное местечко и начинаю колдовать над еловым сучком. Конец срезаю под углом. В сантиметре от конца делаю дырочку коре, так чтобы и на древесине след от ножа остался. Теперь надо аккуратно кору снять. Для этого делаю круговой надрез в трех сантиметрах от дырочки и с обратной стороны сучка — от кругового надреза до конца. Как снял кожуру, клади в рот, пусть набухает. Делаем углубление в сучке, как показано на рисунке. От размеров этого углубления зависит высота звука, так что иногда не один манок приходится делать. Бывает, и всех чертей вспомнишь,

если рыбки посыпают невдалеке и на торговый пищик никак не выманить.

Но вот все получилось. Кору сучка ставим на прежнее место, берем пищик двумя пальцами чуть подальше дырочек, и свистим: тиу-ти, ти-ти-ти. Рыбчик откликается, но не летит. Меняем высоту звука, передвигаем пальцы и меняя на jaki. Из елового сучка такой манок можно сделать — рыбки на шапку садятся.

М. УЛЯШОВ
г. Каргополь

Вопрос. Каковы недостатки «помповы» ружей?

Ответ. По сравнению с самозарядными ружьями типа МЦ-21 или «Браунинг» «помповые» ружье перезаряжается рукой за счет перемещения назад, а затем вперед подвижного цевья по трубчатому магазину. Поскольку этот процесс происходит уже после выстрела, а не в момент его, то лязг затвора и других перемещающихся частей ружья позволяет раненому опасному зверю сориентироваться и определить место нахождения охотника и тем самым принять соответствующие меры: либо удрать, либо напасть. При тугой экстракции гильзы приходится ружье отрывать от плеча и изрядно с ним повозиться, чтобы открыть затвор. Так же как и в самозарядке, для замены патронов необходимо принять соответствующие меры. Для этого необходимо не снаряжать полностью трубчатый магазин, а оставить место для одного-двух патронов. При необходимости заменить дробовой патрон, к примеру, на пулевой будет достаточно воткнуть в магазин один-два пулевых патрона, а

затем передернуть затвор. Находящийся в патроннике дробовой патрон будет выброшен, а пулевой — окажется досланным в ствол. По сравнению с двуствольным охотничим оружием, которое больше всего распространено среди наших охотников, «помповые» ружья не дают возможности быстро произвести второй выстрел, не позволяют иметь наготове выстрел с двумя различными типами снарядов, не дают возможности стрелять одной и той же дробью на близкое и дальние расстояния, так как у «помпового» ружья один ствол с определенным дульным сужением. Зато из «помпового» ружья можно сделать подряд много выстрелов, что зависит от емкости магазина. Так что в каждом образце охотничьего ружья есть свои преимущества и недостатки.

Вопрос. Можно ли снаряжать патроны с различными номерами дроби в снаряде?

Ответ. Да, можно! Если необходимо получить увеличенный на 20—25 % разброс дроби для патронов, кото-

рыми придется стрелять на близкие расстояния. Такие патроны снаряжаются следующим образом. В бумажную или пластмассовую гильзу надо засыпать требуемое количество бездымяного пороха, затем дослать осаленный войлочный пыж высотой не более чем в полкалибра канала ствола. Далее досыпаются неосаленные войлочные пыжи общей высотой не более длины снаряженого входа вашего ружья. На пороховые пыжи кладется тонкая картонная прокладка толщиной 0,5—0,7 мм, а на нее насыпают дробь большего размера, чем основной снаряд, в количестве от одной четверти до одной трети общего веса снаряда. Затем патрон завальцовывается обычным способом с дробовым картонным пыжом. Разница между номером дроби основного снаряда и дробью большего размера обычно должна быть не менее двух номеров. Например, для дроби № 6 основного снаряда следует брать дробь большего размера, то есть № 4 или даже № 3. Следует учитывать, что чем больше разница в номерах дроби основного снаряда и дополнительного, тем сильнее возрастает разброс дроби.

Ответы подготовил
М. БЛЮМ

ПИСЬМА
ЧИТАТЕЛЕЙ

МОСКОВСКИЕ КУРСЫ ОХОТОВЕДЕНИЯ ИМЕНИ С. Т. АКСАКОВА

Курсы имеют целью: 1) подготовку специалистов в области охотничьего дела в СССР, 2) разработку научных вопросов с охотоведением и 3) распространение знаний по охотничьему делу среди широких охотничих масс.

Курсы охотоведения находятся при Московском лесном институте и состоят в ведении кафедры биологии лесных зверей и птиц и охотоведения этого института.

Средства на организацию курсов составляются из: 1) платы за правоучение в размере, определяемом Правлением, но не выше 25-ти рублей в год; 2) содержания, отпускаемого Московским лесным институтом; 3) из субсидий заинтересованных учреждений (НКЗ, Охотничьих союзов, заготовительных органов и т. д.).

Срок обучения установлен годичный.

Весь период обучения делится на два зимних семестра и один летний.

Слушатели на курсы принимаются после постановления об открытии приема и зачисляются Правлением. Слушатели делятся на две категории: А) желающие специализироваться по охотоведению, для которых обязательны специальные лабораторные практические работы, семинарии и летняя практика, и Б) вольнослушатели, допущенные к выполнению учебного плана, без обязательных практических работ и семинариев.

Зачисление слушателями по категории «А» допускаются лица, подходящие по своему образовательному цензу к приему в Вузы. По категории «Б» остальные.

По окончании курсов и всех обязательных работ и семинариев, летней практики и сдачи испытаний по всем предметам слушатели категории «А» получают удостоверения об окончании курсов охотоведения, а после сдачи самостоятельной дипломной работы — звание охотоведа. Слушатели же категории «Б» после выполнения учебного плана, летней практики и сдачи коллеквиума получают удостоверение о прослушании курсов; по представлении удовлетворительно составленного отчета о самостоятельной годичной практике они получают звание инструктора по охоте.

Норма приема, а также количество слушателей по категориям «А» и «Б» определяется Правлением курсов.

Программа курсов на 1924—1925 учебный год.

1. Введение в охотоведение (преп. Д. К. Соловьев).
2. Биология, систематика и география промысловых зверей и птиц (проф. Б. М. Житков).
3. Охотничье хозяйство (Е. Ф. Корш).
4. Охрана природы (проф. Г. А. Кожевников).
5. Охотничье промысловое население и его быт.
6. Охотничье промыслы (проф. Б. М. Житков и А. А. Битрих, А. А. Ширинский-Шихматов, Д. К. Соловьев, С. В. Керцелли, Н. А. Смирнов и др.).
7. Морской звериный промысел (Н. А. Смирнов).
8. Промышленное звероводство: а) основы животноводства, б) пушное звероводство (?), в) мараловодство (Д. К. Соловьев), г) оленеводство (С. В. Керцелли).
9. Пушное товароведение (?)

10. Экономика и статистика охоты (проф. Н. М. Кулагин, Ураганов).

11. Охотниче право (проф. С. А. Бутурлин).

12. Охотниче оружие (Е. Ф. Корш и С. А. Бутурлин).

13. Собаководство (М. Д. Менделеева, Н. П. Пахомов, А. А. Ширинский-Шихматов и др.).

14. Ветеринария (?)

15. Методы охоты (проф. А. А. Битрих, А. А. Ширинский-Шихматов, Н. П. Пахомов и др.).

Эпизодические лекции по отдельным вопросам, Семинарии по перечисленным предметам.

Практические занятия: 1) по систематике, 2) таксiderмии, 3) охотничьему оружию, 4) пушному делу, 5) знакомство со способами истребления хищников и различными методами охоты и пр.

Экскурсии на заводы, склады пушнины, в музей и т. д. Летние практические занятия:

1) Практические занятия по биологии:

а) наблюдение за жизнью животных, б) изучение естественных условий обитания животных (почва, растительный покров, условия питания, метеорологические условия и т. п.), в) кольцевание птиц и зверей.

2) Практические занятия по охотничьему хозяйству:

а) маршрутно-глазомерная съемка, б) устройство ремиз, кормовых площадей, искусственных гнездовий и т. д., г) истребление хищников и д) работы по дичеразведению.

3) Коллектирование.

4) Охотничьи экскурсии и знакомства с экспедиционно-лагерной жизнью.

5) Фотографирование.

6) Практические занятия по дрессировке и натаске собак.

7) Упражнения в стрельбе и пр.

«Туркестанский охотник», № 9—12, 1924 г.

МЕДВЕЖЬЕ ЗАСИЛЬЕ

Стерлитамакский кантон Башреспублики захватывает северо-восточным углом отроги Уральского хребта, образуя так называемый горно-лесной район, с раскинутыми в нем по берегам рек одинокими аулами, наполовину вымершими в годы гражданской войны и голода. Процветавшие здесь когда-то бортевое пчеловодство и косячное скотоводство сильно пали и единственным источником заработка в настоящее время является примитивный кустарный промысел, невысокая продукция которого низко расценивается на рынке. Неудивительно поэтому, что все взоры башкирина направлены в сторону поднятия скотоводства, единственно способного избавить его от полуголодного существования. Но наряду с этим, помимо слабой экономической мощности населения, на развитие скотоводства отрицательно влияет медвежье засилье, уносящее ежегодно десятки голов крупного рогатого скота и лошадей. Пастбищные угодья, куда башкиры выезжают со скотом на весь летний сезон, так называемые «кочевки», и служат главной ареной действия Толтыгина. Крутые отроги гор, обросшие лесом, глушь и непроходимые места — служат ему прекрасным укрытием, а относительная пассивность населения укрепляет в нем смелость и наглость. Вот почему прошлогодний сезон был особенно чувствителен для башкирина-скотовода, когда каждая «кочевка» потеряла не менее 10 голов скота, не считая изувеченных. В ауле Старо-Сентово, в нескольких десятках саженей от жилых строений, на пчельниках было разворовано медведем не менее 50 колод ульев; в ауле Карагаево осенью, когда население возвращалось с «кочевок», в одну ночь было задрано 3 коровы и 1 бык. Башкирин, отыскавший этих коров, рассказывал потом, как он рано утром, идя их искать, наткнулся на свежий медвежий след за окопицей и пошел по нему. Отойдя по следу от деревни саженей на 100—150, в лесу, на склоне горы Баштын он увидел, как Мишенька заканчивал «работу»: трех коров уже стаскал в одну кучу, а быка только что потащил туда же на глазах перепуганного башкирина. Прежде

чем успел сбежаться народ — он закидал свои жертвы дерном и хмизом и спокойно удалился восьсяси. Таковы немногие иллюстрации его подвигов.

Правительственные меры по борьбе с хищниками, в частности премирование за истребление волков, уже в достаточной мере освещались на страницах нашей печати, и результаты их начинают сказываться, не требуя лишних комментариев. Что же касается борьбы с медведями — вопрос остается открытым, и самая борьба носит случайный, любительский характер. А между тем в описываемых условиях этот хищник гораздо опаснее волка, кстати, почти отсутствующего в горном районе. И здесь премирование за убитого медведя должно найти соответствующее место.

Георгий КЛАДОВ
«Охотник», № 7, 1927 г.

СЕЛЕЗНЕПЕРАЯ УТКА

У моего приятеля по охоте есть кряковая утка 6—7 лет. Осенью 1926 г. после линьки она приняла оперение селезня. Желательно услышать на страницах нашего журнала «Охотник» разъяснение уважаемых орнитологов, чем вызвано и надолго ли такое превращение? Утка эта была бесподобная крякуша, от ее затяжки редкий селезень уходил. И вот с такой уткой-селезнем в конце весенней охоты отправились мы с приятелем исключительно с целью наблюдения. На утренней заре первый селезень, слыша страстный призыв, с лета шлепнулся на нее, но, обнаружив окраску, пробкой отскочил в сторону. Трюк селезня заставил меня громко рассмеяться. Селезень сорвался и пошел прочь, но на крик утки он вернулся и сел далеко от нее. В то же время недалеко от утки сели еще два селезня и сцепились драсться. В порыве драки селезни настолько приблизились к утке, что имели возможность разглядеть ее окраску и набросились на нее. Бедняге пришлось подать настоящий голос (утки). Тогда драчуны застыли в позах удивления и испуга. Когда же утка защекотала в воде с нежным призывом, селезни испуганно сорвались и скрылись из вида.

П. АВЕРИН

К заметке о «Селезнеперой утке»

Так называемая «петухоперость» является не tanto уже исключительной редкостью и наблюдалась у многих видов птиц. Обыкновенно она связывается с каким-нибудь болезненным перерождением яичников, а может быть и с естественным, физиологическим угасанием их деятельности. Наблюдались даже случаи, когда одна половина тела получала оперение самца, а другая (продольно) сохраняла оперение самки. Наблюдались изредка случаи, когда при дальнейших линьках возобновлялось нормальное оперение.

В описываемом т. П. Авериным случае чрезвычайно интересны два обстоятельства. Во-первых, то, что «селезнеперая» утка сохранила половой инстинкт самки, заставляющий ее старательно призывать самцов. Во-вторых, явное смущение и даже страх селезней, слышащих призыв самки от «селезня».

С. А. БУТУРЛИН
«Охотник», № 10, 1927 г.

ХРОНИКА

20 октября сего года закончились охотничьи поля с борзыми и гончими собаками в имении Першино, где Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич со своими гостями начал полевание с 17 сентября сего года. В охоте участвовали: Августейший хозяин, Св. Кн. Д. Б. Голицын со своим сыном Б. Д., Ген.-Адъют. А. А. Грюнвальд, Гр. Д. Г. Менгден, Кн. В. Е. Голицын, А. К. и М. А. Болдыревы, Д. Д. Осиповский, Б. В. Диц, И. П. Мятлев со своими сворами борзых и Д. П. Вальцов, Б. З. Малама и Я. П. Головин с Першинскими борзяными сворами борзых. Всего с Першинскими борзяными въезжало в поле от 25 до 35 свор. За месяц сделано 22 поля, хотя погода и мешала правильности полей и рано начавшиеся морозы заковывали землю на целые дни, не давая возможности выезжать в поле. Затравлено за осень: 4 волка, 39 лисиц, 349 русаков и 125 беляков, а всего 517 штук.

«Охота», № 1, 1914 г.

ФОТОАРХИВ

Князь Д. Б. Голицын

ГОЛИЦЫНЫ

Род князей Голицыных один из самых старинных и знаменитых в России. С 1778 года князь Петр Алексеевич Голицын в течение 23 лет управлял царской охотой в должности обер-егермейстера при императрице Екатерине II. В этой же должности служил Дмитрий Михайлович Голицын.

Большими любителями охоты были князья Алексей Дмитриевич и Александр Дмитриевич Голицыны. Последний занимал высокий пост вице-канцлера при Петре III и обер-камергера при Екатерине II, ему даже разрешалось охотиться в запрещенных местах под Москвой, в Кускове.

В 1880 году на высокий пост обер-егермейстера был назначен Борис Федорович Голицын. Велика заслуга князей Голицыных, особенно в деле развития породы борзых, которые славились своей резвостью и мертвой злобой. Так, в 1910 году красно-пегий кобель Дмитрия Борисовича Лебедь выиграл на садках великонижеский

Князь Б. Ф. Голицын

приз. Борзые светлейшего князя Д. Б. Голицына, управляющего императорской охотой, вошли в родословные знаменитых першинских собак. Д. Б. Голицын вел породу борзых 30 лет.

Б. МАРКОВ

ПО ДАННЫМ КНИГИ РЕКОРДОВ ГИННЕССА

РЕКОРДЫ В СОБАЧЬЕМ МИРЕ

Самые тяжелые. Самой тяжелой породой среди домашних собак является сенбернар. Самым тяжелым из известных нам экземпляров считается Бенедиктин-младший Шварцвальд Хоф, принадлежавший Томасу и Анне Ирвин из Гранд Эпидис, Мичиган. Он родился в 1982 г. и весил 140,6 кг 20 марта 1987 г. (при высоте в холке 99 см).

Самые высокие. Самые высокорослые породы собак — немецкий дог и ирландский волкодав — превышают в холке 99 см. Среди немецких догов самым крупным экземпляром признан Шамгрет Данзас (род. в 1975 г.), принадлежавший супругам Питер Комли из Милтон Кейнис, Бакс. Его рост 105,4 см, а со вздыбленной шерстью — 106,6 см, а вес 108 кг.

Самые мелкие. Самыми мелкими породами собак в мире являются йоркширтерьер, чи-хуа-хуа и карликовый пудель, миниатюрные разновидности которых в зрелом возрасте могут весить менее 453 г. Самой маленькой взрослой собакой считается йоркширтерьер размером со спичечный коробок. Он принадлежал Артуру Ф. Марплсу из Блэкберна, Ланкашир, бывшему редактору журнала «Наши собаки». Это крохотное существо, умершее в 1945 г. в возрасте около 2 лет, имело высоту в холке 6,3 см и длину от кончика носа до основания хвоста 9,5 см. Весил он невероятно мало — 113 г!

Самые старые. Продолжительность жизни большинства собак колеблется от 8 до 15 лет; достоверно известные случаи, когда собаки жили больше 20 лет, встречаются крайне редко. Максимальная достоверная продолжительность жизни собаки — 29 лет 5 месяцев. Столько прожила австралийская собака-пастух по кличке Блюи, принадлежавшая Лесу Холлу из Рочестера, Виктория, Австралия. К своему владельцу собака попала в 1910 г. в щенячем возрасте. С тех пор она пасла крупный рогатый скот и овец на протяжении почти 20 лет. 14 ноября 1939 года ее усыпили.

Британский рекорд долгожительства среди собак — 27 лет 313 дней — установил кобель шотландской овчарки колли по кличке Тэффи, принадлежавший Эвелин Браун, Уэст

Бромвич, Западный Мидлендз. Он родился 2 апреля 1952 г. и умер 9 февраля 1980 г.

Самые редкие. Самой редкой породой собак является чинук, который первоначально был выведен в Нью-Хэмпшире в начале XX века для использования в качестве ездовой собаки. Даже на пике популярности численность собак этой породы составляла менее 300 особей, а к 1966 г. сократилась до 125. 12 лет спустя оставалось только 28 собак этой породы, но с тех пор численность их возросла более чем в два раза благодаря усилиям Ассоциации владельцев собак породы чинук. В сентябре 1985 г. в Нью-Йорке родилось шесть щенят, и порода стала насчитывать 76 особей (все в пределах США).

Самые ценные. В 1907 г. Клариса Эштон Кросс из Эскота, Беркшир, отклонила предложение американского финансиста и промышленника Дж. Пирпона Моргана продать ему за 32 000 фунтов стерлингов (за 865 000 фунтов стерлингов — по нынешнему курсу!) ее знаменитого пекинеса по кличке Ч. Черх из Алдерберна (1904—1914). Морган вернулся затем с «открытым» чеком, но вновь получил отказ. Самое большое для собаки наследство — 15 млн фунтов стерлингов — в 1931 г. завещала своему пуделю по кличке Тоби Элла Вендель из Нью-Йорка.

Подготовил А. САФОНОВ

ВОТ ОНА УДАЧА!

Селезни в то утро не летали. Близился конец весенней охоты. Заливной луг дышал летом. Всюду зеленела травка, желтели цветы калужницы, вода уходила с каждым днем. Весь луг звенел melodичными голосами многочисленных куликов.

Я сидел в заметно поредевшем шалаше из лапника, отгоняя комаров и наблюдал, как мои подсадные, безрезультатно накричавшиеся на заре, активно кормились, то и дело показывая мне свои хвостики, торчащие вертикально из воды. Два десятка чучел, рассаженные вокруг шалаша, также не прельщали даже бестолковых трескунков. Утки попросту не летали. Еще вчера брат из этого шалаша взял трех кряковых и одного чиркового селезня, а сегодня — ни птички. Привыкший к таким загадкам поздневесенней охоты с подсадной, я решил было собираться домой, но тут туман, покрывавший луг молочно-белой пеленою, начал вдруг рассеиваться под лучами майского солнца, и я решил посидеть еще минут двадцать: чем черт не шутит...

Гусиный гогот раздался прямо над шалашом. Привычным движением выхватил два патрона с тремя нолями из специальных гнезд на рукаве охотничьей куртки и вывалился из шалаша. Гуси были в тридцати метрах от меня и шли на высоте человеческого роста над землей. Переломил ружье, выбросил пятерку и, понимая, что опаздываю, заряжаю только левый ствол. Распухнув от постоянной весенней влаги, патрон не дает закрыться ружью. Пришлось загнать его с силой, но драгоценные секунды уже потеряны. Когда я приложился, пять гуменников спокойно удалялись от шалаша. До них было уже метров семьдесят. Выстрел был скорее от обиды. Гуси, казалось, не обратив на него внимания, удалялись на восток. Раздосадованный неудачей, я провожал гуменников глазами. Вдруг на расстоянии около четырехсот метров от шалаша четыре птицы резко свернули вправо и пошли ввысь, а пятая плавно опустилась в осоку. Не задумываясь, я бросился бежать к замеченным кустам. Там, в болоте, пролазив минут десять и залив оба сапога, я как истинный собачник искал подранка один без всякой веры в успех. «Пока за дело не возьмутся мои вислоухие помощники, мне ничего не найти», — рассуждал я. И когда было уже решено идти домой

за собаками, вдруг заметил что-то белое в самом центре болота. «Кусок пенопласта занесло во время половодья», — подумал я, не веря в свою удачу. Но вот, приближаясь к предмету, я четко различил расплаственные в траве крылья и саму тушку птицы, а белое — это же подхвостье! Громадный гуменник лежал на кочке в центре болота, навалившись на нее грудью и распустив хвост. Он был мертв. Вот она удача!

Михаил ФОКИН

НЕВЕРОЯТНАЯ СЦЕНА

Эта история произошла в прошлом году в глухом углу Владимирской области. А началась она с первых весенних грибов-сморчков, которых в наших местах бывает очень много. В том году весна была запоздалая, ночи стояли холодные, и сморчки пошли довольно поздно — во второй половине апреля. С утра я отправился в лес, взяв своего неразлучного друга, спаниеля Томми. На обратном пути мы планировали зайти на место вальдшнепиной тяги, где я стоял прошлым вечером и не нашел подранка.

Мы двигались по светлому березовому лесу. Впереди работал Томми, тщательно обследуя каждый метр лесной почвы, покрытой прошлогодними листьями. Тут и там попадались сморчки, и скоро небольшая корзинка была заполнена доверху. Присев очистить от листьев очередную кучку сморчков, я потерял из виду собаку.

Вдруг в стороне послышался злобный лай собаки, затем ее визг и какое-то странное, незнакомое мне горкое тявканье. Вскоре передо мной разыгралась невероятная сцена. В редколесье мне было видно все как на ладони. В мою сторону во всю собачью прыть летел Томми, а за ним в каком-нибудь метре неслась другая собака и тявкала, а вернее сказать, гнала его с голосом, как заправская гончая. Я опешил. В таком безлюдном месте (охотников здесь почти не бывает) весной и — гончая, правда, что-то слишком мелковатая. Тем временем развязка приближалась. Не добежав до меня метров пять, моя собака резко остановилась, развернулась и погнала с голосом своего недавнего преследователя. Собаки поменялись ролями. Я стоял как завороженный и только сейчас по хвосту удаляющейся «гончей» понял, что это не собака, а лиса.

Я присел на пенек и никак не мог прийти в себя. А тем временем гон продолжался, голос собаки то приближался, то удалялся, то вовсе сходил со слуха. Минут через двадцать появился мой «герой». Вид у него был ужасный: весь в колючках, мокрый, язык набок. Виновато озираясь и тяжело дыша, он подошел и лег возле моих ног.

Немного отышавшись, собака оживилась. Только поведение ее, как мне показалось, стало довольно странным: она то уходила в сторону, то, пройдя метров десять, останавливалась, потом снова подходила ко мне, и все повторялось вновь. Казалось, она меня куда-то звала. Да, несомненно, собака делала «доклад». И я поспешил за ней.

Пройдя метров тридцать, я увидел Томми, который лаял на небольшую густую ель, в корнях которой на пуховой подстилке лежали скавшиеся в клубок пятро лисят. Зверьки были крошечные, но уже зрячие. Вот и разгадка! По всей вероятности, лисица перенесла лисят из норы в более безопасное место — на это временное убежище и наткнулся пес. Получив должный отпор от храброй матери, он дал деру. Я взял собаку на поводок и поспешил уйти от этого места.

С. СОРОКИН

ВОТ ЭТО ДА...

На удивление редкий случай произошел у меня с отцом в октябре 1947 года. В лес мы пришли затемно. Стоя на проsekе, я стал манить рыбчика и после первого же свистка слетел он и с «громом» пошел прямо на меня. Не успел я и глазом моргнуть, как рыбчик сел ко мне на правое плечо и застекотал. Держа манок в зубах, я автоматически свистнул еще раз. Петушок перескочил на голову (на мне была кепка). Я стоял как камень, не шевелясь, а рыбчик, продолжая стрекотать, начал вертеться на голове, как на пеньке. Через несколько секунд он сорвался и более не подлетал. Отец стоял в трех метрах от меня и с восторгом наблюдал эту картину.

В свои молодые годы я предпочитал охоту по тетеревам в лунках. Интересных случаев было много, но один — особенный. Это случилось в феврале 1959 г. В один из вечеров, приметив на берегах стайку тетеревов, я дождался вкрытия, пока они не «купали» в снег, и быстро направился к тому месту. Случилось так, что я оказался в центре лунок. Первого же вылетевшего петуха я сбил с первого выстрела, после чего тетерева стали вылетать со всех сторон. Я засуетился и дал несколько промахов, успевая перезаряжать ружье. И вдруг под лыжами у меня что-то начало шевелиться. Я расставил ноги и в этот момент из снега вырвался косач и влетел мне под куртку. От неожиданности я опешил и стал его вытряхивать. Он упал под ноги и тут же поднялся. Выстрел... и он камнем падает в еловый куст, заваленный снегом. Я попытался достать птицу, но меня с ног до головы завалило снегом; пришлось переодеваться: снег был всюду — в валенках, под курткой, под рубашкой, в рукавах. Случай этот похож на охотничью байку и никто мне никогда не поверил бы, если бы не свидетель — со мной была моя жена. Мы были женаты на первом году и часто в лес на лыжах с ружьем ходили вместе.

С. ЧУМАКОВ,
Московская обл., г. Фрязино

Фотоулыбка

НА ПРИВАЛЕ

В НОМЕРЕ

С открытием охоты 1

Охотничье хозяйство и промысел

Письма о перерегистрации оружия	2
БЛЮМ М. Консультации оруживеда	5
РУСАНОВ Г. Малый Жемчужный	6
АСТАФЬЕВ Н., МАМАЕВ Ю. Федеральный закон об охоте: каким ему быть?	8
КОЖЕВНИКОВ Г. Дарвин как охотник	12
ЯНКОВСКИЙ В. Синий фазан	15
КУЗЯКИН В. Международная птица — вальдшнеп	16

Наука

ЗИМИНА Р. Слово об учителе 18

Молодому охотнику

ЧЕРНЫШЕВ В. С легавой 22

Оружие и снаряжение

БОРУМБЕЙ Н. Ружье с откидным прикладом	26
НОВИЦКИЙ И. Крупная картечь в ружьях малых калибров	27

Литературные страницы

АЛЕХИН И. Перепелки	28
БАННИКОВ Н. Русский бор	32
МАРКОВ Б. Певец природы	35

За рубежом

ЕГОРОВ О. Д. К. Соловьев — охотник на слонов и буйволов	36
СОЛОВЬЕВ Д. В джунглях Цейлона	37
УСПЕНСКИЙ С. Журавли	41
Письма читателей	42
На привале	44

Поправка

В № 6, 1994, статья М. Чижова, В. Довгучица «Как добить панты?», на стр. 13, внизу, номер телефона следует читать: 459-98-52

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Деккен, А. М. Лаврова, Я. С. Русланов, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастянов, А. А. Улитин, С. М. Успенский, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев, Ю. П. Язан.

Художник В. Ю. Есаулов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер
Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 31.05.94 г. Подписано к печати 23.06.94.
Формат 84×108^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 76900 экз. Заказ 2805 Цена 1600 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Комитета Российской Федерации по печати
142300, г. Чехов Московской области

СКИФЫ-ОХОТНИКИ

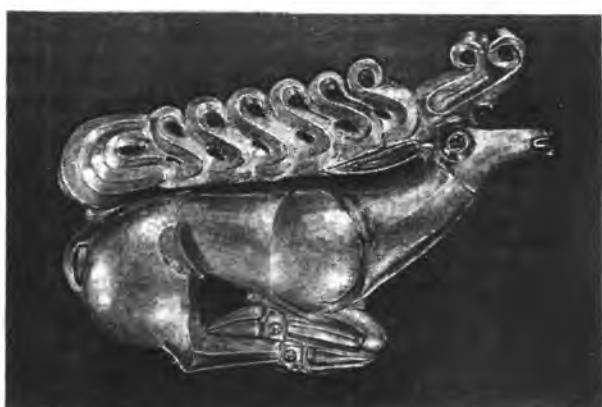
О скифах известно не слишком много. Был конгломерат ираноязычных народов, кочевавших по причерноморским степям (7 в. до н. э.—3 в. н. э.). Об их жизни рассказывают курганы, где похоронены племенные вожди. По изображениям на ритуальных предметах можно судить о пристрастиях этих степных людей. Одним из основных увлечений несомненно была охота. Охотничих сцен немного, но зато изображения животных — объектов охоты — настолько многочисленны, что это позволяет говорить о скифских художниках как об анималистах по преимуществу. Здесь следует оговориться, часть представленных предметов вышла из мастерских греческих ювелиров, работавших по заказам скифской знати в скифских традициях.

В фигуре зверя подчеркнуты его характерные черты: в пантере — гибкость и тяжесть когтистых лап, в олене — мощь мышц, способствующих бегу. Особенно любимы сцены борьбы зверей, причем и реальных и фантастических. Излюбленны изображения оленя, орла и барса. На востоке скифского мира встречаются изображения тигра и лося. Можно предложить, что эти звери были тотемами племен.

Реже встречаются зайцы, волк, вепрь, горный козел, сайга. Есть и неохотничьи животные: лягушка, ящерица, черепаха, змея и т. д. Практически отсутствуют изображения лесных животных: белки, бобра, косули, медведя, соболя. Нет свидетельств о существовании у скифов охоты с ловчими птицами, но тесная связь с ближневосточными цивилизациями (Персидской, Ассирийской) позволяет судить и о ее существовании. Косвенно это подтверждается и обилием сцен терзания орлами различных животных.

По набору зверей — объектов охоты — можно судить о том, что скифские охоты вряд ли сильно отличались от охот последующих обитателей южнорусских степей.

В. ЕСАУЛОВ

ЖУРАВЛИ

